

П Ъ С Н И

собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Новая серія.

Изданы

Обществомъ Любителей Россійской Словесности при Московскомъ
Университетѣ

подъ редакціей дѣйствительнаго члена Общества

проф. М. Н. Сперанскаго.

Выпускъ II, часть I.

(Пѣсни необрядовыя).





ПАМЯТИ

ДѢИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА

АКАДЕМИКА

Всеволода Федоровича

Миллера.

Предисловіе.

Второй выпускъ новой серіи „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, издаваемыхъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности, согласно общему плану, принятому редакціей, долженъ заключать въ себѣ *необрядовыя* пѣсни собранія П. В. Кирѣевскаго. Въ составъ этого выпуска предположено было помѣстить около 3000 пѣсенъ, находящихся главнымъ образомъ въ 15 папкахъ четвертой группы собранія П. В. К—аго (см. вып. I, стр. LXXII—LXXII), поскольку матеріалъ этотъ не былъ использованъ первымъ выпускомъ той же серіи и въ болѣе раннихъ изданіяхъ Общества („Пѣсни, собр. П. В. К—имъ“ М. 1868—74 и „Калѣки переходящія“ М. 1861—64), при чемъ въ изданіе также не предполагалось включать немногія пѣсни невеликорусскія (малорусскія и бѣлорусскія), сохранившіяся въ собраніи*), а также единичныя записи не-пѣсеннаго характера (отдѣльныя записи сказокъ, мѣстныхъ словъ и т. п.).

Весь подлежащій изданію матеріалъ по внимательномъ его изученіи распределенъ по его характеру и достоинству на слѣдующія четыре категоріи: 1) пѣсни, имѣющія совершенно точное указаніе на ихъ происхожденіе, т. е. такія, гдѣ въ рукописяхъ собранія, чистовыхъ или черновыхъ, точно определено, кѣмъ, когда и гдѣ записана та или иная пѣсня или группа ихъ; 2) пѣсни съ недостаточно точными указаніями на ихъ происхожденіе въ собраніи Кирѣевскаго—сравнительно небольшая группа, дополняющая собою предъидущую; 3) пѣсни на рукописяхъ коихъ нѣтъ никакихъ указаній на ихъ происхожденіе—группа весьма значительная; 4) пѣсни, выписанныя П. В. К—имъ и его корреспондентами въ качествѣ народныхъ изъ старинныхъ печатныхъ пѣсенниковъ, бывшихъ въ распоряженіи собирателей, а также изъ кое-какихъ иныхъ изданій **).

*) Малорусскія пѣсни въ записяхъ Н. В. Гоголя, сохранившіяся въ собраніи П. В. К—аго, изданы въ Сборникѣ Историко-филологическаго Общества при Нѣжинскомъ И.-Ф. Институтѣ, вып. VIII (1912 г.): М. Сперанскій „Къ исторіи собранія пѣсенъ Н. В. Гоголя“.

**) Насколько можно было установить по замѣткамъ и указаніямъ самихъ рукописей собранія, выборка для собранія производилась изъ слѣдующихъ изданій: „Новый Россійскій пѣсенникъ, изданный І. К. III. и Т. П.“ 1791 г., „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ П. III.“ изд. Глазуновымъ, М. 1819 г., „Жизнь Ваньки Каина“ 1788., „Русское національное пѣснопѣніе“, М. 1816 г., „Всеобщій новоизбранный пѣсенникъ“ 1805 г., Новиковскій „Пѣсенникъ“ 1780 г., „Московскій и Санктпетербургскій пѣсенникъ“ Рѣшетникова, 1799 или 1803 г., „Пѣсни русскаго народа“ собр. И. П. Сахаровымъ, 1839 г.

Таковъ долженъ быть составъ второго выпуска „новой серіи“ „Пѣсенъ К-аго“. Тяжелыя условія настоящаго времени, не нормальное положеніе печатнаго дѣла побудили Общество отложить полное осуществленіе въ печати второго выпуска до болѣе благоприятнаго времени и выпустить въ свѣтъ ту его часть, которая болѣе или менѣе закончена печатаніемъ къ настоящему моменту; поэтому появляющійся теперь матеріалъ собранія П. В. К-аго составляетъ лишь первую часть второго выпуска.

Въ эту часть вошла только первая изъ четырехъ категорій пѣсенъ, да и то не цѣликомъ: согласно принятому расположенію пѣсеннаго матеріала, сюда могли войти пѣспи только изъ слѣдующихъ девяти губерній: Архангельской, Вологодской, Пермской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской, всего—около 450 пѣсенъ.

По отношенію къ печатанію самыхъ текстовъ пѣсенъ примѣнены тѣ же приемы, что и въ первомъ выпускѣ (см. вып. I, стр. 3 статьи В. Ф. Миллера). Вошедшіе въ издаваемую часть пѣсни доставлены въ собраніе П. В. К-аго тѣми же его корреспондентами, которые участвовали и въ первомъ выпускѣ: П. Н. Базилевскимъ, А. Борисовымъ, Н. С. Селивановскимъ, П. В. Туринымъ, А. М. Тургеневымъ*); но здѣсь выдѣляются по количеству также записи и самого П. В. Кирѣевского: почти всѣ Новгородскія и значительная часть Московскихъ пѣсенъ записаны имъ.

Настоящій выпускъ, его планъ, былъ выработанъ еще при участіи В. Ф. Миллера († 5 ноября 1913); осуществленіе же этого плана выпало на долю нижеподписавшагося, который съ своей стороны считаетъ долгомъ принести благодарность Еленѣ Николаевнѣ Елеонской, въ многомъ оказавшей помощь редактору при разборѣ и подготовленіи къ печати сырого матеріала собранія Кирѣевского.

М. Сперахскій.

10 окт. 1917.

*) См. вып. I, стр. XLIX.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Отъ редактора.	I

ПѢСНИ НЕОВРЯДОВЫЯ.

Архангельской губ.	3
Вологодской "	42
Пермской "	45
Олонецкой "	46
Новгородской "	47
Тверской "	63
Костромской "	70
Ярославской "	71
Московской "	74

ПѢСНИ НЕОБРЯДОВЫЯ.

I. Архангельской губерніи.

а) г. Холмогоры.

1173 (1).

Куревѣшка, куревѣ
Закутила, замела
Всѣ дорожки, всѣ пути,—
Нельзя къ милому итти.
Пошла по дрова —
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла—
Поздоровалася:
„Здравствуй, миленькой дружокъ!
Ко мнѣ въ гости гости!
Да подальше садись!
Ужъ какъ нынѣшни люди
Догадливые,
Переводливые:
Накутять, намутять,
Съ тобой, милой, разлучать“.

1174 (2). *)

Трубка вилася, вилася,
Вывела сестру—приголубку;
Садилася голубка на лавку,
На лавочку подъ окошко.
Прилетѣлъ голубокъ на окошко,
Началъ голубокъ ворковати,
Всякими **) ясаками ***),
Молодецкими словесами.

*) При каждомъ почти стихѣ и послѣ: *ой люли*, прибавляютъ слово: *да*.—*Собир.*

**) Здѣсь въ творительномъ падежѣ множ. числа въ именахъ прилагательныхъ употребляютъ всегда двойственное число.—*Собир.*

***) Ясакъ—языкъ, нарѣчіе.—*Собир.*

1175 (3).

Ахъ, по помосту, мосту
По калиновому,
Ай люли, ай люли, по калиновому.
По второму то мосточку
По малиновому,
Ай люли, ай люли, по малиновому.
Туда шолъ, прошолъ
Молодой бурлакъ,
Ай люли, ай люли, молодой бурлакъ.
Молодой бурлакъ—
Голубой кафтанъ.
Ай люли, ай люли, голубой кафтанъ.
Изъ семи шелковъ кушакъ,
Опоясавшись не такъ,
Ай люли, ай люли, опоясавшись не такъ.
Опоясавшись не такъ—
Золотымъ кистью назадъ.
Ай люли, ай люли, золотымъ кистью на-
Полы машутся, [задъ.
Раздуваются;
Ай люли, ай люли, раздуваются.
Подъ косящетымъ окошечкомъ
Ровняется бурлакъ.
Ай люли, ай люли, ровняется бурлакъ.
Подъ косящетымъ окномъ
Дѣвка ткала полотно.
Ай люли, ай люли, дѣвка ткала полотно.
Дѣвка ткала и катала,
За окошко опускала:
Ай люли, ай люли, за окошко опускала.
„Полѣзай милой въ окно—
Не сорвется полотно“!
Ай люли, ай люли, не сорвется полотно!

У сосѣда изъ окна

Увидали молодца.

Ай люли, ай люли, увидали молодца.

Не купецкій молодецъ

Но ночамъ въ окошко лѣзъ.

Ай люли, ай люли, по ночамъ въ окошко

У него денегъ на малѣ, [лѣзъ.

Одинъ рубличекъ въ карманѣ.

Ай люли, ай люли, одинъ рубличекъ въ

Рубля денегъ не берутъ, [карманѣ.

Къ городничему ведутъ.

Ай люли, ай люли, къ городничему ведутъ.

Городничій господинъ

За столомъ сидитъ одинъ,

Ай люли, ай люли, за столомъ сидитъ одинъ.

Онъ не судитъ, онъ не рядитъ,

Только денежки беретъ,

Ай люли, ай люли, только денежки беретъ,

Только денежки беретъ,

Вину на дѣвицу кладетъ.

Ай люли, ай люли, вино на дѣвицу кладетъ.

1176 (6).

Какъ у моего милаго 2.

Два сада зеленыхъ: 2.

Во первомъ саду, садочкѣ 2

Кокуетъ кокуша, 2.

Во второмъ саду садочкѣ 2.

Поетъ пташа—птица, 2

Поетъ пташица прекрасно 2

Разнымъ голосочкомъ. 2

Я спишу ли голосочикъ 2

На тонкой листочикъ, 2

Что на тоненькой листочикъ, 2

На бѣлу бумажку. 2

Отошлю ли я листочикъ 2

Въ дальній городочикъ, 2

Что во дальній городочикъ 2

Къ своему милому: 2

„Ты позволъ ка, моя радость, 2

Хорошо ходити“. 2

— Ты ходи, ходи, милая, 2

Ходи хорошенько! 2.

Ты умойся, убѣйся, 2

Баско снаряжися! 2

Не ходи, моя милая, 2

Къ сосѣду въ бесѣду: 2.

У сосѣда на бесѣдѣ 2

Все сидятъ холбосты. 2.

У холоста глаза остры, 2

Сами завидуши; 2

Холость глазиномъ поводитъ, 2

Изъ ума выводитъ, 2

Чорны брови надъмаетъ, 2

На дворъ вызываетъ; 2.

Онъ на дворикъ вызываетъ, 2

Подарокъ желаетъ, 2

Подарочекъ онъ желаетъ 2

Персидскаго платъ. 2

А я тебѣ подарю-то 2

Золото колечко.— 2.

1177 (5).

Ты сударушка моя!

Вечоръ былъ я у тебя,

Не узнала ты меня,

Не узнала, опознала,

Отъ себя прочь отсылала.

Какъ мое сердце болить,

Отойти прочь не велить,

Не велить прочь отойти:

Велить дѣвицу любить,

Велить дѣвицу любить,

Во деревнюшку ходить.

— Что деревня отъ деревни

Не подалече стоять;

Не подалече стоять—

Промежду рѣч(ь)ка бѣжить;

Тонка жордочка лежить,

Я по жердочкѣ шла,

Я по тоненькой,

Я по тоненькой,

По еловенькой.

Тонка жердочка гнется

Да не ломится:

Хорошо съ милымъ водиться,

Да не стошнитъ;

Хоть и стошнитъ,

Разгуляюсь я пойду:

Пойду, выйду молода

За новыя ворота.

Выпускала сокола

Изъ праваго рукава;

На полетикѣ соколику

Наказывала,

Я наказывала,

Наговаривала:

„Полети ты, мой соколъ,

Высоко и далеко,

Что высоко и далеко—

На родиму сторону;

На родимой-то сторонкѣ

Грозень батюшка живетъ;

Онъ грозень, грозень, грозень

Да не милостивъ:

Не спускаетъ молодешеньку

На улицу гулять,
 Со ребятами играть,
 Съ молодежью говорить".
 Я не слушаю отца,
 А потышу молодца;
 Я за то его потышу,
 Зовутъ Ванюшею,
 Зовутъ Ванюшею,
 Пивоварушею.
 Пивоваръ пиво вариль,
 Зелено вино куриль,
 Зелено вино куриль,
 Красныхъ дѣвушекъ любиль.

1178 (6).

На ули́цѣ, на ули́цѣ,
 На ули́цѣ бѣлъ козелъ,
 Бѣлъ козелъ, бѣлъ козелъ 2.
 Спочилъ ко́зелъ, вскочилъ ко́зелъ,
 Вскочилъ козелъ въ огоро́дь,
 Въ огоро́дь, въ огоро́дь, 2
 Стопталъ козелъ, стопталъ козелъ,
 Стопталъ козелъ лукъ, чесно́къ,
 Лукъ чесно́къ, лукъ чесно́къ; 2.
 Едно́й травки, едно́й травки,
 Едно́й травки не стопталъ;
 Не стопталъ, не стопталъ, 2.
 Едно́й травки, едно́й травки,
 Едно́й травки муравой,
 Муравой, муравой. 2.
 Шла дѣвица, шла дѣвица,
 Шла дѣвица за водой,
 За водой, за водой, 2.
 За холодной, за холодной,
 За холодной ключевой,
 Ключевой, ключевой; 2.
 Брала козла, брала козла,
 Брала козла за рога,
 За рога, за рога; 2.
 „Поведу я, поведу я,
 Поведу я на базаръ,
 На базаръ, на базаръ, 2.
 Промѣняю, промѣняю,
 Промѣняю на товаръ,
 На товаръ, на товаръ: 2.
 На алыя, на алыя,
 На алыя румяна,
 Румяна, румяна, 2.
 На бѣлыя, на бѣлыя,
 На бѣлыя бѣлила,
 Бѣлила, бѣлила“. 2.
 —Отъ чего же, отъ-чего же,
 Отъ чего же ты ала,
 Алѣшенька ала?—2.

„Сударь, печку, сударь, печку,
 Сударь, печку топила,
 Топила, топила, 2.
 Противъ печки, противъ печки,
 Противъ печки стояла,
 Стояла, стояла, 2.
 Жаромъ лицо, жаромъ лицо,
 Жаромъ лицо нажгала,
 Нажгала, нажгала“. 2. *)
 Отъ чего же, отъ чего же,
 Отъ чего же ты бѣла,
 Бѣлѣшенька бѣла?— 2.
 „Сударь, мучку, сударь, мучку,
 Сударь, мучку сѣяла,
 Сѣяла, сѣяла“. 2.

*) Нажгала—нажгла. *Собир.*

1179 (7).

Иванушка травку ко́силъ,
 Косы поломались;
 Косы, косы поломались—
 Во кусты бросали:
 Что сказали про дѣвицу,
 Небыль, небылицу,
 Будто я красна дѣвица
 По молодцѣ ту́жу.
 — Не ту́жи, красна дѣвица!
 Тебя не забуду:
 Случай будетъ въ Питерѣ ѣхать,
 Привезу подаро́къ,
 Привезу, душа, подаро́къ—
 Золото колечко,
 Золото ли то колечко
 Ко красну крылечку.
 Пойдешь, выйдешь на крылечко,
 Брякнешь во колечко
 Стукнешь, брякнешь во колечко.
 Растоскуется сердечко.
 Заплетешь тоску кручину,
 Коню въ сиву гриву;
 Сивой, ивой конь поткнется,
 Грива растрехнется,
 Сива грива растрехнется,
 Тоска распадется.
 Разойдись тоска, кручина,
 По чистому полю!
 Заростай, тоска, кручина,
 Травой муравою,
 Травой, травой муравою,
 Разными цвѣтами.
 На ули́цѣ три молодца
 Совѣтъ совѣтали,
 Совѣтъ, совѣтъ совѣтали,

Жеребій метали:

Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка?

Оставались деньги Мишкѣ,
Цвѣтно платье Гришкѣ,
Доставалась красна дѣвка
Дружку-Иванушку.

Пошелъ Гришка осердился,
Съ Мишкой не простился,
А Ванюшка удалой
Пошолъ—веселился.

1180 (8).

У Пенькова, у Пенькова,

У Пенькова у купца,

Хорошая моя, пригожая моя!

У Пенькова у купца

Была дочь хороша,

Хорошая моя, пригожая моя!

Была дочь хороша,

Свѣтъ-Дуняша душа.

Хорошая моя и проч.

Какъ повадилась Дуняша

Въ особливой спальни спать

Хорошая моя...

Съ едной нянюшкою,

Со Татьянушкою

Хорошая моя...

Со Пенькова со двора

Младый принцъ прїѣзжалъ,

Хорошая моя...

Младый принцъ прїѣзжалъ,

Штофикъ рому привозилъ,

Хорошая моя...

Штофикъ рому привозилъ,

Таню пьяной напоилъ,

Хорошая моя...

Таню пьяной напоилъ,

Авдотьюшку угостилъ,

Хорошая моя...

Авдотьюшку угостилъ,

Онъ съ собой гулять возилъ.

Хорошая моя...

Родной батюшка хватился,

По всѣмъ горницамъ бросился,

Хорошая моя...

По всѣмъ горницамъ бросился,

У сосѣдей колотился:

Хорошая моя...

„Вы сосѣди, вы сосѣди,

Вы сосѣдушки мои!

Хорошая моя...

Не видали ли, сосѣди,

Вы Дуняши моей“?

Хорошая моя...

— Мы видать-то не видали,
Только слышали про ней:

Хорошая моя...

Спать у принца на руки
На суконномъ рукавѣ.—

Хорошая моя...

Родной батюшка идетъ,
Вдоль по улицы ведетъ.

Хорошая моя...

Вдоль по улицы ведетъ,
По бѣлому лицу бьетъ,

Хорошая моя...

По бѣлому лицу бьетъ,
Приговариваетъ:

Хорошая моя...

„Ты не будь такова,
Какъ моя прежняя жена,

Хорошая моя...

Какъ моя прежняя жена,
Твоя матушка родна!“

Хорошая моя, пригожая моя!

1181 (9).

На угорышкѣ часовенька стояла,

Да стояла, стояла, стояла;

Черезъ рѣчку черемушка лежала,

Да лежала, лежала, лежала.

Что никто по той черемушкѣ не пройдетъ,

Да не пройдетъ, пройдетъ пройдетъ?

Двѣ ягодки переходятъ,

Переходятъ, переходятъ, переходятъ,

Двѣ наливныя переходятъ,

Переходятъ, переходятъ, переходятъ.

Еще Ѳеодоръ Катерину переводить,

Переводить, переводить, переводить:

„Ужъ ты, Катенька, не свалнися,

Не свалнися, свалнися, не свалнися,

За сибирочку задержнися,

Задержнися, задержнися, задержнися!“

Чтобы Катенька не упала,

Не упала, не упала, не упала,

Она къ Ѳеодору въ семью попала

Да попала, попала, попала,

Что во эту семью таровату,

Таровату, таровату, таровату *),

Во природушку вожевату,

Вожевату, вожевату, вожевату **).

*) Тароватый — ласковый, обходительный, щедрый, не скупой.—*Собир.*

**) Вожеватый—гостепріимчивый, любящій водить гостя, т. е. быть самому въ гостяхъ и къ себѣ гостей принимать.—*Собир.*

1182 (10).

По морю корабличекъ бѣжалъ—таки бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ—таки бѣ-
жалъ.

Во корабличкѣ Васильюшко игралъ—таки
игралъ:

Ай люли, ай люли, онъ игралъ—таки
игралъ

Понграйте, гусли мысли, вы теперечи при мнѣ:

Ай люли, ай люли, вы теперичи при мнѣ!

Вы теперичи при мнѣ—при Васильѣ молодцѣ!“

Ай люли, ай люли, при Васильѣ молодцѣ.
Васильѣва мать Ирина таки рѣчи говорить:

Ай люли, ай люли, таки рѣчи говорить.

— Полно, Вася, ты гулять, ко вдовушки по-
бывать,

Ай люли, ай люли, ко вдовушки побывать.

У вдовушки дочь хорошую любить—таки
любить.

Ай люли, ай люли, дочь любить—таки-лю-
бить.

Родимая моя мать, тебѣ меня не унять

Ай люли, ай люли, тебѣ меня не унять.

За быстру рѣчку гулять, ко вдовушки побы-
вать,

Ай люли, ай люли ко вдовушки побывать.

У вдовушки дочь хорошую любить—таки
любить:

Ай люли, ай люли, дочь любить—таки
любить.

Брови черны соболины, очи ясны соколины,

Ай люли, ай люли, очи ясны соколины,

Ей походочка павина, тиха рѣчь лебедина,

Ай люли, ай люли, тиха рѣчь лебедина,

Она баеъ, разсыпаетъ, какъ погодой посы-
паетъ,

Ай люли, ай люли, какъ погодой посыпаетъ.

Хоть погодой рассыпаетъ, Васю мать не по-
такаетъ,

Ай люли, ай люли, Васю мать не пота-
каетъ.

1183 (11).

Мой сизой голубчикъ!

Ты зачѣмъ, для чего

Въ садикъ не летаешь?

Буйнымъ вѣтромъ

Сизаго относить,

Частымъ дождемъ

Крылья, перья мочить.

Мой миленькой,

Мой милой дружочикъ!

Ты почто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?

Твой отецъ и мать

Тебя не спускаютъ,

Твой родъ—племя

Тебѣ запрещаютъ.

Удалой молодчикъ

Сидѣлъ, посидѣлъ

Во темной темницѣ;

У той у темной,

У темной темницы

Ни дверей нѣту,

Нѣту ни окошекъ;

Еще въ ней нѣту

Ни красна крылечка,—

Только есть одна

Труба дымовая;

Изъ той изъ трубы

Дымъ-отъ повѣваетъ.

Меня молоду

Горе разбираетъ:

Пойду молода

Съ горя въ зеленъ садикъ;

Пойду, возьму я

Ключи золотые,

Отопру я сундуки,

Ларцы кованые,

Возьму денегъ я

Ровно сорокъ тысячъ;

Стану дружка я

Дружка выкупати,

Изъ неволюшки

Его выручати.

Охъ! грозень судья,

Судья воевода!

Моя казны

Казны не примаеъ.

Меня молоду

Горе разбираетъ:

Пойду молода

Съ горя въ чисто поле,

Пойду, нарву я

Лютаго коренья,

Буду, стану я

Судью опойти.

1184 (12).

По дороженьки

По широкія,

По широкія,

По московскія

Туда шла, прошла

Сила армія,

Сила армія—

Конна гвардія:
Три полка, солдатъ—
Все молодые,
Все молодые,
Безбородые.
Впереди полка
Знамена несутъ,
Знамена несутъ,
Артикулъ мечутъ;
Ружье свѣтлое,
Замки крѣпкіе, 2.
Кремни острые.
Замки сбрыкали—
Солдаты всплакали,
Во походъ пошли,
Во дороженьку,
Хоть не въ дальнюю,
Во печальную
На сраженьицо,

На ученьцо.
Гдѣ, ребятушки,
День-то намъ днєвать 2.
Да ночь коротать?
Во темномъ лѣсу,
Во сыромъ бору,
Все подъ соснами,
Нодъ жаровыми, 2.
Подъ кудрявыми.
Намъ постелюшко—
Мать сыра земля
Намъ зголовьицо
Зло кореньицо
Одѣялышко—
Вѣтры буйные.

Пѣсни 1173—1184 записаны П. Н. Базилевскимъ въ 1843 г. На нѣкоторыхъ надписъ: „Вечериночная“. Пѣсни 1183—4 названы: „Мѣстныя—общенародныя“—*Ред.*

б) г. Мезень.

1185 (1).

Уточка, поплавай-ка
Сизая со селезнемъ.
Сизъ косматъ со утицей,
Молодецъ—со дѣвицей.
Радъ бы я поплавати:
Угорѣлъ, голова моя болить.
Головку платкомъ свяжу,
Платочкомъ Тальянскимъ,
Рукавцемъ Бѣльянскимъ,
Самъ я изъ круга вонъ пойду
По душу, по красну дѣвицу.
Я за дѣвицей пошолъ,
За красавицей пошолъ.
Я зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Какъ на яблочка.
Ужъ я дѣвицу возьму,
За собой поведу.

1186 (2).

Сколько на печи печины.
Столько на сердцѣ кручины.
Сковородочка въ печи,
Сковородникъ на печи.
Ты не много хлопочи:
Десяточка два, три
Блинковъ испечи.
Двое ходить, двое бродять,

Двое сойдутся,
Двое обоймутся,
Поцѣлуются;
По старому закону
Четыре накона,
А сейчасъ пришелъ указъ
Цѣловаться пять разъ *).

*) Или: отказъ.—*Собир.*

1187 (3).

Ты голуба, ты голуба молодецъ!
У голубы столбы точонные,
Вереюшки цозолоченны,
Ворота были хрустальнаго стекла,
Подворотенка изъ чиста серебра.
Подворотенка на камешкѣ стоитъ,
Изъ-подъ камешка быстра рѣчка течетъ.
По ту сторону мой миленькой идетъ:
Онъ идетъ, душа,—не тряхнется,
Переступить—не ворохнется;
На круту гору вздымается,
До дѣвицы добирается,
Со дѣвицей распрощается.

1188 (4).

Чарочка моя серебряная,
На золотѣ блюдѣ расписанная!
Кому чару пить, кому выпивать,

Кому вторую наливать?
 Что не въ лѣсѣ трава разстилается:
 Наши буйныя головки приклоняются.—
 Конь подѣ нами, дѣвка съ нами;
 Пошла Маша за дарами;
 Акулина—за ведрами.
 Стоить чара передѣ нами,
 Передѣ нами, молодцами,
 Передѣ нашими устами.
 На што мнѣ, по што мнѣ?
 Дѣвица миленька,
 Личикомъ бѣленька,
 Брови черненьки, уста хороши,
 Цѣловать можно безденежно.
 Куплю сахару на рубль,
 Поцѣлую какъ-нибудь;
 Не куплю и на пятакъ,
 Поцѣлую дѣвку такъ.

1189 (5).

Летить, летить воробейшко,
 Извивается молодешенекъ
 Онъ ко дѣвицѣ на воротечко:
 Я воротечко отопру,
 Подворотенку выставлю,
 Красну дѣвицу выведу
 За правую за ручку,
 За злачень перстинь.
 Куда утка ушла.
 Туда пыль прошла.
 Куда я молода,
 Туда рожь густа,
 Густа, часта,
 Намолотиста,
 Наколотиста:
 Ужъ и семь четвертей
 Съ четвертушечкою,
 Съ осьмушечкою.
 Ты ори, ори, ори, мѣщанской сынъ,
 Ты по пенью ори, по колодью ори.
 Соха остра, борона часта:
 Мнѣ орать нельзя.

1190 (6).

Соловей, мой соловей,
 Сизокрылой молодой,
 Чернобровой веселой!
 Ты не вей, не вей гнѣзда
 Край дорожки, край пути,
 На ракитовомъ кусту,
 На малиновомъ листу.
 Кабы кустышекъ не миль,
 Соловей гнѣзда не виль,

Малыхъ дѣтокъ не плодилъ:
 Кабы дѣвка не мила,
 Не любилъ бы я тебя,
 Цаловаль, миловаль,
 Колечушкомъ дароваль.
 Серебряно колечко
 Печеть мое сердечко,
 Съ позолотой перстенекъ:
 Сушить, крушить друженекъ.
 У меня молодой три забавы великихъ—
 Есть три ленты широкихъ:
 Перва лента алая,
 Есть печаль не малая;
 Втора лента вишняя,
 Прошла слава лишняя;
 Третья лента со кистями,
 Ёдетъ милый со вѣстами.

1191 (7).

Въ воскресеньице видѣлъ сударыню свою,
 Въ понедѣльникъ влюбился,
 Весь виторникъ страдалъ,
 Въ среду думаль самъ себѣ:
 Не пожалуетъ ли ко мнѣ?
 Въ четвертокъ моя любезна
 Отписала мнѣ назадъ:
 „Сколько въ радости не буду,
 Скажи, вѣчно не забуду“.
 Въ пятокъ ввечеру
 Ожидалъ ко двору,
 Въ субботу ввечеру
 Спровождалъ свою драгу
 Ко широкому двору.

1192 (8).

Стояла рябинушка на городѣ;
 Разсѣкли рябинушку на четверо;
 Сдѣлали изъ рябинушки гусельцы.
 Кто въ гусли играетъ, поигрываетъ?
 Играетъ, поигрываетъ (такой-то) молодецъ,
 Тѣшитъ, потѣшаетъ (такую-то), свою:
 „Что же ты (такая-то), не весела, сидишь,
 Не ясно глядишь?

Я же тебя не насилу замужъ браль:
 Напередъ отъ себя сватовъей посылашь;
 Сваты сваталися, низко кланялися,
 Молитву творили, слова говорили“.

1193 (9).

На плотѣ было на меленкѣ,
 На другой на серебряной,
 Золотая была черпаница.

(Такая то) воду черпала,
 (Такая то) вычерпывала.
 По бережку конь бѣжигъ,
 Что по крутому сивой-рыжой.
 На конѣ сидитъ удалой молодецъ;
 Онъ плёточкой помахиваетъ,
 Уздой пошевеливаетъ,
 Ко двору приворачиваетъ,
 Ко двору что ко батюшкову,
 Что ко терему ко матушкину,
 Ко лугу Лизаветушкину:
 „Лизавета, возьми коня!
 Ты отдай коня конюхамъ:
 Пусть накормятъ пшеницею,
 Напоятъ свѣжей ключевою водой“.

1194 (10).

Въ Государевой конторѣ
 Сидитъ молодецъ въ уборѣ.
 Пришла дѣвица въ снарядахъ:
 Во кисейной бѣлой юбкѣ,
 Во голубомъ полушубкѣ;
 Бѣла юбка съ фалбарами,
 Полушубокъ со хазами.
 Чернымъ глазикомъ взвела
 И изъ конторы вонъ пошла,
 Всѣмъ зазнобушку дала.
 Молодецъ не стерпѣлъ:
 Дѣвкѣ въ слѣдъ поглядѣлъ;
 Бросилъ письменны дѣла:
 „Мнѣ не дороги дѣла,—
 Пришла дѣвица мила,
 Уродилась хороша во дѣтинушку дружка.“

1195 (11).

Козликъ мой, козликъ,
 Бѣлой, кудрявотой,
 Холостъ, не женатой!
 Отведу я козла
 Во чистое поле.
 Привяжу я козла
 Ко бѣлой берѣзѣ:
 Стой, мой козель,
 Стой, не бодайся!
 Бѣлая береза,
 Стой, не шатайся.
 Красная дѣвица
 Ходи, не ломайся.
 У моего милаго
 Передъ окошкомъ
 Озеро широко,
 Бѣлой рыбы много:
 Дайте, подайте

Шелковъ неводъ:
 Выловлю, выловлю
 Бѣлую рыбу.
 Съ кѣмъ же мнѣ будетъ
 Бѣла рыба кушать?
 Кушать мнѣ кушать
 Съ миленькимъ дружечкомъ.

1196 (12).

По порохѣ, по порохѣ,
 По широкой дорогѣ
 Бѣжать сани съ козырями,
 Други съ вырѣзами.
 Что на этихъ на саняхъ
 Два молодчика сидятъ,
 Два молоденькихъ,
 Два холостенькихъ.
 Приворачивай, ребята,
 Ко широкому двору,
 Ко прекрасному крыльцу,
 Ко Ивану молодцу;
 У Ивана молодца
 Растетъ дочь хороша,
 Свѣтикъ Аннушка душа.
 Кѣчу, кѣчу каблучекъ,
 Обувайся башмачекъ:
 Мнѣ не мужъ тюфли купилъ,
 Не мужъ денежки платилъ;
 Я сама тюфли купила,
 Сама денежки платила.
 Я во рыночекъ сходила,
 Себѣ юбочку купила
 Каламенчатую,
 Басаменчатую.

1197 (13).

Шелъ парень мимо,
 Видѣлъ дива,
 Диво дѣвочѣ:
 Дѣвочку во садочку
 Въ единой тоненькой рубашкѣ,
 Во шелковомъ поясу.
 Безъ бѣлилъ дѣвка бѣла,
 Безъ румянъ румяна,
 Безъ платья толста,
 Безъ подмостковъ высока.
 — Поди, сватай у отца,
 Сватай у батюшка:
 Если батюшка отдастъ,
 Не отстану я отъ васъ:
 Буду я за вами,
 За вашими пятами,
 За большими мужиками,
 За толстыми кулаками.

1198 (14).

На что по лугу гулять,
Мураву траву топтать?
На что травку рвать,
Когда не съ кѣмъ спать?
На что щегольно ходить,
Когда некого любить?
На что мыломъ умываться,
Когда не съ кѣмъ любоваться?
На что платомъ утираться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться?
Спать тоска на голыхъ доскахъ,
На голыхъ доскахъ, на палатенкахъ.
Складу въ голову кручину,
По бокамъ тоску-печаль,
Самъ гулять пойду.

1199 (15).

Дѣвки шили коверъ, дѣвки шили коверъ,
Вышивали.
Вышиваючи коверъ, вышиваючи коверъ,
Говорили,
Говорили соловейку, говорили соловейку,
Молодому:
„Ты не вей гнѣзда, ты не вей гнѣзда
При долинь,
При широкой долинь, при широкой долинь,
На осинъ.
Ты совей гнѣздо, ты совей гнѣздо
При бесѣдѣ,
При которой бесѣдѣ, при которой бесѣдѣ
Дѣвицы сидѣли,
Гдѣ ка дѣвицы сидѣли, гдѣ ка дѣвицы си-
Молодицы играли“. [дѣли,

1200 (16).

Отъ терема до терема
Три камки лежать,
Что отъ высока до высока—кружавчатая.
Что по той камкѣ
По той выбоикѣ
Доброй молодецъ идетъ,
Красну дѣвицу ведетъ.
Во правой рукѣ несетъ
Бѣлу, сальную свѣчу;
Во лѣвой рукѣ несетъ
Полуштофъ съ винцемъ:
Не горить моя свѣча
Противъ бѣлаго лица,
Мнѣ не пьется винца
Безъ милаго дружка.

1201 (17) *).

Курѣвушка, курева
Закутила, завела
Всѣ дорожки и пути:
Нельзя къ милому итти.
Пошла по дрова,
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла,
Поздоровалася.
„Здравствуй, мой миленькой!
Въ гости гости;
Не подалече садись:
Нынѣшни люди догадливые,
Накутять, намутять,
Съ милымъ дружкой разлучать“.

*) Ср. выше № 1173.—Ред.

1202 (18).

Изъ-подъ-вязу было, вязу,
Изъ-подъ-вязова коренья
Бѣжить зайка-горностайка,
Несетъ въ зубахъ везелицу,
Везелицу, небелицу
Про душу красну дѣвицу:
Будто я, красна дѣвица,
Во всю тѣмну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
На бѣлое блюдо клала,
На серебряну тарелку,
По тарелкѣ разсыпала;
Дѣвкѣ мало показалося:
Я изюмомъ добавляла,
Черносливомъ досыпала.

1203 (19).

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ:
На ней платьецо бѣленько,
Косыночка алѣшенка,
Во правой рукѣ розовой цвѣтокъ,
Во лѣвой рукѣ нѣмецкй узелокъ.
Вѣромъ она помахиваетъ,
На нее молодецъ поглядываетъ,
Со дѣвицей поговариваетъ:
„Ужъ ты нѣжная, манежная моя!
Красота неоцѣненная твоя!
Ужъ я сколько бесѣдъ перешелъ,
Тебя лучше и краше не нашель.
Хотя лучше и краше тебя есть,
Во моемъ сердцѣ желанной такой нѣтъ.
По тебѣ, моя сударыня, душа, красная дѣвица.

1204 (20).

По бережку ходила, ходила,
 Бѣлу рыбу ловила, ловила,
 Не една: со товарищами.
 Повстрѣчались ребятѣшки,
 Насказали родной матушкѣ.
 Родна матушка не лиха, не добра:
 Заставила капусту садить,
 Приказала огородъ поливать,
 Приневолила росаду поливать.
 Я полю, полю, не полетѣ:
 Съ перемѣной гулять хочется.
 Посватался изъ-за моря старикъ,
 Посулилъ мнѣ-ка изюму четверикъ;
 Мнѣ изюму-то хочется,
 Старика любить не хочется.
 Посватался дѣтinka молодой,
 Посулилъ мнѣ-ка червончикъ золотой.

1205 (21).

Ужъ ты улка, ты улка моя,
 Широка улка нетоптанная!
 Красна дѣвица несмотрѣнная,
 Молодица нецѣлованная!
 Еще люди-то въ людяхъ живутъ,
 На людей люди улаживаютъ.
 Свекровушка лиха, лиха,
 Зла, лиха была, не ласковая,
 Посылала туда и сюда:
 Въ темны погребы за пивомъ, за виномъ.
 Въ погребу млада замѣшкалася:
 Зелена вина натрескалася;
 Холостому стаканъ меду подала,
 А женатому несла, да пролила.

1206 (22).

У прорубки голубки сидятъ,
 Промежду собой рѣчь говорятъ:
 Добра молодца ругаютъ и бранятъ;
 Удалаго принахваливаютъ.
 Еще что дружокъ не жалуешь ко мнѣ?
 Безъ тебя, сударь, постеля холодна;
 Одѣялышко закуржевѣло,
 Соболино призаиндевѣло;
 Взголовьице потонуло во слезахъ:
 Со миленькимъ распростилась во глазахъ.

1207 (23).

Летить птица, летить птица,
 Летить сиза голубица.
 Птица съѣла на крыльцо,

Она брякнула въ кольцо,
 У дѣвки дрогнуло сѣрдцо:
 Что это за птица
 Колечкомъ брянчить?
 Птица отвѣчала,
 На бесѣду зазывала:
 Во бесѣдѣ дѣвицъ много,
 Молодцевъ пришло довольно;
 Молодежи сѣту нѣтъ;
 Едною дочки твоей нѣтъ.

1208 (24).

Нападала порошина,
 Нападала молоденька
 На землю на талю,
 На траву на муравую,
 На цвѣточки лазоревы.
 Что по той по порошицѣ,
 Что по той по молоденькой
 Не бѣлъ заюшко скачетъ,
 Не бѣлѣюшко пляшетъ.
 Еще скокъ, поскокъ зайко,
 Скокъ по чистому полю,
 По широкому раздолю.
 Еще хлынь похлынѣюшки,
 Выбирай селезеньюшку
 Себѣ ростомъ и дородетвомъ,
 Себѣ нарovenъ обычаемъ.

1209 (25).

По лугу, лугу разливалася рѣка,
 По зелену быстра рѣчка протекала.
 По этой по рѣченькѣ бѣла лебедь плыветь.
 Красная дѣвица погуливала,
 Гребешкомъ головушка учесанная,
 Лентой коса перевиванная:
 Завтра у батюшки честенъ пиръ;
 Мнѣ на пиру не бывати будетъ,
 Пива и вина не пивати будетъ,
 Сладкаго меду не кушивати,
 Съ миленькимъ по садику не гуливати.

1210 (26).

Около было сыра дуба,
 Около было зелененькаго
 Скачетъ черная куна:
 Не скачи, куна, по улицѣ,
 Не скачи, куна, по широкой.
 Скачь, куна, въ новой горницѣ,
 Выбирай себѣ дружиночку,
 Выбирай себѣ хорошую.
 Дружина, милъ сердечный другъ!

Еще воть моя дружиночка,
Еще воть моя хорошая.
Дружина, миль сердечный другъ!
Мы походимъ-ка съ дружиночкой,
Погуляемъ-ка съ хорошенькой.
Дружина, миль сердечный другъ!
Мы распростимся съ дружиночкой,
Мы распростимся съ хорошенькой.
Дружина, миль сердечный другъ!

1211 (27).

Кичи: гуси домой!
Кичи: лебеди домой
Со ржавченки, со болотенки,
Со ключевыя воды,
Со Дуная со рѣки!
Этотъ къ намъ,
Этотъ къ намъ.
Этотъ нашъ гусенёкъ!

1212 (28).

Ужъ я улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла;
Клубокъ катится,
Нитка тянется.
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Нитка—доле, доле, доле!
Я за ниточку взялась,
Моя нитка порвалась.

1213 (29).

Какъ со вечера цѣпочка горить,
Со полуночи серебряная,
Горить, горить, перегариваетъ:
Парень дѣвку переманиваетъ:
„Красна дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, сойди съ висока!“
— Я нейду, нейду, нейду съ терема,
Я нейду, нейду, нейду съ висока:
Нынче ноченьки темнѣшеньки,
Переулочки грязнѣшеньки,
Чулочки бѣлѣшеньки,
Башмачки алѣшеньки.—

1214 (30).

Куна ходить по бору, да по бору,
Щиплетъ траву лебеду, да лебеду;
Она рветъ и беретъ,
Въ бѣлой фартучокъ кладетъ,
Приговариваетъ:

„Я кого люблю,
За себя возьму.
Кого не люблю,
Того—на сторону“.

1215 (31).

На улицѣ мужикъ со росадою сидить,
На денежку росадушки немношко даетъ:
Мнѣ купить не купить да на весь пяточекъ,
Разсадить бы росадушку во весь огородъ.
Рости. моя росадушка, тонка и высока,
Тонка и высока и перомъ широка.
Всѣ люди капусту заламываютъ,
Только я, молода, въ огородѣ не была,
Свою бѣлую капусту не заламывала.

1216 (32).

Хрѣнъ, мой хрѣнъ,
Садовой, яровой!
Что не я тебя сажилъ,
Что не я поливалъ,
Что сажилъ тебя Иванъ,
Поливалъ Селиванъ,
Селиванова жена
Присматривала,
Его дочь Катерина
Приговаривала.
Наѣхали бояре
Изъ Новгорода,
Увидѣли дѣвицу
На крутомъ бережку,
На желтомъ песку:
„Продай, дѣвица, хрѣнку,
Раскрасавица, хрѣнку.
Не продашь хрѣнку,
Самое тряхну“.

1217 (33).

Заюшко по сѣнничкамъ дыбки, дыбы, дыбы,
Сѣренькой по новымъ дыбы, дыбы, дыбы.
Ужъ и некуда заюшкѣ высочити,
Ужъ и некуда сѣрому выпрыгнуть:
Семеро воротъ крѣпко заперты стоятъ,
Матушка-сударыня во пирь ушла,
Золоты ключи она съ собой унесла.
Заюшко, попытайся у воротъ,
Сѣренькой, попытайся у новыхъ.
Заюшко, ты гдѣ побывалъ,
Сѣренькой, ты гдѣ побывалъ?
— Во зеленомъ во саду,
Во зеленомъ во саду.—
Заюшко, ты кого увидалъ,

Сѣренкой, ты кого увидалъ?
 — Двѣ дѣвицы хорошихъ,
 Двѣ дѣвицы пригожихъ.—
 Заюшко, да не били ли тебя,
 Сѣренкій, да не били ли тебя?
 — Били, били, пане мой,
 Колотили, сердце мой,—
 Заюшко, тебя чѣмъ били?
 Сѣренкой, скажи: чѣмъ били?
 — По бокамъ кулакамъ,
 По плечамъ кирпичамъ.—
 Заюшко, ты не плакалъ ли,
 Сѣренкой, ты не плакалъ ли?
 — Плакалъ, плакалъ, пане мой,
 Плакалъ, плакалъ, сердце мой.—
 Заюшко, скажи: какъ плакалъ,
 Сѣренкой, скажи: какъ плакалъ?
 — Хини, хини, пане мой,
 Хини, хини, сердце мой.—
 Заюшко, утекаги пора,
 Сѣренкой, тебя брати пора.

1218 (34)

Еще ходить царь-царевичъ, да царевъ сынъ,
 Еще ищетъ царь-царевичъ, да царевъ сынъ,
 Что не та ли то царевна въ горницѣ гу-
 ляла?

На ней ситцовое платьѣ, на головушкѣ пла-
 нѣжной, аленькой цвѣточекъ. [точекъ,
 Отпирайтесь, ворота, выступай душа-царевна,
 Выступай же правой ножкой.
 Вы беритесь за правую ручку,
 Ужъ вы кланяйтесь низенько,
 Вы еще того пониже,
 Вы цѣлуйтеся милѣе,
 Вы еще того милѣе. [ручку,
 Ужъ я взялъ свою царевну за правую за
 Поведу свою царевну кругомъ города:
 Скачи, моя царевна, пляши, молода!
 Намъ царь приказалъ, молодой приказалъ
 Скакать и плясать, перемѣны искать,
 Перемѣнушки, красной дѣвушки.

1219 (35).

Ходилъ, гулялъ Донской казакъ,
 Себѣ невѣсту выбиралъ:
 Хорошая, пригожая:
 Поди замужъ за меня!
 Не пойдешь ты, спокаешься,
 Воспомянешь обо мнѣ.
 Пойду, схожу, про тебя спрошу
 У сосѣдей у своихъ:
 Сосѣдушки, соборнушки!

Какова есть она?
 Спасибо вамъ, сосѣдушкамъ,
 Благодарствуй вамъ, соборнушкамъ:
 Похвалили мнѣ ее.

1220 (36).

Расколся, сырой дубъ,
 На четыре грани!
 А кто любитъ чужихъ женъ,
 Того душа въ адъ;
 А кто дѣвицу полюбитъ,
 Той душѣ спасенье;
 Кто же красну поцѣлуетъ,
 Грѣхамъ отпущенье.
 Подушечка, подушечка,
 Она пуховая!
 Молодецъ, молодецъ,
 Ахъ ты, молоденецъ!
 Любишь, любишь подушечку,
 Любишь пуховую.
 — Люблю я дѣвицу,
 Люблю молодую.
 Я которую люблю,
 Ту и поцѣлую,
 Пуховую подушечкой
 Ее подарую.

1221 (37).

Я сегодня ввечеру
 Выйду къ рѣчкѣ на потокъ.
 Ай лю, ай-лю-ли!
 Выйду къ рѣчкѣ на потокъ:
 Быстра рѣченька бѣжить,—
 Ко мнѣ миленькой спѣлшить.
 У потока на песку
 Съ нимъ забуду я тоску.
 Буди зеркаломъ, вода,
 Чтобъ глядѣться намъ всегда.
 Струя то пуще зашумитъ:
 Къ себѣ дружка приманитъ.
 Изъ цвѣтовъ вѣнокъ совою,
 Алой лентой обовью,
 Встрѣчу милаго съ цвѣткомъ,
 Поцѣлуюся съ дружкомъ.
 Мнѣ обнять, ахъ, его—
 Пресчастливѣе всего.

1222 (38).

Съ вечера хмѣлинка
 Незаборчива была;
 Забрала меня хмѣлинка:
 Полюбилъ парень-дѣтинка,

Парень дѣвушку любилъ,
Золото кольцо дарилъ:
На рукѣ кольцо горить,
Родна матушка бранить,
Гулять ей не велить;
Не велить во садъ гулять,
Молодца ей любить.
Молодецъ молодой,
Не пой дѣвицу виномъ.
Напой дѣвицу водой,
Напой дѣвицу водой,
Спроводи её домой
Не дорогой, стороной,
Что подъ шубой подъ полой,
Да подъ лѣвой стороной.

1223 (39) *).

У московскаго купца
Была дочь хороша,
Звали Дунюшка.
Понизволила Дуняша
Въ особливой спальнѣ спать,
Съ одной нянюшкою,
Со Татьянушкою.
Со господскаго двора
Младой принцъ пріѣзжалъ,
Штофъ рому привозилъ,
Таню пьяну напоилъ,
Самъ Дуняшу увозилъ.
Родной батюшка схватился:
По всей улицѣ бросился,
У сосѣдушекъ спросилъ:
Вы, сосѣды, вы сосѣды,
Вы, сосѣдушки мои!
Не видали ли Авдотьюшки моей?“
— Ужъ мы знать про ней не знаемъ,
Только слышали объ ней:
Спать у принца на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ,
На злаченомъ на перстнѣ.—
Родной батюшко идетъ,
По всей улицѣ ведетъ,
По бѣлому лицу бьетъ, приговариваетъ:
„Ты не будь такова,
Какъ моя прежняя жена,
Твоя матушка родна“.

*) Ср. выше № 1180—Ред.

1224 (40).

Заюшко, попляши,
Сѣренькой, попляши!
Кружкомъ, бочкомъ повернись!

Заюшко въ лодочкѣ,
Сѣренькой въ шляпочкѣ,
Онъ взялъ себя за бочка;
Его взгляды не Минекіе,
Мезенскіе, щегольскіе.
Что ты, зайко, худо скачешь?
Или сѣрой не умѣешь?..
Заюшко во лѣсокъ,
Подъ ракитовой кустокъ.

1225 (41).

Еще на плотѣ, плотѣ
На дубовомъ на плотѣ
Дѣвка мыла, полоскала;
Цвѣтно платьѣ помочила
За то матушка бранила.
— Ужъ ты, матушка моя!
Когда я была млада,
Ты не школила меня;
Нонь повыросла повыше,
Полюбила молодца.
Молодецъ говорить,
Не велить худо ходить,
Не цвѣтно платьѣ носить.—
Во горницѣ во новой
Стоить столѣкъ дубовой,
Что за этимъ за столомъ
Сидить писарь молодой,
Пишетъ черниломъ и перомъ
По бумажкѣ гербовой.

1226 (42).

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣстному:
Молодешеньку въ чернички стригутъ,
Зеленешеньку посхимничаютъ.
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны служить,
Только мое дѣло скакать да плясать,
Только мое дѣло игрища собирать.
Посошенцу подъ лавку брошу,
Монашенцу на столъ положу.
Подарю я, подарю братца своего,
Подарю я, подарю любезенькаго.

1227 (43).

На улицѣ диво:
Варилъ чернецъ пиво.
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
Я пиво сливала,
Меня разнимало.

Спускалась хмѣлка
 Во ручки, во ножки,
 Во буйну головку.
 Мнѣ не даетъ тряхнуться,
 Не даетъ ворохнуться.
 Я пойду стряхнуса,
 Пойду сворохнуса
 И милому поклонюся.

1228 (44).

Летить голубь, летить сизой со голубушкою,
 Что удалый молодецъ со красной дѣвицею;
 Позади идутъ товарищи, присматриваютъ,
 Присматриваютъ, приговариваютъ:

„Кабы эта вѣдь голубушка у голубя была,
 Кабы эта красна дѣвица за молодцомъ жила,
 Взялъ бы золотомъ обсыпалъ, жемчугомъ бы
 [обсадилъ,

Лѣтнею порою во каретѣ бы возилъ,
 Зимнею порою на очаковскихъ саняхъ,
 На очаковскихъ саняхъ, на ямскихъ лоша-
 [дяхъ.

На извожикѣ кафтанъ васькововаго сукна,
 Васильковаго сукна, петербургскаго шитья“.
 Кладу голубя на ручку—не тѣшится,
 Переложу на другую—не голубится.
 Кышь, голубь, долой, полетай, сизой, домой,
 Полетай, сизой, домой ко голубушкѣ своей.
 Голубушка ворковала, голубчика цѣловала,
 Голубчикъ ворковалъ, голубушку цѣловалъ.

1229 (45).

Вкругъ я келейки хожу,
 Вкругъ я новыя хожу;
 Младу старицу бужу:
 „Старица, встань,
 Молода, пробудись,
 Спасеная душа, встань!
 Встань, къ заутрени звонять,
 На расходъ говорить.
 Люди сходятся,
 Богу молятся“.
 — Отойди прочь, пономарь!
 Отойди прочь, молодой!
 Не могу я встать,
 Головы поднять:
 Голова моя болитъ,
 Грудь, сердечушка щемить,
 Глаза не глядятъ.—
 Уста не говорятъ.
 Вкругъ я келейки хожу,
 Вкругъ я новой гуляю,
 Младу старицу бужу:

„Старица, встань!
 Молода, пробудись:
 Къ тебѣ миленькой идетъ,
 Чаю, кофею несетъ,
 Напиться велить,
 Позабавиться“.
 — Ахъ! встать было мнѣ,
 Поплясать было мнѣ,
 Походить было мнѣ,
 Полюбить было мнѣ!

1230 (46).

По морю, что по морю, морю синему,
 По синему по Вирьянскому
 Плыветъ стадо лебединое,
 Въ середочкахъ лебедь бѣлая плыветъ;
 По болотамъ лебеди бѣлыя сидятъ.
 Откуль взялись два удалыхъ молодца,
 Рвали перье, рвали перье лебединое,
 Бросали перье, бросали перье по чисту полю,
 Развѣяли пухъ по поднебѣсью.
 Откуль взялись красны дѣвицы-души,
 Брали перье во переднички,
 Милымъ дружкамъ во подушечки,
 Сердечнымъ во взголовьца.
 Откуль взялись два удалыхъ молодца:
 „Вамъ Богъ помощь, красны дѣвицы-души,
 Спѣсивыя, спѣсивыя, горделивыя!
 Спѣсивую за себя замужъ возьму,
 Стоять будешь, стоять будешь у кроватишки,
 Стоять будешь у тесовыя,
 Держать будешь, держать будешь одѣялышко,
 Держать будешь болиное,
 Ронить будешь, ронить будешь горячи слезы“.
 Тутъ дѣвицы, тутъ дѣвицы испугалися,
 Красавицы перепалися,
 Ко молодцамъ, ко молодцамъ, ко молодцамъ
 За бѣлы ручки прималися, [приближались,
 Низешенько, низешенько, низешенько по-
 клонялися,
 Милешенько, милешенько цѣловалися,
 Съ милымъ дружкомъ распрощалися.

1231 (47).

Ходилъ панъ за горами,
 За нимъ дѣвицы толпами,
 Молодицы табунами.
 Одной дѣвицы въ толпѣ нѣту:
 Видно ей недосужно,
 Вѣрно ей несвободно:
 Печетъ пироги на опарѣ,
 Въ печку сажаетъ на лопатѣ,
 Растворяетъ на дрожжахъ,

Изъ печи тащить на вожжахъ;
Эстоль они высоконьки,
Эстоль они широконьки,
Эстоль они мягошеньки!

1232 (48).

Пошли наши гусли, пошли звончатая,
Идучись по лавкѣ, впередъ по скамейкѣ.
Дошли наши гусли, дошли звончатая
До молодца пана, до бѣла, румяна;
Тутъ они упали, за рученьки брали,
Въ уста цѣловали.

1233 (49).

Вдоль было по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ
Сизой селезень плывѣтъ;
Вдоль по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодецъ идетъ;
Чешетъ свои кудри,
Чешетъ свои русы
Частымъ гребнемъ,
Частымъ гребешкомъ,
Самъ своимъ кудрямъ
Самъ своимъ русымъ
Приговариваетъ:
„Кому мои кудри, кому мои русы
Доставались чесать?
Доставались кудри, доставались русы
Старой бабушкѣ чесать:
Она не умѣетъ, она не горазна
Мои кудри чесать, мои русы чесать!“

1234 (50).

Я качу, качу по блюдечку,
По наливному яблочку.
Конь ведра не льетъ,
Воды не пьетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ,
Стремянами пошевеливаетъ.
Тутъ шелъ, прошелъ молодецъ,
За собой ведетъ суженную,
За собой ведетъ ряженную,
Душу красную дѣвицу:
„Ужъ я билъ бы, трепалъ бы её,
Мои ручушки болятъ, такъ болятъ;
Цѣловалъ, миловалъ бы её:
Со сторонъ люди глядятъ, такъ глядятъ,
Цѣловать, миловать не велятъ“.

1235 (51).

Ѣхалъ панъ, Ѣхалъ панъ,
Еще Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ.

Сронилъ панъ, сронилъ панъ
Черную шапку модную,
Модную суконную:
„Подними, дѣвица, подними, красная,
Черную шапку модную,
Модную суконную“.
— Я жъ пану, я жъ пану не слуга,
Молодому не вѣрная:
Служечка, служечка
Своему я отцу, матушкѣ,
Своему я роду, племени,
Своему я дружкѣ милому.

1236 (52).

Я поѣду завтра въ городъ;
Дива, дива, млада моя,
Я куплю женѣ обновку:
Левантину ей на пару
Ужъ я буду ей дарити.
Посмотрите, люди добрые,
Какъ жена мужа не любить:
Впереди мужа гуляетъ
И подарковъ не принимаетъ.
Ты прими, жена, не чванься,
Надо мною не ломайся!
Я поѣду завтра въ городъ,
Я куплю женѣ обновку:
Куплю шелковую плетку.
Ужъ я буду ей дарити:
Ты прими, жена, подарки,
Ты прими, жена не чванься,
Надо мною не ломайся!
Посмотрите, люди добрые,
Какъ жена-то мужа любить:
Позади мужа гуляетъ
И подарочки примаешь.

1237 (53).

Ужъ я по полу хожу ходуницею.
Квашню творю студеницею.
Ползетъ мой старъ изъ-подъ лавичья.
Посажу стара на столъ,
Пришибу его нестомъ.
Скажу: къ рѣчкѣ ушелъ,
Скажу: рыбу ловить.
Скажу: чертъ уволокъ,
Да за старый долгъ—за три денежки.

1238 (54).

Сидитъ дрема, сидитъ дрема
Да подъ древомъ.
Прядетъ дрема шелковницу:

Полно, дрема, полно, дрема,
 Полно, дрема, дремовати,
 Дремовати, шелковати;
 Вонъ вѣдь ѣдетъ, вонъ вѣдь ѣдетъ,
 Вонъ вѣдь ѣдетъ лютый свѣкоръ.
 — Стойте, дайте, стойте, дайте,
 Стойте, дайте посмотрѣти
 На лютаго свѣкра.
 Ахъ, нынѣшни люди, нынѣшни люди,
 Они молоды, лукавы,
 Съ изъ-маленька враковаты;
 Что сказали, что сказали,
 Что сказали, все солгали:
 Вонъ вѣдь ѣдетъ, вонъ вѣдь ѣдетъ,
 Вонъ вѣдь ѣдетъ мила лада.
 Стойте, дайте, стойте, дайте,
 Стойте, дайте посмотрѣти;
 Насмотрѣться, намъ обняться,
 Намъ обняться, цѣловаться!

1239 (55).

Ужъ я по полу хожу, такъ хожу,
 Я по миленькомъ тужу, такъ тужу,
 Я не знаю, къ чему дружка примѣнить?
 Примѣню дружка къ перстеньку:
 Перстенечекъ на рукѣ, на рукѣ,—
 Мой миленькой на умѣ, на умѣ.
 Примѣню дружка къ жемчугу:
 Жемчугъ дорогъ вѣсовой, вѣсовой,—
 Мой миленькой часовой, часовой.
 Примѣню дружка къ соколу:
 Соколъ птица вольная, да вольная,—
 Что не стало мила дружка у меня.

1240 (56).

Подъ тыномъ было, подъ тынышкомъ,
 Подъ зеленой было сосенкой
 Дѣвки мылись, умывалися,
 Хорошо они сряжались.
 Обойду я двое тынъ, трое тынъ,
 Осмотрю я трое женъ, двое женъ:
 Я любую себѣ выберу,
 За собою дѣвку выведу.

1241 (57).

За дворомъ было за батюшкинымъ,
 Что за теремомъ за матушкинымъ
 Выросла трава шелковая,
 Расцвѣли цвѣты лазоревые.
 Пойду, выйду я на улицу гулять,
 Пойду, выйду я на широку гулять.

Сколько я, млада, низка, плоска,
 Не величка, мала пташичка.
 Что садилась мала пташица
 Среди моря на бѣлой камешекъ.
 Ужъ я слухала, выслушивала,
 Со которую стороночку красна дѣвица пла-
 Плакучись, выговаривала: [калась,
 „Ужъ, ты, старой, старой мужъ,
 Старой мужъ, погубитель мой!
 Погубилъ мою головушку:
 Соволокъ съ головы куню шапочку,
 Хазову дѣвью повязочку,
 Семишолкову ленточку“.

1242 (58) ¹).

Подъ яблонью—олень,
 Подъ кудрявою—олень,
 Сидитъ олень сутуль, горбать:
 Тепло ли тѣ, олень,
 Холодно ли тѣ, олень?
 — Когда тепло, когда холодно,
 Когда голодно, когда оводно.—
 Прикутайте оленя,
 Призакройте его:
 Со дѣвушки вѣнокъ,
 Со молодушки платокъ
 Со старья старушки
 Косой воротокъ.

¹) Пѣснь 1185—1242 „вечериночныя“.—Собр.

1243 (59).

На зарѣ была на вечерня,
 Вечоръ дѣвушка глуно сдѣлала,
 Съ изъ малешенька дружка запримѣтила:
 „Мой-то миленькой—горька пьяница,
 По частешеньку ходитъ на царевъ кабакъ,
 Зелена вина милой напивается,
 Изъ кабака идетъ, шатается,
 За полынь-травку запинается;
 Полынь-травонька къ землѣ преклоняется;
 По чернымъ грязнямъ миленькой валяется,
 Мною, дѣвицей, похваляется“.
 Что изъ высока нова терема,
 Изъ окошечка было изъ косяшета,
 Сквозь околени, сквозь стекольчатку
 Увидала его красна дѣвица,
 Начала его журить, бранить:
 „Ужъ ты, милъ, ты, милъ мой сердечный другъ!
 Ты одну-ли меня сушишь, крушишь?“
 — Я сушу, крушу восемь дѣвушекъ,

Я—девятую молодую вдову,
 А десятую—жену мужнюю,
 Жену мужнюю, подначальную.—
 У восьми дѣвокъ своя воля:
 Ихъ журить-бранить некому,
 Любить-жаловать есть кому.
 Я пойду млада во чисто поле,
 Во чистомъ полѣ, на синемъ морѣ туманѣ.
 Не схаживать туману со синя моря,
 Злой кручинушкѣ съ ретива сердца.
 Спровождала я друга милаго
 Черезъ три поля зеленыхъ;
 Тутъ три полка стоятъ.
 Всѣ люди сдивовалися:
 Еще не брать ли сестру провождаетъ,
 Не кумъ ли куму провождаетъ,—
 Спровождаетъ дѣвица красная
 Своего друга милаго.

1244 (60).

При долинушкѣ есть калинушка,
 Она выросала.
 На калинушкѣ есть малинушка,
 Она расцвѣтала.
 На малинушкѣ соловеюшко
 Громко свищетъ,
 По насвисточкамъ
 Выговариваетъ;
 Не кукушица во сыромъ бору
 Скуковала:
 Во неволюшкѣ добрый молодецъ
 Слезно плачетъ;
 Во слезахъ онъ своей сударушкѣ
 Письма пишетъ:
 „Растоскуйся по мнѣ, любезная,
 Разгорюйся!
 Ужъ я самъ по тебѣ, любезная,
 Стосковался.
 Я малешенекъ послѣ батюшка
 Сынъ остался.
 Я родительницы своей матушки
 Не запомню.
 Еще кто же меня, добра молодца,
 Воспоилъ, вскормилъ?
 Воспоилъ, вскормилъ
 Православный міръ,
 Православный міръ,
 Чужа сторона,
 Чужа сторона—
 Волга матушка,
 Волга матушка,
 Ярославль городъ.
 Завила кудри добра молодца
 Красна дѣвица“.

1245 (61).

Говорила я дружкѣ милому,
 Слезно, жалобно дружка милаго я просила:
 „Не женись, мой милъ сердечный другъ, не
 женися,
 Покулъ я живу, нынѣ красная дѣвица за-
 мужъ не вышла“.
 Не послушался меня миленькой сердечный
 другъ, женился
 Не на душечкѣ на красной на дѣвицѣ,
 Что—на горькой-ли на злосчастной на вдо-
 вицѣ.
 Онъ зажегъ, зажегъ мою душечку,
 Заронилъ, спустил искру съ пламенемъ въ
 мое сердце.
 — Затѣмъ полно-же, моя душечка, тужить,
 плакать!
 Тебѣ сколько ни плакать, будетъ перестати:
 Не наполнить будетъ синя моря слезами,
 Не насытъ будетъ чиста поля тоской, кру-
 чиной,
 Не утѣшить будетъ мила дружка словами.—
 Красна дѣвица по бережку ходить, гуляеть,
 Она съ камешка о камешекъ дѣвка ступаетъ,
 Она камешекъ о камешекъ щелкаетъ:
 Не во всякомъ сѣромъ камешкѣ есть огонь,
 искра:
 Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть суща
 правда.

1246 (62).

Ужъ ты душечка, красна дѣвица,
 Чернбровая, радость, черноглазая,
 Круглолицая, радость, бѣлолицая,
 Со-тонка ли ты ростомъ высокая!
 Зла присуха молодецкая
 Присушила ли меня, добра молодца:
 Не травой сушить, не кореньецемъ,
 Не лазоревыми цвѣточками,—
 Ты своей сушишь дѣвьею красотой,
 Дѣвьею красотой, грудью бѣлою,
 Грудью бѣлою, трубчатой косой,
 Трубчатой косой, лентой алою,
 Лентой алой подаренною,
 Подареньица дружка милаго.
 — Онъ не въ пору дарилъ меня, не во время:
 На проходѣ весны красныя,
 На пролетѣ лѣта теплаго,
 На зачинѣ осени грязныя.
 Созвавши я дружка къ себѣ въ гости,
 Я сама надъ нимъ насмѣялася:
 Я поставила дружка у чужихъ воротъ,
 У чужихъ воротъ у сосѣдовыхъ.—

1247 (63).

Ужь ты, молодость, моя молодость,
 Молодость моя молодецкая!
 Не запомню я, когда ты прошла,
 Когда ты прошла, прокатилася,
 За единой часъ показалася,
 За единой часъ, за минуточку.
 Ужь вы, други мои, други вѣрные,
 Вы сосѣдушки порядовые,
 Вы подите, посидите у меня въ гостяхъ,
 Пособите вы мнѣ думу думать,
 Думу думать, да мысли мыслити:
 Холосту ль мнѣ гулять, или женатому
 Мнѣ по чужой, по дальней сторонѣ,
 По Сибирскія по украинѣ,
 По Тобольскому славному городу?

1248 (64).

Въ далекомъ было, въ далекомъ чистомъ полѣ,
 Что еще того подалѣ было во раздолѣ.
 Стояла ли въ полѣ чистомъ бѣлая береза;
 По корешку, березонька, она корениста,
 По серѣдочкѣ, березонька, она кривлевата,
 По вершиночкѣ она, берѣзонька, щепочиста.
 Что подѣ той ли было бѣлой подѣ березой,
 Не сизѣ ли голубѣ съ голубушкой сидитъ,
воркуеть,

Не дѣвица ли съ молодцомъ рѣчи говорила.
 У душечки ли у красной дѣвицы
 Не дождичкомъ ли бѣлое лицо смочило,
 Не морозомъ ли ретиво сердце познобило:
 Смочило ли лицо бѣлое, лицо слезами,
 Позябло-ли лицо бѣлое, лицо слезами,
 Позябло ли ретиво сердце съ тоски-кручины;
 Тужить ли, плачетъ душа красная дѣвица
 По своему ли по миленькомъ дружочкѣ,
 По ласковомъ, по пріятливомъ по словечкѣ:
 Хорошѣ ли, пригожѣ душа, миленькой уро-

дился,
 Онѣ возрастомъ и дородствомъ и всей красотою,
 И всею храброю постуночкой молодецкою.

1249 (65).

Катя, легонькой умокъ,
 Твой глупенькой разумокъ:
 Было въ рукахъ счастьеце,
 Не умѣла содержать:
 Любила любезнаго,
 Не могла любви признать;
 Стала признавать любовь,
 Стать другъ оставлять,

Стать милѣ оставлять любовь,
 Къ иной въ гости гулять.
 Гулянье, гуляньеце,
 Гулянье-ли ты моѣ!
 Гдѣ, гдѣ ни гуляю,
 Въ чистомъ ли полѣ хожу,
 Своего любезнаго
 На умѣ своемъ держу,
 На умѣ, на разумѣ,
 На своихъ вѣрныхъ мысляхъ.
 Ужь ты, батюшка, младѣ мѣсяцъ!
 Свѣти вдоль по дорожечкѣ,
 Что[бъ] было видно-то,
 Куда мой милѣ поидеть.
 Пошелъ мой-то миленькой
 Вдоль по улицѣ гулять,
 Зашелъ мой-то миленькой
 Въ самый крайній домъ;
 Въ этомъ во домикѣ
 Молода вдова живеть,
 Молода вдова живеть;
 У ней дочь хорошая растеть.
 Катюшечка душечка
 Една въ горенкѣ сидитъ;
 Чесала головушку
 Частымъ гребнемъ, гребешкомъ.
 Родимая сестрица
 Русу косу заплела,
 Во русу косу
 Алу ленточку вилела.
 За эту за ленточку
 Милый денежки платилъ,
 За эти за денежки
 Милый три года въ гости ходилъ,
 Три года ходилъ,
 Все гостинечки носилъ.

1250 (66).

По веснѣ-то было, веснѣ красныя.
 Что по лѣту было по теплomu,
 На тихой вешной на заводи,
 На свѣжей водѣ на ключевой,
 Тутъ и плавала сѣрая утица;
 Не одна она плавала: съ сизымъ селезнемъ.
 Что да у сизаго было у селезня
 Въ три ряда косы заплетались;
 Во четвертый рядъ косы по водѣ плывутъ,
 По водѣ плывутъ, да по тихія,
 По тихой лебединыя.
 Не сами косы заплетались:
 Заплетала косы сѣрая утица,
 Что своимъ она правымъ крылышкомъ,
 Правымъ крылышкомъ, сизымъ перышкомъ.
 У дородна было добра молодца

Въ три ряда кудри завивались,
Не сами кудри завивались:
Завивала ихъ красна дѣвица,
Что своей она правой ручушкой,
Золотымъ веретѣшечкомъ.

1251 (67).

Распечально дѣвѣ сердце
Всегда занываетъ,
Тоски придаваетъ,
Тоски сердцу придаетъ,
Дружка наживаетъ.
Нажила я себѣ дружка
По мыслямъ себѣ по вѣрнымъ,
По думамъ по крѣпкимъ;
На что было друга лучше?
До меня дружочекъ ласковъ,
Какъ соколичикъ ясный;
Высоко соколъ летаетъ,
Меня, дѣвушку, пытается;
Самъ разлуку милой чаётъ.
По разлукѣ, моя радость,
Самъ прочь отъѣзжаетъ.
Оставляетъ дѣвку въ горѣ
Во слезахъ, что въ морѣ,
Оставляетъ во кручинѣ.
Шелъ корабль въ пучинѣ,
Шелъ корабличекъ въ пучинѣ:
Молодецъ въ кручинѣ,
Во кручинѣ, во печали.
„Пиши ко мнѣ, милый, письма“.
— Радъ бы, душечка, писати,
Мнѣ не съ кѣмъ послати.
Напишу письмо слезами,
Отошлю къ тебѣ съ друзьями,
Я со тѣмъ же со дружечкомъ,
Съ милымъ голубочкомъ,
Со сизымъ-то голубочкомъ,
Со златымъ перочкомъ.—
Стану голубя имати,
Сизаго хватати.
Сизаго голубя хватала,
Письма отбирала.
Стану письма отбирати,
Грамотку читати.
Слово два, три прочтала,
Назадъ отослала:
„Я тобой, дружокъ, довольна,
Гулять съ тобой полно;
Видно, полно: перестану,
Отъ тебя, дружокъ, отстану;
Къ иному дружку пристану;
Любить вѣчно стану;
Ужъ я стану, не отстану:

Совыканье было тайно,
Совыкались годочекъ,
Разставались часочекъ“.

1252 (68).

Размолоденькій дѣтинушка,
Мальчикъ молодой!
Ты не стой, не дожидайся,
Любезненькой мой,
Чтобы не столь бы дѣвушкѣ
Мнѣ стоять одной.
Растощененько, разгорчешенько
Сердцу моему:
Отъѣзжаетъ миленькой
На чужу, дальню сторону,
Оставляетъ дѣвушку
Еднешеньку одну.
Скучно дѣвицѣ во горницѣ
Сидѣть одной.
Намъ приходитъ весна красна
Въ саду погуляти;
Знать, что видно, мнѣ не гуливать
Съ милымъ во саду,
Не сидѣть мнѣ, по край рѣчки,
Съ милымъ на лужку,
Не считать мнѣ мелкихъ пташекъ
На лету.
Соловьишки, пташки милыя,
Наши дружки!
Одна дѣвица съ милешенькимъ,
Съ милымъ была.
Брала дѣвица письмо,
Прочитывала;
Съ одного слова заплакала,
Во теремъ пошла:
„Сяду, лягу я на тесовую
Новую кровать;
Всю кроваточку ногами
Источу,
Всю периночку боками
Изомну,
Все взголовнице слезами
Оболью“.

1253 (69).

Чернобровой, черноглазой, душа мой,
Неразлучная любовь наша съ тобой!
Во дорожечку поѣдешь, душа мой,
Меня, горькую, злосчастну, вспомяни!
Вспомяни, милой, веселые часы,
Во которы веселись мы съ тобой,
Мы по садику погуливали,
Въ зеленыхъ лужкахъ сиживали,

Во секретъ слова говаривали,
 Со деревъ яблочки пощипывали.
 Я рвала, брала, милому дарила,
 Я милому, любезному своему.
 Я со той поры сударушкой слыла,
 Сударушкой, красна дѣвица душа.

1254 (70).

Не ржавчинка, болотинка
 Бѣлой снѣгъ сѣдаетъ:
 Не кручинушка добра молодца,
 Печаль сокрушаетъ,—
 Что крушить, сушить добра молодца
 Худа слава.
 Со худой славы доброй молодецъ
 Вѣчно погибаетъ,
 Погибаетъ его буйна головушка
 Все занапрасно,
 Занапрасно буйна головушка,
 Все не за дѣло.
 Не сизъ голубъ по поднебесью
 Онъ, братцы, летаетъ:
 Доброй молодецъ по лагерю
 Ходить, гуляеть,
 Онъ ищетъ, выбираетъ себѣ человѣка,
 Кто бы, кто бы изъ острой сабли ржавчинку
 повытеръ,
 Кто бы, кто бы изъ ретива сердца—грусть,
 тоску, кручину.

1255 (71).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за темнаго, дремучаго
 Поднималася погодушка,
 Что такая нехорошая:
 Со вѣтрами, со морозами,
 Со великими съ пригрозками.
 Что во ту пору, во то время
 Дочь отъ матушки поѣхала,
 Жалобненько заплакала.
 Во зеленой садъ заѣхала,
 Съ соловьями думу думала,
 Съ молодцами рѣчь говорила:
 „Соловей мой, соловеюшко!
 Полетай, душа соловеушко,
 На родимую стороночку,
 На родимую, любимую.
 Ты скажи же, соловеюшко,
 Отцу, матушкѣ низко поклонь,
 Роду, племени по челобитицу,
 Моему дружку любезному,
 Любезному, старопрежнему,
 Старопрежнему, досельному“.

1256 (72).

Долина, долинушка,
 Раздолье широкое!
 При тебѣ, долинушка,
 Выросла рощица,
 Частая берѣзонька.
 Изъ-за этой рощицы
 Свѣтитъ, грѣетъ солнышко
 Зимой не по лѣтнему:
 Любить парень дѣвушку
 Зимой не по прежнему;
 Все любилъ, обманывалъ,
 Замужъ подговаривалъ.
 Не сдавалась дѣвушка
 На его обманушки.
 Нынѣ же у дѣвушки
 Вся весна въ думѣ прошла;
 Лѣтчко придумала,
 Всю осень проплакала.
 Сомнѣвалась дѣвушка,
 Кого полюбить будетъ:
 Полюбить мнѣ ближняго,
 Сосѣди спровѣдаютъ,
 Ничего не сдѣлаютъ;
 Полюбить мнѣ дальняго,
 Будетъ далече ходить;
 Полюбить женатаго,
 Женушка осердится;
 Полюбить холостаго,
 Холостъ обвѣнчается;
 Полюбить мнѣ вдоваго,
 Вдовой—горька пьяница,
 Вдовой—распропница;
 Вдовой во кабакъ поидеть,
 Съ меня сарафанъ прошьетъ
 Что на зеленѣ винѣ,
 Во царевѣ кабаѣ.
 Полюбить мнѣ стараго,
 Стараго не хочется,
 Сердце не воротится;
 Полюбить матрозика,
 Матрозъ на судахъ уйдетъ;
 Полюбить солдатика,
 Солдатъ во походъ уйдетъ,
 Дѣвушку съ собой возьметъ.

1257 (73).

Сердце лапушка, насадушка моя!
 Полно, радость, сокрушать сердце мое.
 Злое сердце ноетъ, тужить завсегда.
 Завсегда, радость, глядѣлъ бы на тебя:
 Прельстили очи ясныя твои,
 Присушили черны брови молодца;

Ухватила посередь живота:

„Скажи, скажи, сердце-лапушка, о томъ,
Когда я тебѣ милъ, сердечный другъ не въ
достой,

Не въ достой, радость,—скорѣ мнѣ откажи,
Ты другому плуту-бестіи прикажи.“

— Не могу, радость, того тебѣ сказать,
Чтобъ тебѣ, мой милъ, сердечный, отказать:
Ты по часту ко мнѣ въ гости, другъ, гостилъ,
Дорогой, честный подарокъ приносилъ:

Со правой руки значень перстень дарилъ.
Супротивъ дружка отдаривала:

Я тальянскій алый платъ ему дала,
Я дала, дружку пожаловала.—

Во послѣдней разъ отказывала:

„Не прогнѣвайся, мой миленькой дружокъ,
На моихъ честныхъ подаркахъ великихъ;
Полюбила изъ мѣщанъ я молодца,
Лучше, краше Петербургскаго купца“.

1258 (74).

Мимо Москву проѣзжали,

До деревни доѣзжали,

У вдовы домъ замѣчали,

У вдовушки колотились,

Ночевать у ней просились:

„Пусти, вдова, почевати,
Насъ вѣдь молодецвъ немножко:

Полтора ста пѣшеходовъ,

Полтретьяста—всѣ на коняхъ,

Всѣ на конечкахъ осѣдлыхъ.“

— У меня дворъ не стоялъ,

Квартирушка небольшая,

Небольшая, хорошая.—

Силой гости ворвались,

Въ квартирушку забрались.

Всѣ сажались по лавкамъ,

Всѣ по лавочкамъ по порядку:

Какъ большой-то гость повыше,

Онъ повыше, въ большой уголъ,

Въ большой уголъ подъ окошко.

Сама вдовушка у печки,

Прижала руки къ сердечку.

Какъ большой-то гость промолвилъ:

„Ты давно ль, вдова, вдовѣшь?

Ты давно ли сиротѣешь?“

— Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,

Сиротѣю съ годомъ двадцать.—

„Подойди, вдова, поближе,

Поклонись, вдова, пониже;

Сними съ меня черну шляпу,

Черну шляпу пуховую,

Пуховую, полевую.

Во шляпочкѣ есть платочекъ,

Во платочкѣ узелочекъ,

Въ узелочкѣ перстенечекъ,

Значень перстень обручальный,

Мы которымъ обручались,

Въ Божьей церкви сочетались“.

1259 (75).

На лугахъ-то ли, на лугахъ зелѣныхъ,

На травахъ-то ли, на травахъ шелковыхъ

Расцвѣтала груша зеленая,

Выросла ли яблонь кудрявая.*)

Что подъ яблонью было подъ зеленою,

Подъ грушею было подъ кудрявою

Молодецъ дѣвку журилъ, бранилъ,

Честью, лестью разговаривалъ,

Разговаривалъ, да все обманывалъ:

„Не ходи, дѣвушка молода, замужъ за стараго,

За стараго, за сѣдатаго.

За сѣдатаго, за бородатаго.

Не терай, дѣвушка, своей красоты,

Не расплетывай трубчатой косы,

Не выплывай ленты алая,

Ленты алая, подаренныя,“

Что дарилъ меня милъ сердечный другъ;

Онъ не въ пору дарилъ, не во время:

На пролетѣ дарилъ весны красныя,

На проходѣ лѣта теплаго,

На зачинѣ зимы холодныя.

*) Рук. кудрядовая.—Ред.

1260 (76).

Ванюша, Ванюша, Иванъ!

Что, Ваня, не бѣлъ, не румянь?

Гдѣ, Ваня, румянецъ потерялъ?

Или на дорогѣ обронилъ,

Или краснымъ подарилъ?

Бѣлая, румяная моя,

Красная дѣвица душа,

Что, радость, печальна навсегда?

Или тужишь обо мнѣ?

— Всѣ я по тебѣ, радость, тужу;

Въ темныя ночи мало сплю,

Всѣ я надзираю надъ тобой,

Надъ твоей надъ буйной головой.—

„За твой за хорошій приговоръ,

Лапушка, за ласковы слова,

Всѣ люди толпами стоятъ;

Всѣ люди про Дуню говорятъ:

Дуня такова и сякова,

Авдотьюшка инакова.“

Дуня у чужихъ воротъ стоитъ,

Дуня за колечушко брянчитъ,

За такое, за витое, за серебряное.
Дунюшка Ванюшу манить:
„Подь, подь, Иванушко дружокъ,
Подь, подь, малиновой душокъ“.

1261 (77).

Милъ, отрада, радость мой,
Сизъ голубчикъ дорогой!
Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Жаль разстаться, распроститься,
Милъ, на вѣки отъ тебя!
Сбѣгу въ темные лѣса,
Сбѣгу въ темны, во дремучи,
Гдѣ я съ дѣвушкой гулялъ,
Гдѣ пріятно цѣловалъ,
Разлапушкой называлъ.
Разлапушка дѣвушка,
Черноброва кралечка,
Черноброва, черноглаза
Край дорожки гуляла,
Со травы цвѣты рвала.
Я вѣнокъ ему плела,
На головку одѣла.
По дорожечкѣ пошла,
Край дорожки становлюсь,
На себя млада дивлюсь,
Никого я не боюсь:
Я ни вора, ни майора,
Ни донского казака,
Ни простого мужика,—
Боюсь милого дружка.

1262 (78).

Не ясенъ-то ли соколъ, соколъ по горамъ
леталъ,
Онъ леталъ-то ли, леталъ, леталъ, лебедей
Все лебедушекъ искалъ. [искалъ,
Онъ нашелъ-то ли, нашелъ, нашелъ на кру-
той горѣ,
На крутенькой на горѣ, горѣ, на всей красотѣ.
Онъ всё-то ли сидятъ, всё сидятъ бѣлешеньки,
Ровно бѣленькой снѣжокъ.
Одна-то ли лебедь, лебедь побѣлѣе всѣхъ,
Побѣлѣе всѣхъ, лебедь поснаряднѣе,
Поснаряднѣе, лебедь подогладивѣе:
Изъ стада-то къ стаду лебедь перелетывала,
На милого дружка, дружка часто взглядывала:
Мой-то миленькой дружокъ расхорошъ, при-
гожъ.
Расхорошъ-то ли, пригожъ, милой въ луж-
кахъ гулялъ,
Во лужечикахъ гулялъ, гулялъ, тяжело взды-
халъ,

Не по батюшкѣ вздохнулъ, не по матушкѣ,—
Онъ вздохнулъ - то ли, вздохнулъ по суда-
По любезной по своей. [рушкѣ,
Мнѣ не жаль - то ли, не жаль, не жаль са-
Самого себя не жаль, [мого себя,
Только жаль-то ли мнѣ жаль, жаль саду зе-
Зеленаго саду жаль. [лѣнаго,
Въ зеленомъ - то ли саду, въ садикѣ трава
растетъ,
Мурава-то ли трава, цвѣтики лазоревы,
Всѣ лазоревы цвѣты.
Что во томъ ли то саду гуляютъ три дѣвицы,
Три красавицы гуляютъ.

1263 (79).

Край дорожки, край широкия было Москов-
Тутъ стояла зелена елинка, [ской,
Не толстая, собою ровная,
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елиникѣ,
Что на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла дорогая иташка,
Горегорькая бѣдна кукушка.
Не кукуетъ, всё бѣдна горюетъ,
Жалобнешенько слезно причитаешь,
Подъ елинушку сама взираешь:
Подъ елинушкой лежить молодчикъ,
Не убитъ онъ лежитъ, не застрѣленъ,—
Вострой сабелькой весь онъ изрубленъ.
Что на молодцѣ была рубашка,
Тонка, бѣленька была бумажна,
Во крови то она была кумашна,
Во грязи то она была китайна.
Тутъ спроговорить душа молодчикъ:
„Ужъ ты, мамушка, зелена елина!
Опусти ты свое прутье-витье,
Ты прикрой мое тѣло бѣлое,
Чтобы дождикомъ тѣла не мочило,
Краснымъ солнышкомъ тѣла не сушило,
Чтобы звѣри тѣла не терзали,
Черны вороны тѣла не клевали.“

1264 (80).

Полно, миленькой, зиму зимовати,
На меня тоску нагонати:
Безъ того мнѣ, дѣвицѣ, тошно,
Красавицѣ горько,
Пособить горю невозможно:
Я послѣдню весну гуляю,
Дѣвушкой гуляю.
Вздумалъ батюшка замужъ отдавати
Родна матушка не за ровню,
Замужъ за стараго.

За старымъ житье не корыстно,
 Мнѣ за молодцемъ безпокойно.
 Что на рѣченкѣ, на Казанкѣ,
 На прикрутенькомъ бережечкѣ,
 На желтенькомъ на песочкѣ
 Раскрасавица платье мыла,
 Красавица мыла,
 Дубовымъ валькомъ колотила,
 Валечкомъ колотила.
 Изъ рукъ валечекъ уронила,
 По локоть ручки обмочила,
 По пальцамъ ручки ознобила,
 На водѣ кудри изловила,
 Русы изловила,
 Частымъ гребешкомъ расчесала,
 Алой ленточкой привязала,
 На ленточкѣ подписала,
 Въ Ярославль городъ отослала.

1265 (81).

Полно, солнышко, изъ-за дѣсу свѣтитъ,
 Полно, красно, во саду яблони сушитъ:
 Полно, дѣвушка, по молодцѣ тужить,
 Полно, красна, по удаломъ тосковать.
 — Еще какъ же мнѣ не плакать, не тужить?
 Такова дружка мнѣ въ свѣтѣ не нажить!—
 Не свѣтель мѣсяцъ по улицѣ просвѣтилъ;
 Заря бѣлой свѣтъ въ окошечко взошла:
 Ко мнѣ любушка-сударушка пришла,
 Всѣ утѣхи и забавы принесла;
 Въ окошечко бѣлы руки подала,
 Подавши ручки, увѣряла молодца:
 „Ты, раздусечка, удалый молодецъ,
 Чернобровой, черноглазой, душа мой!
 Намъ не долго во любви съ тобой пожить,
 Намъ не долго и компанья поводить.
 Потѣжай, миль, по дорожкѣ столбовой,
 Привези мнѣ-ка подарокъ дорогой,
 Подарочекъ дорогой, левантиновой платокъ.
 Вечоръ, миленькой, въ компаньяцѣ была,
 Про тебя, мой другъ, словечко слышала:
 Тебя, миленькой, женить скоро хотять,
 Меня, дѣвушку, засватали сей часъ;
 Тебя женять, меня замужь отдають.“

1266 (82).

Ужъ вы, горы, вы, горы, горы круты, высоки!
 Ничего-то вы, горы, горы не породили;
 Спородили только горы все горушками.
 Изъ-подъ камешка течетъ, течетъ рѣчка бы-
 страя,
 Что надъ той же надъ рѣкой выросъ часть
 ракетовъ кустъ;

На томъ кустышкѣ сидѣлъ, сидѣлъ младъ
 сизой орелъ,
 Во когтяхъ-то онъ держитъ, держитъ черна
 ворона.
 Ужъ онъ бить его не бьетъ, всѣ крѣпко
 выпрашиваетъ:
 „Ужъ ты гдѣ, воронъ, бывалъ, гдѣ, черной,
 полетывалъ?“
 — Ужъ я былъ-то побывалъ, былъ я во дикихъ
 степяхъ,
 Во дикихъ-то во степяхъ, степяхъ во Сара-
 товскихъ;
 Ужъ я видѣлъ-ли, видѣлъ, видѣлъ чудо чудное,
 Чудо чудное-то видѣлъ, видѣлъ диво дивное:
 Во черной-то во грязѣ лежить тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое лежить, тѣло молодецкое;
 Что никто-то ко тѣлу, къ тѣлу не присту-
 пится.

Прилетало ко тѣлу да три ласточки,
 Три ласточки, да три косатые:
 Первая ласточка была родимая матушка,
 Вторая ласточка была родная сестрица,
 Третья ласточка была молодая жена.
 Родна матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ,
 Родна сестрица плачетъ, какъ ручьи текутъ,
 Молода жена плачетъ, какъ роса падаетъ.
 Когда солнышко взойдетъ, роса высохнетъ:
 Молода жена за гульбой пойдетъ.

1267 (83).

Ходилъ Ванюша по подлѣсью
 Съ острою косою,
 Искалъ Ванюша сѣнокосу
 На острую косу;
 Косилъ Ванюша чужу траву,—
 Своя въ полѣ сохнетъ.
 Любилъ Ванюша чужу жену,
 Своя слезно плачетъ;
 Она плачетъ и рыдаетъ,
 Машеньку ругаетъ.
 — Еще что кому за дѣло,
 Что я съ милымъ сѣла,
 Съ милымъ сѣла, посидѣла,
 Разговоръ имѣла,
 Пѣсенокъ попѣла?
 Пойду, выйду я, млада, за ворота,
 Дѣвушка, въ болото;
 Пойду, выйду за новыя,
 Въ лужки зеленые,
 Въ травки шелковыя;
 Подвереюшки были точены,
 Столбы золочены,
 Травки подкошены.
 Не травонька въ полѣ разстилается,

Не стелется, вьется:
 Про насъ ли съ тобой, любезная,
 Славушка несется.
 — Пушай люди судять, пьяны бабы ря-
 Что я Машу люблю; [дять,
 Любить стану, не отстану
 До вѣку, до жизни.—
 Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ
 Еще что это за древо,
 Березонька бѣла?
 Что на этой бѣленькой березѣ
 Сидѣль сизъ голубчикъ;
 Что не сизенькой голубчикъ,
 Удалой молодчикъ,
 Передъ нимъ стоитъ дѣвица,
 Она не рѣчи говорить, сама слезно пла-
 — Не плачь, дѣвка, не печалься; [четь.
 Я любить не стану:
 Отъ тебя отстану,
 Ко иной пристану.

1268 (84).

Соловейко молодой, не пой громко во саду,
 Не пой громко, не пой звонко:
 Не столь скучно, молодцу,
 Не столь скучно не столь грустно,
 Самъ не знаю отчего.
 Хотя знаю, замѣчаю
 Отъ любезной своея,
 Какъ моя-то любезная
 Отдаляетъ отъ себя,
 Отдаляетъ, отѣзжаетъ
 За четыре ровно ста,
 За четыре съ половиной:
 Во матушку во Москву.
 По Москвѣ мальчикъ гуляетъ;
 Извожиковъ наживаетъ*),
 Извожиковъ не нашель,
 Самъ заплакаль и пошелъ;
 Ко товарищу зашелъ:
 „Ты товарищъ, дружокъ мой,
 Мы подумаемъ-ко съ тобой,
 Мы подумаемъ, погадаемъ,
 Кого къ миленькой послать:
 Мнѣ-ка стараго послать,—
 Старъ не дойдетъ до двора;
 Хотя дойдетъ до двора,
 Не отворить ворота.
 Хотъ отворить ворота;
 Не запускать старика.
 Мнѣ-ка малаго послать,—
 Малъ не знаетъ, что сказать.
 Мнѣ-ка ровнюшку послать,—
 Ровня самъ охочъ гулять.

Самому мнѣ-ка бѣжати,
 Вечеринку заставить,
 Съ дѣвцами поиграть,
 Съ молодцами пошутить“.

*) нанимаетъ?—Ред.

1269 (85).

Какъ повыше было славнаго Питера,
 Протекала тутъ рѣченька быстрая,
 Рѣчка, быстрая, заводистая,
 Заводистая рѣчка, каменистая.
 Выгребала тутъ легкая шлюбочка;
 Хорошо шлюбка была изукрашена:
 Плисомъ—бархатомъ шлюбка околочена,
 У ней носъ, корма были позолочены,
 Тонкими парусами изнавѣшена;
 На кормѣ сидѣль атаманъ съ ружьемъ,
 На носу сидѣль эсаулъ съ копьемъ.
 На среди шлюбки стоялъ бѣлъ шатерь.
 Во шатрикѣ были дубовы столы,
 На столахъ лежить золота казна,
 Золота казна Государева;
 За столомъ сидитъ красна дѣвица,
 Золотой казны караульница,
 Атаманова полюбовница,
 Эсаулова родна сестрица,
 Всѣмъ солдатушкамъ подговорщица.
 — Мнѣ почесь, дѣвкѣ, мало спалося,
 Мало спалося, во снѣ видѣлось:
 Атаману быть застрѣлену,
 Эсаулу быть заколоту,
 Молодцамъ гробцамъ во тюрьмѣ сидѣть;
 Мнѣ самой дѣвкѣ въ Москву ѣхати,
 Въ Москву ѣхати, въ землю Шведскую,
 Въ землю Шведскую, во Турецкую
 Къ молодому солдату барабанщику;
 Молодой солдатъ въ барабаны бьетъ,
 Мнѣ, дѣвченкѣ, онъ милой другъ.

1270 (86).

Леталь голубъ по долинь,
 Все голубушекъ искаль:
 Не нашель голубъ голубку
 Ни въ долинахъ, ни въ лугахъ.
 Я увидѣла милого
 Во бесѣдѣ ввечеру.
 Со бесѣдушки милого
 Унимала ночевать:
 „Ты почуй, почуй, любезный,
 Почуй ночку у меня“.
 — Я радешенекъ остаться:
 Боюсь до свѣту просплю.—
 „Ты не бойся, мой любезный,
 До зорюшки рано разбужу;

Разбудивши до утренней,
 Я далече спровожу".
 Я до тѣхъ мѣсть спровождала,
 До зеленыхъ, до луговъ,
 Я до зеленыхъ лужечковъ,
 Гдѣ скончалася любовь;
 Гдѣ скончалась, разставалась,
 Слезно плакала по немъ,
 Слезно плакала, рыдала.
 Со слезъ рѣчка протекла;
 Течетъ рѣченька Казанка,
 Не широка, глубока,
 Не широка, глубока,
 Перевоза на ней нѣтъ;
 Хотя есть онъ, да не здѣсь,—
 На другой на сторонѣ.
 На другой же на сторонѣ
 Лежитъ легонькой стружекъ,
 Разукрашенный карбасокъ;
 Весельшка голубы,
 Паруса очень бѣлы.
 На кормѣ сидятъ хозяинъ:
 То мой миленькой дружокъ.
 Я по бережку ходила,
 По крутому гуляла,
 Гулявши я по крутому,
 Ручки къ сердцу прижала;
 Прижавши ручки къ сердечку,
 Пала грудью на воду.
 На водѣ рѣчь говорила:
 „По тебѣ, злодѣй, тону,
 По тебѣ ли, по себѣ ли,
 По любви, радость, по моей.“
 — Скажи ты, моя любезна,
 Чѣмъ прогнѣвалъ я тебя?
 Развѣ тѣмъ прогнѣвалъ,
 Что иную полюбилъ,
 Какъ иную любезную,
 Что Дуняшу молодую?
 Для того тебя покинулъ,
 Что годами молода:
 Лѣтъ пятнадцати дѣвчонка,
 За гульбой рано пошла,
 За гульбою за такою,
 За славушкой за худою,
 За укорой вѣковой.—
 „Еще что тебѣ за дѣло?
 Хоть двѣнадцати годовъ“.

1271 (87).

Размолоденькіе вы, молодчики, дружки мои!
 Ваши ласковыя, распріятныя къ сердцу слова,
 Что безъ огничка мое сердце разожгли,

Что безъ вѣтру мои мысли разнесли,
 Разнесли мысли по чистымъ по полямъ.
 По широкимъ зеленымъ лугамъ.
 Кто бы, кто бы моему горю помочь:
 Со дороженьки дружка воротилъ?
 Воротиси, мой миленькій, назадъ:
 Позабыла словечушка два, три сказать.
 Наглядитесь, очі ясныя, на дружка въ запасъ,
 Что въ запасъ-то на цѣлый круглый годъ.
 Не сидѣла бы красна дѣвица одна,
 Не чесала бы русы волосы частымъ гребешъ.
 Не заплетала бы трубчатой косы, [комъ,
 Не заплетала бы я алу ленту въ три рубля,
 Не лежала бы я бѣлой грудью на окнѣ,
 Не ронила бы я горючи слезы за окно,
 Не глядѣла бы я въ чисто поле далече,
 Не ругала бы я чужой дальней стороны:
 „Ты злодѣй, ты злодѣй, чужа дальна сторона!
 Разлучила ли ты съ отцемъ съ матушкой
 меня,

И во вторыхъ разлучила со родимой сторо-
 ной,
 Во третьихъ разлучила съ красной дѣвицей
 душой!“

1272 (88).

Ты, товарищъ, товарищъ, дружокъ мой,
 Не съ одной ли мы сторонюшки съ тобой?
 Ты поѣдешь ли, товарищъ, другъ домой.
 Скажи любушкѣ няжающей поклонъ,
 Не ждала бы во все лѣтечко домой,
 Во все лѣтечко до самой до зимы.
 Замерзають быстры рѣки и губы,
 Западають всѣ дорожки и пути:
 Мнѣ-ка нельзя стало ко любушкѣ ходить,
 Мнѣ нельзя стало слѣдочка проложить.
 Вдоль по улицѣ дорога широка,
 По загуменью тропиночка торна,
 И торнымъ-торна, пробита до песка.
 Еще кто эту тропиночку пробилъ?
 Молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ,
 Онъ не толь ходилъ, гостинечки посылъ,
 Гостинечки сладки, прянички на меду,
 Безъ размѣру зеленымъ виномъ поилъ,
 Безъ расчета золотой казной дарилъ.

1273 (89).

Сохнетъ, вянетъ въ полѣ травка,
 Сохнетъ, вянетъ безъ дождя;
 Частый дождикъ не помога,
 Со востока вѣтерокъ:

Долго, долго дожидаться
 Мнѣ невѣрнаго къ себѣ.
 Полно, сердце, сокрушаться:
 Милъ не мыслить обо мнѣ.
 Было времечко прекрасно,
 Когда милъ меня любилъ;
 Нынѣ все перемѣнилось:
 Милъ иную полюбилъ;
 Меня бѣдную, несчастну
 Еднымъ вздохомъ наградилъ.
 Сколько вздоховъ я вздыхала,
 Ни одинъ вздохъ не дошелъ.
 Сколько слезъ я проливала,
 Во слезахъ милъ не видалъ.
 Сколько писемъ я писала,
 Милой писемъ не читалъ,
 Не читаетъ милой писемъ,
 Назадъ ко мнѣ отсылалъ.
 Извини, мой другъ любезный,
 Что я дерзко говорю:
 Деревенска я уроженка,
 Безъ политики выросла;
 Я градскихъ манеръ не знала:
 Все въ деревенкѣ жила.
 Пойду я схожу въ зеленъ садикъ,
 Разгуляю грусть тоску.
 Ничего въ саду не видно,
 Только птички по кустамъ.
 Сидятъ птички все попарно
 И поютъ, какъ соловьи.
 Сидятъ дѣвушки съ дружками,
 У Катюши дружка нѣтъ.

1274 (90).

За Невагою, за второй рѣкой Перебрагою,
 За дорожкой было за широкою,
 За сторонечкой было за Московскою,
 Не полынъ травка въ полѣ шатается:
 Заплаталася въ полѣ да душа ль моя,
 Ты, раздущечка, мой добрый молодецъ.
 Я не самъ зашелъ, не своей охотою:
 Занесла меня, добра молодца, невольюшка,
 Жизнь наша боярская, служба Государева.
 Тяжела служба: день до вечера,
 Что со вечера служба до полуночи,
 Со полуночи служба часу до девятого,
 Со девятого часу до десятого.
 Со десятого часу мѣсяцъ высоко взошелъ,
 Съ неба звѣзды сыпались,
 Разсыпалися звѣзды по чисту полю:
 Разъѣзжала наша армія,
 Сила-армія наша, конна гвардія
 Дружкамъ по зелененькимъ.

1275 (91).

По дорожечкѣ да по широкія,
 По широкія да по Московскія
 Тутъ ишла, прошла сила-армія,
 Сила-армія, да конна гвардія:
 Три полка солдатъ
 Всѣ молоденькихъ, безбороденькихъ,
 Все холостые, да не женатые.
 Впереди солдатъ знамена несутъ,
 Въ барабаны бьютъ барабанщики;
 Ружья свѣтлыя, замки крѣпкіе;
 Ружья сбрыкали, солдаты плакали:
 Во походъ пошли, во дорожечку,
 Хоть не въ дальнюю, во печальную.
 Во дорожечкѣ думу думали,
 Думу думали, рѣчь говорили:
 „Еще гдѣ, братцы, будемъ день дневать,
 Ночь коротати?
 Будемъ день дневать во чистомъ полѣ,
 Ночь коротати во сыромъ бору,
 Во темномъ лѣсу все подъ сосною,
 Подъ кудрявою, подъ жаровою;
 Намъ постелюшка—мать сыра земля,
 Одѣялышко—вѣтры буйные,
 Покрывалышко—снѣги бѣлые,
 Омыванье—частый дождичекъ,
 Утиранье—шелкова трава,
 Родной батюшко намъ—свѣтель мѣсяцъ,
 Красно солнышко—родна матушка,
 Заря бѣлая—молода жена“.

1276 (92 *).

Запобѣдны наши головушки молодецкія,
 Заунывны наши сердечушки рекрутскія:
 На остаточкахъ доброму молодцу погуляти
 Мнѣ по своей по родимой по сторонкѣ,
 По любезной, по веселой, по Воложской.
 Я въ послѣдні добрый молодецъ гуляю.
 Ты еще прости во послѣдній разъ!
 Мнѣ не жаль, не жаль самого себя,
 Только жаль мнѣ, жаль красной дѣвицы.
 Ты прости, прости, родимая мать;
 Ты еще прости, родной батюшка.
 Ты на что, родной батюшка, меня засѣялъ,
 На несчастіице, родна матушка, породила?
 Ужъ ты отдалъ меня, батюшка, во солдатушки
 За тѣхъ ли братьевъ за родимыхъ.
 Ты прости, прости, красна дѣвица,
 Во послѣдній разъ полюбовница!
 Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
 Не тужи обо мнѣ, полюбовница:
 Если хуже меня наживешь, заплачешь;

Если лучше меня наживешь, меня забудешь.
 Ты прости, прости, моя милая!
 Во послѣдній разъ я цѣлую вась.
 Не судачьте-ко, родны братьяца,

Ты не плачь, не тужи, родна матушка:
 Я пойду волей во солдатушки.

*) Пѣсни 1243 -- 1276 пѣсни „уличныя“. — Ред.

в) г. Шенкурскъ.

1277 (1).

Выходили-то солдатушки на зеленой дугъ,
 Становилися-то ребятушки во единой кругъ,
 Они думали, подумали думушку крѣпкую:
 „Запоемте-тко, ребятушки, пѣсенку новую,
 Мы которую вецѣрь пѣли, да во походѣ шли
 На батюшкѣ на соколѣ на черномъ караблѣ,
 Утѣшали-то мы полковника на синемъ морѣ.
 Какъ уналь-то нашъ полковницѣкъ во сине
 море,
 Мы бросались за полковницѣкомъ во сине
 Мы хватали ёво за черны кудри, [море,
 Мы вертѣли ёво въ тонки парусы,
 Мы кацали ёво день до вецера,
 На другой день кацали до полуночи,
 На третей день кацали до бѣла свѣту,—
 Не могли откачать мы полковницѣка.
 Мы зашили ёво въ кулъ рогозеной,
 Отпустили ёво во сине море,
 Отпустивши ёво, сами заплакали“.

1278 (2).

Ужъ какъ Платовъ енараль
 Онъ по арміи гулялъ,
 Усы, бороду обрилъ,
 Ко хранцюзу въ гости загулялъ;
 Какъ хранцюзъ ёво не узналъ,
 За бѣлыя руки бралъ,
 Въ нову горницу повѣлъ,
 За дубовой столъ садилъ,
 Чаемъ-кофіемъ поилъ:
 „Ужъ ты пей, душа кунецъ,
 Ты московской молодець!
 Ужъ я самъ въ Москвѣ бывалъ,
 Много добрыхъ людей зналъ,
 Одново вора не зналъ
 Я Платова козака:
 Ёще кто-бы мнѣ ёво сказалъ,
 Тому-бы много денегъ далъ“.
 Вотъ тутъ Платовъ распрошася,
 Надъ хранцюзомъ онъ смѣялся:
 „Ахъ! ворона, ты ворона,
 Ты хранцюзская корона!
 Не умѣла ты, ворона,

Ясна сокола ловить,
 Добра молодца убить:
 Ужъ я былъ у тя въ гостяхъ,
 Во твоихъ вострыхъ когтяхъ“.

1279 (3).

Какъ ударили въ большой колоколъ
 Во соборѣ да Петропавловскомъ.
 Что за правымъ-то за крылосомъ,
 У гробницы государевой,
 Государя Петра Перваго,
 Тутъ стояла честная вдова,
 Честная вдова Государыня.
 Катерина Алексѣевна,
 Со слезами Богу молилась:
 „Ужъ ты встань, встань, благовѣрный Царь,
 Благовѣрный Царь, Петръ Алексѣевичъ!
 Посмотри ты на свою армію
 И на конную на всю гвардію:
 Всѣ солдатушки во походѣ идутъ,
 Барабаншички въ барабаны бьютъ“.

1280 (4).

Хотите ли, братци, старину скажу,
 Старину скажу, да небывалую,
 Небывалую, да неслыхалую:
 Ужъ какъ на морѣ, братци, овинъ горить,
 Овинъ горить, да всё со рѣпою,
 Со рѣпою, да всё со красною.
 По поднебесью, братци, медвѣдь летить,
 Во когтяхъ несеть да онъ коровушку,
 Онъ коровушку да цѣрнонеструю,
 Цѣрнонеструю, да бѣлохвостую.
 По цисту полю да корабли плывутъ,
 Корабли плывутъ, да все сѣна везутъ.

*)

На дубу свинья гнѣздо свила,
 А овця пришла, яйцѣ снесла.
 На заполькахъ мужики заезки бьютъ,
 Да заезки бьютъ, хотять рыбку ловить!

*) Въ черновомъ пропускъ, въ чистовомъ не
 отмѣченъ — Ред.

1281 (5).

Отдала меня матушка
 Далекимъ-далекошенько:
 За три города дальные,
 За три крѣпости крѣпкія,
 За три церкви соборныя,
 За три стѣны бѣлокаменные;
 Не велѣла мнѣ матушка
 Не тужити, не плакати,
 Не цѣсто въ гости гостити.
 Ужъ какъ я, молодешенька,
 Въ недѣлку стосковалася,
 А въ другую взгоревалася.
 Пойду-выйду я, молодца,
 Я во цистое полецько,
 Попрошу я, молодешенька,
 Я у ластоцьки перыица,
 У касатоцьки крыльица;
 Полецю я, молодешенька,
 На родимую сторону.
 Ужъ я сяду, молодешенька,
 Во сырой боръ на сосноцьку *),
 На сухую тыщиноцьку,
 И на самую вершиноцьку:
 Ты скрыпи, скрыпи, дѣревцѣ,
 По всѣму свѣту бѣлому;
 Вы кукуйте, кукушниця,
 За три города дальные.
 Не моя ли то матушка
 У ранней заутрени?
 Она Богу-то молится,
 Всѣ свѣци затепляючи,
 Всѣ меня вспоминаючи:
 — Не моѣ ли то дитятко
 Во лѣсу заблудилося?
 Во росѣ замоцилось?—
 Нѣтъ, не въ лѣсу заблудилося,
 А во горѣ и въ слезахъ замоцилось!

*) Въ чистовомъ: соночку.—Ред.

1282 (6) *).

Ужъ вы горы, вы горы, горы Московскія,
 Вы Московскія горы, Воробѣевскія!
 На тѣхъ ли на горахъ выросталъ ракитовъ
 кустъ;
 На томъ ли на кусту сидитъ младъ сизой
 орелъ;
 Во когтяхъ-то онъ держитъ, держитъ цѣрна
 ворона,
 Во когтяхъ онъ держа, самъ выпрашиваетъ:
 „Ужъ ты гдѣ, воронъ, леталъ, гдѣ цѣрной,
 полетывалъ?“
 — Я леталъ, воронъ, леталъ во дальныхъ
 странахъ,

Во дальныхъ-то во странахъ, степяхъ Са-
 ратовскихъ;
 На цѣрныхъ-то на грязяхъ лежитъ тѣло
 Не избито тѣло, не изранено, [бѣлоѣ,
 Ружьемъ тѣло изпострѣляно.
 Прилетало-то къ тѣлу три кукушниця,
 Три кукушниця, да три горюшниця:
 Первая горюшниця была родна матушка,
 Другая то горюшниця была родна сестрица,
 Третья-то горюшниця была молода жена;
 Родна матушка-то плацѣтъ, какъ рѣка льетсе,
 Родна сестрица-то плацѣтъ, какъ руцѣ шу-
 мятъ,
 А молода жена-то плацѣтъ, какъ роса па-
 даетъ;
 Родной матушкѣ-то плакать вполоть до смер-
 точки,
 Родной сестрицѣ-то плакать вполоть до за-
 мужьяца,
 Молодой-то женѣ плакать до мила друга!

*) Ср. выше пѣсню 1266.—Ред.

1283 (7).

Одна была въ полѣ дорожка,
 И та травой заростала:
 Одинъ былъ братецъ у сестрици,
 И тотъ къ сестрѣ въ гости не гостилъ.
 Пожаловалъ братецъ, прѣхалъ,
 Сестра братца встрѣтила,
 Изъ стремянъ ноги вынимала,
 Съ добра коня снимала,
 Въ нову горницю приводила,
 За дубовой столъ братца сажала,
 Низешенько поклонилася.
 Не долго въ гостяхъ братецъ гостилъ,
 Одну ноцьку братецъ ночевалъ,
 И ту онъ цють скороталъ,
 Всю ноценьку братецъ проходилъ,
 Онъ и Богу-то промолвился:
 „Подай, Боже, да свѣту бѣлова,
 Ты взойди, взойди, да красно солнцѣ,
 Осіяй, солнцѣ, да во всю землю,
 Во всю землю да свято-Русску,
 По всѣмъ городамъ да по русскимъ!“
 На добра коня братецъ сажалсе,
 Со своей сестрицей прощалсе:
 „Не дай Боже въ гости гостити!
 Свекоръ-бацько у тя бранливой,
 Свекровушка ворцялива,
 Деверьяца твои драцливы,
 Золовушки твои мутливы.“
 Тутъ рѣки слезъ пролилися,
 Гдѣ братъ съ сестрой разставался.

1284 (8).

Отдають молодѹ на цюжѹ сторонѹ,
На цюжѹ сторонѹ, во большую семью;
Свекоръ говоритъ: „Къ намъ медвѣдницу ве-
дутъ“.

Свекровка говоритъ: „Къ намъ людоедницу ве-
дутъ“.

Деверья говорятъ: „Къ намъ неткаха ведутъ“.

Золовки говорятъ: „Къ намъ непряху ведутъ“.

Стара бабушка говоритъ: „Къ намъ плутовку
ведутъ“.

Благослови-ко, Христось, мнѣ съ мѣста встать,
Мнѣ съ мѣста встать, да всемъ поклонъ
отдать:

— Медвѣдници-то, батюшка, въ берлогахъ жи-
вуть,

Людоедници-то, матушка, не въ нашихъ зем-
Неткахи-то, братица, ваши жены, [ляхъ,
Непряхи-то, сестрицы, сами-то вы!

1285 (9).

У воротъ трава притолочена:

Я у батюшки запоручена,

Запоручена я за крестьянина.

Ужъ какъ мнѣ молодой не хотѣлося,

Моему сердцу не радѣлося:

Вѣдь, крестьянникъ-то онъ орать станеть,

А мнѣ молодой да боронить велить.

У воротъ трава притолочена:

Я у батюшки запоручена,

Запоручена я за поповича.

Ужъ какъ мнѣ молодой не хотѣлося,

Моему сердцу не радѣлося:

Поповичъ-то да онъ писать станеть,

А мнѣ молодой огонь свѣтитъ.

У воротъ трава притолочена:

Я у батюшки запоручена,

Запоручена я за гудочника.

Ужъ какъ мнѣ молодой захотѣлося,

Моему сердцу зарадѣлося:

Какъ гудочникъ-то станеть въ гудокъ играть,

А какъ я млада буду пѣсни пѣть.

1286 (10).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,

Изъ за садику зеленаго

Поднималася погодушка,

Что такая не хорошая,

Со вѣтрами, со морозами,

Со великими пригрозами.

Въ эту пору, въ это времячко

Дочка къ матушкѣ поѣхала;

Среди лѣсу дремучаго

Она въ садичекъ гулять пошла,

Съ молодцами думу думала,

Съ соловьями слово молвила:

„Полетите, млады соловьи,

На мою родиму сторону,

Отнесите, млады соловьи,

Родну батюшку низкой поклонъ,

Братьямъ, сестрамъ челобитице.

Вы скажите родной матушкѣ:

Зачѣмъ далече выдала,

На чужу дальну сторонушку,

Ко лѣтой ко свекровушкѣ?

Послала*) меня свекровушка

Среди-то ночи темныя

На синѣ морѣ съ ведерышкомъ

Ключевой воды почерпнути.

Гуси, лебеди встрепенулися,

Синѣ морѣ всколыхалося,

Ключевая вода смутилася,

Мои руки опустилися“.

*) Въ ориг.: посила.

1287 (11).

Вы раздайтесь, разступитесь, люди добрые,

Вы на все ли на четыре на сторонки,

Ужъ вы дайте мнѣ, младенькѣ, погуляти,

Мнѣ шелковыя травы да потоптати,

Мнѣ лазоревыхъ цвѣтоцковъ посрывать,

Покудова батюшка-сударь замужъ не выдать,

Покудова матушка-сударыня не сговорила

За того ли за дѣтину, за невѣжу;

На кабакъ и деть дѣтина, скажеть,

Съ кабака и деть невѣжа восклицаетъ:

„Еще дома ли жена-та молодая?

Отпирала бы жена да широки ворота!“

Ужъ какъ я ли, молоденька, была тороплива,

Поскорешенько съ постелюшки вставала,

Я покрѣпче воротецъки запирала,

Посмѣяе со невѣжой говорила:

„Ты ночью, ночью, невѣжа, за воротми!

Тебѣ мягкая постеля—снѣгова пороха,

А высокое зголовье—подворотня,

Шитой бранной положокъ—цвѣтныя звѣзды,

Крѣпки, строги караулы—сѣры волки.

Каково тебѣ, невѣжа, за воротми,

Таково-то мнѣ, младенькѣ, за тобою,

За твоєю за безпутной головою!“

1288 (12).

Какъ за рѣчкой, за рѣкой

Стоить чѣтыре двора,

Стоять чѣтыре двора, изъ воротъ ворота.
 Мужикъ пашеньки не пашеть,
 Завсегда рожь продаётъ;
 Мужикъ солоду не растить,
 Завсегда пиво варить;
 Мужикъ денегъ не куётъ,
 Деньги взаймы дасть.

1289 (13).

На ракиговомъ, на кустишкѣ,
 На малиновомъ на прутикѣ
 Соловеюшко поетъ,
 Молодой мальчикъ насвистываетъ:
 „Скоро, скоро дѣвку замужъ отдають,
 Всѣ минуются у дѣвушки гульбы,
 Красота съ лица поскатится“.
 Поиграйте-ко вы, дѣвушки,
 Поиграйте-ко, голубушки,
 Покулъ воля, воля батюшкова,
 Покулъ нѣга, нѣга матушкина;
 Будетъ волюшка—чужа сторона.
 Не ровно замужъ выйдется,
 Не ровень накачается:
 Либо старой, либо малой мужъ,
 Либо ровнюшка пьяница-дуракъ:
 Не отпустить онъ на улицу гулять.

1290 (14).

У Ванюши заболѣла голова,
 У хорошаго съ зеленого вина,
 Прискучилось жить холодная зима,
 Не возрадуй тепло лѣто и весна:
 Молода жена не любая пришла,
 Журить, бранить свою мужа завсегда.
 Мужъ не слушаетъ жены-то никогда:
 Онъ со вечера буйну голову чесалъ,
 Со полночи русы кудри завивалъ,
 Завивши кудри, на гуляньице пошелъ.
 Что по той никто дорожкѣ не гуляетъ,
 Куда шелъ, прошелъ дѣтинка молодой.

1291 (15).

Иванушка братецъ мой,
 Вриглянулся разумъ твой,
 Песнь обычай дорогой:
 Ты не будешь вина пить,
 Будутъ дѣвушки любить
 И молодунки хвалить.
 Ужъ-ли я ли молода
 Въ одиночествѣ жила,
 Одинокою слыла;
 Затопила я избушку,
 Сама по воду пошла,
 Сама по воду, водѣ,

На Шамару на рѣку.
 На Шамарѣ на рѣкѣ
 Гуси, лебеди сидятъ,
 Размутить воду хотятъ,
 Размутили, сполоскали
 Воду свѣженькую.
 Ужъ-ли я ли молода,
 На бережкѣ стояла,
 Ключевой воды ждала;
 Размахнула, почерпнула,
 На плечишко подняла,
 Зашаталася—пошла,
 Расплескалася вода.
 Сучинилася бѣда:
 Загорѣлась слобода;
 Собирались господа
 Изъ Петера города,
 Изъ гостиново ряда.
 Дивовались господа,
 Что не ясно горить,
 Что не вспыхиваетъ.
 Это что-это за мужъ!
 Какъ своей жены не бьетъ,
 Мужъ потачку дасть.

1292 (16)*).

Край дорожки,
 Край широкия, пути Московской,
 Тутъ стояла зелена элинка,
 Не тонкая, собой ровная.
 Что на той-ли было на элинкѣ,
 На самой было на вершинкѣ
 Тутъ сидѣла молода пташа,
 Горе горькая бѣдна кокуша.
 Не кокуетъ, всё она горюетъ,
 Подъ элинушку часто взираетъ;
 Подъ элинушкой лежитъ молодчикъ,
 Не убить онъ лежалъ, не застрѣлянь,
 Острымъ коньцемъ онъ весь исколотъ.
 Какъ на молодѣ была рубашка
 Тонка бѣлая была бумажна,
 Во крови-то лежитъ она кумашна.
 Ужъ какъ взмолился душенька молодчикъ:
 „Ужъ ты, мать-ты моя, зелена элинка,
 Опусты ты свое прутье-вѣтье
 Со вершиночки до самого корня,
 Ты покрой-ко мое тѣло бѣло,
 Тѣло бѣлое покрой молодецко,
 Молодецкое покрой безотецко,
 Чтобы дожжичкомъ тѣло не мочило,
 Чтобы солнышкомъ тѣло не сушило,
 Чтобы звѣри-то тѣло не терзали,
 Чтобы птицы-то тѣло не клевали“.

*) Ср. выше пѣсню 1263.—Ред.

1293 (17).

Ужъ ты гдѣ же, воронъ, былъ?
 Гдѣ, черный, полетывалъ?
 Ужъ ты что же, воронъ, видѣлъ?
 Что, черный, повидывалъ?
 — Ужъ я былъ-то побывалъ,
 Былъ во дикихъ во стенахъ,
 Ужъ я видѣлъ-то, видѣлъ
 Чудо чудное,
 Чудо чудное видѣлъ:
 Лежить тѣло мертвое,
 Тѣло мертвое лежить,
 Тѣло молодецкое;
 Что никто-то къ тому тѣлу,
 Тѣлу не пристунится.
 Прилетѣли къ тому тѣлу
 Три пташицы:
 Ужъ какъ перва пташа сѣла
 Ему на буйну голову,
 А другая-то пташа сѣла
 Ему на бѣлую грудь;
 Ужъ какъ третья пташа сѣла
 Ему на рѣзвы ноги;
 Ужъ какъ перва-то пташа плачетъ,
 Плачетъ, какъ рѣка течетъ;
 А вторая-то пташа плачетъ,
 Плачетъ, какъ ручьи текутъ;
 Ужъ какъ третья-то пташа плачетъ,
 Плачетъ, какъ роса падетъ.
 Ужъ перва-то пташа
 Была ему родна матушка;
 А вторая-то пташа
 Была ему родна сестрица;
 Ужъ какъ третья-то пташа
 Была его молода жена;
 Родна мать-то его плачетъ,
 Плачетъ до гробныхъ досокъ;
 Родна сестрица плачетъ,
 Плачетъ до замужества;
 А молода-то жена плачетъ,
 Плачетъ до ина мужа.

1294 (18).

Соловей, ты соловей,
 Чернобровой молодой!
 Не летай далеко,
 Далеко и высоко
 По широкимъ по полямъ,
 По зеленымъ луговьямъ,
 По ракиновымъ кустамъ.
 Кабы кустичекъ не милъ,
 Соловей гнѣзда бъ не вилъ,
 Малыхъ дѣтокъ не водилъ;

Кабы дѣвка не любя,
 Полюбилъ-бы я тебя,
 Цѣловалъ-бы, миловалъ,
 Ко сердечку прижималъ,
 Колечушкомъ даровалъ.
 Золотое-то колечко
 Изсушило все сердечко.
 Серебряный перстенецъ
 Изсушилъ меня, дружокъ.
 У дѣвки у красотки
 Три завѣточки милыхъ,
 Есть три ленты шелковыхъ:
 Перва лента алая,—
 Есть печаль не малая;
 А другая голуба,—
 Прошла славушка худа;
 Третья лента со кистями,—
 Ъдетъ милой со вѣстями
 Съ чужой дальней стороны,
 Изъ Питера, изъ Москвы.
 Не боюсь большихъ судей,
 Боюсь безсовѣстныхъ людей,
 Всѣ люди кудесять, да мутятъ,
 Разлучить съ милымъ хотятъ.

1295 (19).

День маленекъ, да коротенецъ;
 Прохождай, денекъ, скорѣе,
 Наступай, ночка, темная,
 Да темная осенняя!
 Радость дѣвушка милая!
 Обжидай дружка миловое,
 Иванушка молодое.
 Идетъ Ванюша горою,
 Разудаленькой—крутою,
 Несетъ гусли подъ рукою,
 Звончатія подъ правую.
 Ваня въ гусельцы играетъ,
 Красныхъ дѣвушекъ потѣшаетъ.
 Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
 Не рони слезъ понапрасну:
 Слезы ронишь, лице мочишь,
 Назадъ дружка не воротишь;
 Хоть воротишь, да не на долго,
 Не на долго, на годочикъ,
 Не на годочикъ, да на денечикъ,
 Столько времечка, на часочикъ;
 Того скорѣе во дорожку,
 Не во дальнюю, да во Московску.
 Гуси, лебеди летѣли,
 На синее море сѣли,
 А присѣли да поплыли,
 Сине море сомutilи,
 Бѣлу рыбицу сбудили;

Бѣла рыбица пужлива,
Красна дѣвица шутлива:
Съ парнемъ шуточку шутила,
Парню на ногу ступила,
Съ парня приниковъ просила.

1296 (20).

На горюшкѣ хмѣлянущка,
Она вьется, вьется, встрепеснется:
Послушай-ко, моя хорошая,
Что я тебя люблю.
Я до тѣхъ поръ любить стану, (2)
Покуль не отстану. (2)
Про насъ люди судятъ;
Пускай судятъ, пускай рядятъ,
Что я тебя люблю. (2).

1297 (21).

Горемычная кукушка
По зорѣ-то рано летала,
Все летала, горевала,
Дружка милаго искала:
Нашла дружка не на долго,
Не на долго, на денёчикъ,
Поры времечка, на часочикъ.
Ахъ, ты садъ ли мой, садочикъ,
Садъ зеленый, съ виноградомъ!
Во саду-то дѣвка гуляла,
Съ ногъ башмачки истоптала,
Съ головы платокъ теряла:
„Мнѣ не жаль плата алѡва,
Только жаль дружка милѡва!
Пойду съ горюшка на рѣчку,
Погляжу я вдоль по быстрой:
Не плыветъ ли съ верху лодка?“
Плыветъ лодочка, чернѣетъ,
На ней парусы бѣляють;
Плыветъ лодка не простая,
Не простая: со купцами,
Со купцами, со гребцами.

1298 (22).

Пойду я, во полѣ погуляю,
Бѣлую березу заломаю;
(Припѣвъ). Юрь, юрь даны
Во карманѣ,
Снѣги бѣлы горностали,
Вотъ подъячи голоштаны;
Наши рданы
Стали пьяны.
Дѣвки, пой-пой,
Бабы, вой-вой.

Скарта, ну, ну!
Вырѣжу я три пруточка,
Сдѣлаю я два гудочка,
Третью балалаечку.
(Припѣвъ) Юрь, юрь даны и проч.
Вы, гудни, не гудите,
Старога мужа не будите:
(Припѣвъ) Юрь, юрь даны и проч.
Старъ мужъ спать съ похмѣльемъ,
Со великаго черепоя.
(Припѣвъ) Юрь, юрь даны и проч.
Стань, мой мужъ, пробудися,
Вотъ тебѣ помон—умойся,
Вотъ тебѣ онуча—утрися,
(Припѣвъ) Юрь, юрь даны и проч.
Вотъ тебѣ лопата—помолися,
Вотъ тебѣ камень—подавися!
(Припѣвъ) Юрь, юрь даны

Во карманѣ
Снѣги бѣлы горностали,
Вотъ подъячи голоштаны;
Наши рданы
Стали пьяны.
Дѣвки, пой-пой,
Бабы, вой-вой,
Скарта, ну, ну!

1299 (23).

Холостой-ли голубочикъ
На бесѣды ходилъ сидѣть;
Онъ садится прямо дѣвки
На дубовую скамейку.
Онъ пошутить, поиграетъ,
Шутя дѣвку поцѣлуетъ.
Онъ придетъ домой, спать ляжетъ,
Своей матушкѣ расскажетъ.
А женатый, воръ проклятый,
На бесѣды сидѣть ходитъ,
Онъ садится противъ дѣвки,
На дубовую скамейку;
Съ дѣвкой шутить и играетъ,
Въ шуткахъ дѣвку поцѣлуетъ;
Онъ домой придетъ, спать ляжетъ,
Молодой женѣ не скажетъ.
У него жена Агафья,
Съ кѣмъ сойдется, съ тѣмъ соймется,
Съ кѣмъ увидится, бранится,
Передъ дѣвушкой корится.

1300 (24).

Понавадилась Дуняша
На ключъ по воду ходить
Съ ведрами, съ ушатами,

Съ кленовыми шайками.
 „Пойду, пойду на горѹ,
 Ведры брошу подь горѹ,
 Сама сяду на траву;
 Раскинуся яблоньей,
 Яблоньей кудрявою,
 Грушицей зеленою.
 Напишу я грамотку,
 По бѣлому бархатѹ,
 Въ Ярославль ко матушкѣ:
 „Ужъ ты, матушка родна,
 Позволь дочкѣ погулять!“
 — Ты гуляй, дочка родна,
 Покуль волюшка дана,
 Не покрыта голова:
 Какъ надѣнуть очинѣкъ,
 И съ гулянкою протись!

1301 (25).

Ты полынѹшка, полынка,
 Полынь, травка горькаа!
 Не я травку сѣяла,
 Что не я тебя сажала,
 Не сама-ли ты, злодѣйка.
 Травка уродилася,
 По зеленому лужечку
 Травка расселилася:
 Заняла-ли ты, злодѣйка,
 Въ лугу себѣ мѣстечко,
 Въ лугу мѣстечко прекрасное,
 Мѣсто хлѣбородное.
 Что на томъ-ли на мѣстечкѣ
 Зеленъ садъ стоитъ,
 Во саду цвѣтутъ цвѣточки,
 Виноградъ растеть.
 По утру рано до солнышка
 Въ зеленъ садъ пойду,
 Посмотрю, пришелъ-ли миленькой
 Въ зеленъ садъ гулять?
 Обманулъ меня дружокъ мой,
 Въ садикъ не бывалъ!
 Я домой пошла поздно вечеромъ,
 Слезно плакала.

1302 (26).

Я вечеръ своего милого
 Унимала ночевать:
 „Ты ночуй, ночуй, любезный,
 Ночуй ночку у меня!“
 — Я бы радъ-бы ночевать,
 Боюся, до свѣту проснѹ!—
 „Ты не бойся, другъ любезный,
 Я пораньше разбужу,

Я пораньше разбужу тебя
 И далеко провожу.“
 Я до тѣхъ мѣсть провожала,
 Гдѣ кончалася наша любовь.
 Гдѣ я съ милымъ разставалася,
 Со слезъ рѣчка протекла,
 Со слезъ рѣченъка Казанка,
 Не широка, глубока;
 Не широка, а глубока,
 Перевозовъ на ней нѣтъ.

1303 (27).

Ходилъ, гулялъ Ванюша по базару,
 Спрашивалъ товару;
 Не нашель-то ли Ванюша товару
 По всему базару.
 Какъ пошелъ-ли нашъ Ванюша въ городчикъ,
 Въ желѣзный рядчикъ:
 Что купилъ себѣ Ванюша товару—
 Купилъ рѣзку косу;
 Всадилъ Ванюша рѣзку косу
 На дубово косьё;
 Что пошелъ-ли Ванюша по подлѣсью
 Искать сѣнокосу.
 Не нашель ли нашъ Ванюша сѣнокосу,
 На вострую косу;
 Что чужую травку Ваня косить,
 Своя сохнетъ, вянетъ;
 Что чужое сѣно Ваня грабитъ,
 Свое дождикъ мочить;
 Что чужую пашню Ваня нашетъ,
 Своя заустѣла;
 Что чужую кровлю Ваня кроетъ,
 Своя протекаетъ:
 Что чужую жонку Ваня любитъ,
 Своя слезно плачетъ.

1304 (28).

Веселитесь вы, подружки, къ намъ весна
 скоро придетъ!
 Весна придетъ, солнце взойдетъ, стонитъ
 снѣжки, весь морозъ!
 Раствѣтутъ въ полѣ цвѣточки, всѣ раки-
 товы кусты.
 Между этихъ двухъ кусточковъ течетъ рѣ-
 чущка быстра,
 Рѣчка быстра, вода чиста, бережки у ней
 круты.
 Я на эту быстру рѣчку гулять съ милымъ
 выхожу;
 Съ милымъ гулять выходила, тоску горе
 выносила,

Быстрой рѣчкѣ говорила: „Возьми горюшко
мое съ собой,
Унеси ты мое горе, чтобъ ни чûtъ было
нигдѣ!“
На водѣ горе не тонетъ, водой горе не
несетъ;
Приплываетъ мое горе ко крутому бе-
режку,
Ко крутому бережку, ко желтому ко песку.

1305 (29).

Не Дунай-то рѣчушка проходить:
Что проходятъ все солдаты молодые.
До селеньица солдатушки доходятъ:
„Пусти, вдовка, вдовка, ночевати,
Ночевати да постояти!“
Выходила вдовка на крылечко,
Говорила имъ такія рѣчи:
— У насъ дворикъ, дворикъ не стоялый,
У насъ горенка больно маленька.—
Отвѣтъ держить, держить большій изъ
солдатовъ:

„Ужъ насъ молодецъ не много,
Полтораства только иъшеходовъ,
Полтретьяства все сидятъ на коняхъ,
Все на сѣрыхъ коняхъ, все во сѣдлахъ,
Во стремянахъ, наголо казаки!“
Они силой во дворъ ворвались,
Всѣ садились гости попорядку;
Большой гость сажился подъ окошко,
Самъ онъ локотъ кладесть на окошко.
Вдовушка стоитъ у печки,
Бѣлы ручки держать у сердечка.
Какъ большой гость слово молвить:
„Ты давно ли, вдовушка, вдовѣешь,
Ты давно-ли, вдовка, сиротаешь?“
—Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротаю съ годомъ двадцать.—
„Подойди-ко ты, вдовушка, поближе,
Поклонись, вдовушка, пониже!
Ты сойми-ко съ меня черный киверъ;
Какъ во этомъ черномъ киверѣ,
Лежитъ бѣлый съ мушками платочикъ;
Во платочкѣ златой перстенечикъ:
Ужъ какъ съ этимъ златымъ перстнемъ
Мы стояли передъ святымъ престоломъ,
Законъ Божій вмѣстѣ принимали,
Этимъ златымъ перстнемъ обрुчались!“

1306 (30).

Подъ горкою, подъ горой,
Подъ рощицей зеленой, зеленой, зеленой
То ли сѣ ли,

Скоро что ли?
Говори, что зеленой!
Пахаль парень уголокъ
Во дальнюю далину, далину, далину.
То ли сѣ ли,
Скоро что ли?
Говори, что далину!
Посѣяли дѣвки ленъ
Надъ мельницей въ навину, въ навину, въ
навину.

То ли, сѣ ли,
Скоро что ли?*)
Говори, что въ навинѣ!
Посѣявши, положи,
Бѣлы руки кололи...
Повадилса въ этотъ лѣнь
Молоденькой паренѣкъ,...
Васильюшко щеголѣкъ,
Лѣнь прирвалъ, весь притопталъ,...
Въ Дунай рѣку побросалъ.
Дунай рѣка! не прймай,...
Ко бережку прибывай,
Ко бережку, ко песку,...
Ко барскому ко двору!
На барскомъ-то на дворѣ,...
Разыгрался сивый конь:
Конь копытомъ землю бьетъ,...
Дробить землю до песку,
До сѣраго камешку,...
Во камешкѣ огня нѣтъ;
Въ своей женѣ правды нѣтъ,
Въ чужой женѣ правда вся:
Чужой женѣ платочикъ,
Своей женѣ тряпицу,
Чужой женѣ башмачки,
Своей женѣ лапотки, лапотки, лапотки!

То ли, сѣ ли,
Скоро что ли?
Говори, что лапотки?

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ
двухъ строкъ.

1307 (31).

Улетаетъ мой соколикъ, улетаетъ далеко:
Отъѣзжаетъ другъ любезный въ Питеръ,
дальній городокъ!
Я не мало слѣзъ точила объ голубчикѣ
своемъ,
Я не мало его просила: хотъ немножко по-
мані!
Не согласенъ моя радость, хочеть бросить,
(п)озабытъ.
Я въ тѣ поръ дружка забуду, когда скро-
ются глаза,

Какъ закроютъ очи ясны тонкимъ бѣлымъ
 полотномъ,
И завѣютъ очи ясны мелкимъ желтенькимъ
 пескомъ.
На свою я на могилку легкой птичкою
 прилечу,
И на эту на могилку тяжелъ камень по-
 ложу;
Я на камушкѣ срисую, на бумажкѣ на-
 пишу,
На бумажкѣ не простой, на гербовомъ на
 листу:
„Вы подруженьки голубки, не любите ни-
 кого!“

1308 (32).

По ельничку, по березничку
Тут ходилъ, гулялъ воронный конь;
Трои сутки не поеный былъ,
Недбляшку не корменый жаль,
Черкасское сѣдло на бокъ сбиль,
Золотую узду въ куски прирвалъ,
Шелковой поводокъ въ грязи стоцать.
Не въ Москвѣ было, не въ Питерѣ,—
Во Анхангельской было во губерніи,
На большой-то было на дорожкѣ,
У купца было богатаго,
У крестьянина хорошаго
Солучилося несчастьицо,
Несчастьицо, безвременьицо:
Какъ жена мужа зарѣзала
Не простымъ ножемъ, булавчатымъ,
На ножикѣ сердце выняла,
На ножикѣ втреснулося,
Молода жена усмѣхнулася,
Послѣ этого ужаснулася:
„Что же это я, шельма, сдѣлала?
Своего мужа зарѣзала,
Милаго дружка спотѣшила!“

1309 (33).

За рѣчушкой за быстрою
Слободка стоитъ,
Не большая слободушка—
Четыре двора;
Во каждомъ во дворикѣ
Четыре окна;
Во тѣхъ же окошечкахъ—
Четыре кумы.
„Вы кумушки, голубушки,
Подружки мой!
Кумитесь, любитеся,
Любите меня!

Вы пойдете во зеленый садъ,
Возьмите меня;
Вы станете цвѣты срывать,
Сорвите и мнѣ;
Вы станете вѣнки свивать,
Совейте и мнѣ;
Вы пойдете на Дунай-рѣку,
Возьмите меня;
Вы станете на дубовый плоть,
Пустите меня;
Вы станете вѣнки спущать,
Спустите и мой“.

Какъ всѣ вѣнки поверхъ воды,
Какъ мой потонулъ:
Какъ всѣ дружки съ Москвы пришли,
Какъ мой не бывалъ.

1310 (34).

Хмблюшко по выходу гуляетъ,
Самъ себя хмбль ярый восхваляетъ:
„Ужь и нѣтъ меня, хмблюшки, краше,
Ужь и нѣтъ меня, хмбля, посмбляе!
Всякъ меня, хмблюшку, знаетъ,
Всякъ меня, хмбля, почитаетъ.
Только золь до меня мужикъ садовникъ,
Только золь ко меня косолапый:
Онъ почасту во садичкѣ гуляетъ,
Онъ глубокія борозды копаетъ,
Противъ сердца тычину втыкаетъ;
Ужь я тутъ-то, хмбль, догадался,
На тычинушку на самый верхъ поднялся;
Я отостилъ бблояровую шишку;
Стали меня, хмблюшка, щипати,
По торгамъ и по базарамъ развозити;
Ужь и стали меня, хмблюшку, кунити,
Ужь и стали въ сладкомъ суслицѣ тонити;
Тутъ-то я, хмбль, возьярился!
Я въ того же человѣка поселился,
Отплатить ему обиду подѣла:
Пойду, выведу его на ѳлку,
Я о тынъ головой его стегну-же,
О чернцю грязь бороною!“

1311 (35)*).

Улица ты наша широкая,
Трава мурава шелковая!
Ужь ты чѣмъ, улка, изукрашена?
— Все гудками и волюнками,
Веселыма скоморохами,
Удалыма, добрыми молодцами,
Душима красными дѣвцами,
Молодыми молодцами.
Неведичка плтичка пташица.

Съ моря на море птица перелетывала,
 Всѣ моря-то птица словѣдала;
 Садилася да птица иташица
 Середь-то моря, моря на камешокъ,
 Середь синяго сѣла на бѣленькой,
 Учала птичка слушати,
 Что не кичеть ли лебедь бѣлая,
 Не рыдаетъ ли красна дѣвица?
 Кичеть, кичеть лебедь бѣлая,
 Плачетъ, плачетъ красна дѣвица
 На восходѣ ясной зорюшки;
 Плачетъ, плачетъ красна дѣвица:
 „Не отдай меня, мати, старому,
 Ужъ и старый мужъ погубитель мой,
 Погубилъ мою буйну голову,
 Спорудилъ онъ дѣвью красоту,
 Все дѣвичье да украшеньице“.

*) Луговая.

1312 (36).

Разворчалась злая мачиха
 На своихъ на бѣдныхъ насынковъ,
 На меня на красну дѣвицу;
 Посылала меня мачиха
 Во сырой боръ по ягоды:
 Красну ягоду малинушку
 Днемъ брала при ясномъ солнцѣ,
 Вечеру брала при мѣсяцѣ
 Черну ягоду смородину;
 Ничего я не боялася,
 Ничего не опасалася:
 Ни волковъ, ни злыхъ разбойниковъ,
 Ни ночныхъ подорожниковъ.
 Ужъ я только боялася
 Лошадиного попрыща,
 Молодецкаго посвиста.
 Молодецъ идетъ, посвистываетъ:
 Мнѣ куда будетъ дѣваться?
 „Здравствуй, душа красна дѣвица!“
 — Ты здравствуй, добрый молодецъ!—
 „Ахъ ты, душа, красна дѣвица!
 Отдавала тебя мачиха
 На чужу, дальну сторону!
 Какъ на нашей-то сторонѣ
 Три горы есть, три крутыя;
 На горахъ-то три церкви стоятъ,
 Подъ горой-то три рѣчки бѣжить.
 Какъ на вашей-то сторонѣ
 Три горы есть каменистыя;
 На горахъ-то три тюрьмы стоятъ,
 Во тюрьмахъ-то тюремщики,
 Что ночные подорожники!
 Мы поѣдемъ, красна дѣвица,

Въ мою сторону богатую!“
 — Я не слушаю рѣчей твоихъ:
 Здѣсь привыкла съ малыхъ лѣтъ я жить.

1313 (37).

Походите-ко, дѣвушки,
 Покрасуйтесь, голубушки,
 Покулъ воля-то батюшкова,
 Покулъ нѣга-то матушкина;
 Не ровно замужъ выйдется,
 Не ровень чертъ навѣрнется:
 Либо старое одушливое,
 Либо малое не сдружливое,
 Либо ровня спесивая:
 Поперекъ онъ постели лежить,
 Все въ супорѣ со мной говорить,
 Разувать, раздѣвать онъ велить,
 Часты пуговки разстегивати,
 Кушачекъ распоясывати.
 — У тебя ножки грязныя,
 У меня ручки бѣлыя:
 Бѣлы рученьки мараются,
 Злачены перстни ломаются.—
 Я пойду молода въ торгъ торговать,
 По обычаю товары закупать:
 Еще что въ торгѣ поглянется.
 Заглянулся въ торгѣ камешокъ,
 Я за камешокъ три денежки дала,
 За цѣпочку алтынъ придала:
 Навяжу старому на воротъ,
 Опущу стараго на воду:
 Каково старый плаваетъ?
 То рука, то нога вверху,
 Вотъ буйна голова ко дну:
 Ужъ какъ старый мужъ взмолился мнѣ:
 „Ты, душа моя, жонушка!
 Перейми-ко меня стараго,
 Ужъ я буду на тебя работать,
 По три утра толчи да молоть,
 По четверто не завтракать,
 По пяти дней не обѣдывать“.

1314 (1 *).

Наша улица широкая, (до двухъ разъ)
 Трава мурава зеленая! (2)
 Еще чѣмъ улка изукрашена? (2)
 — Изукрашена наша улица (2)
 Все гудками и гудочками, (2)
 Молодцами, молодцами, (2)
 Еще красными дѣвцами. (2)
 Невеличка птичка (п)ташица (2)
 Съ море на морѣ перелетываетъ, (2)
 Съ куста на кустъ перепархиваетъ; (2)

Садилась птичка (п)ташича (2)
 Съ молодыми молодичами, (2)
 Съ красными душами дѣвицами. (2)

Ср. выше пѣсню 1311. — *Ред.*

1315 (2).

Я во садъ пошла, во зелень пошла,
 Ой калина, ой малина!
 Пошла луку полоть, зеленого полоть.
 Ой калина, ой малина!
 Я полю, полю лучёкъ, перепалываю,
 Ой калина, ой малина!
 Съ руки на руку лучёкъ перекладываю.
 Ой калина, ой малина!
 Еще что про меня да въ тыну говорить,
 Ой калина, ой малина!
 Что въ тыну говорить, все бѣду ворожать,
 Ой калина, ой малина!
 Что бѣду ворожать, бѣду материну.
 Ой калина, ой малина!
 Еще кличутъ деверья невѣстку домой:
 Ой калина, ой малина!
 „Ты подь, подь, невѣстка голубка, домой:
 Ой калина, ой малина!
 Валился твой свѣкоръ со новыхъ сѣней“.
 Ой калина, ой малина!
 Кабы знала про то, знала вѣдала про сѣ,
 Ой калина, ой малина!
 Я построила сѣни повыше того,
 Ой калина, ой малина!
 Что повыше того сѣни эдакіе.
 Ой калина, ой малина!

1316 (3)*.

Походите-ко, дѣвушки, эхи,
 Погуляйте, голубушки, эхи,
 Покуль воля-то батюшкова, эхи,
 Покуль нѣга-то матушкина; эхи,
 Не равно въ замужъ выйдется, эхи,
 Не равень чѣртъ достанется, эхи,
 Либо старое не дружливое, эхи.
 Либо млада спесивое: эхи,
 Въ поперекъ онъ постели лежить, эхи,
 Онъ съ тобою въ супоръ говорить, эхи,
 Раздѣвать, разувати велить, эхи,
 Часты цуговицы растегивати. эхи,
 „Ахъ жена, женушка моя, эхи,
 Ты сизая голубка моя, эхи,
 Ужъ я радъ работать на тебя, эхи,
 По три утра толчи и молоть, эхи,
 По четвертый не завтракати“. эхи,
 Я пойду млада на гору, эхи,
 Куплю млада камешокъ, эхи,

Навяжу стару на воротъ. эхи,
 Я за камешокъ три денешки дала, эхи,
 За пѣпочку цѣлой алтынъ, эхи,
 Зайду млада на гору, эхи
 Посмотрю млада на воду, эхи,
 Каково старый плаваетъ! эхи.

*) Ср. выше пѣсню 1313. — *Ред.*

1317 (4).

Пошла молода, пошла зелена
 Въ зелень садичекъ гулять. (2)
 Сорву, молода, сорву зелена
 Съ винограду ягоды. (2)
 Меня брало, разбирало
 Съ виноградной ягоды; (2)
 Кинуся, брошуся (2)
 Ко батюшку на ручки,
 Ко матушкѣ на бѣлы.
 Тутъ мнѣ не спится,
 Тутъ не ложится.
 Пошла молода, пошла зелена
 Въ зелень садичекъ гулять. (2)
 Сорву молода, сорву зелена
 Съ винограду ягоду. (2)
 Меня брало, разбирало (2)
 Съ виноградной ягоды; (2)
 Кинуся, брошуся (2)
 Ко милому на ручки,
 Къ сердечному на бѣлы.
 Тутъ мнѣ спится,
 Тутъ мнѣ ложится
 У милаго на ручкахъ,
 У сердечнаго на бѣлыхъ.

1318 (5).

Съ по Дунаю 2, съ по Дунаю, съ кѣмъ гуляю? 2.
 Зайду въ тихую бисѣду 2, во бисѣду, 2.
 Во бисидѣ сидитъ старой 2, сидитъ старой, 2.
 Сидитъ старой не удалой 2, не удалой, 2.
 На колѣняхъ держитъ гусли, 2 держитъ
 гусли, 2.
 Держитъ гусли дощанные; 2, дощанные 2
 Съ по гуслямъ-то лежатъ струны, 2 лежатъ
 струны, 2
 Лежатъ струны возжанные 2, возжанные. 2.
 Старой въ гусли заиграетъ 2, заиграетъ, 2.
 Мое сердце замираетъ 2, замираетъ, 2
 Головушка съ плечъ катится 2, съ плечъ ка-
 тится, 2
 Рѣзвы ножки подломились, 2 подломились, 2.
 Бѣлы ручки опустили, 2 опустили. 2
 Развѣ пойду съ по Дунаю 2, съ по Дунаю, 2
 Зайду въ тихую бисѣду 2, во бисѣду, 2.

Всѣ насмѣшки ворочу.
 Ужъ какъ первая насмѣшка:
 При компаніи пристыжу.
 Какъ вторая-то насмѣшка:
 За ти замужъ не пойду.
 А какъ третья-та насмѣшка:
 Я инова полюблю.

1323 (10).

Нельзя, невозможно безъ печали жить:
 Любить дружка можно, нельзя не тужить. 2
 Мой миленькой ласковъ, самъ сердцемъ го-
 рячь; 2
 Со етаго горя пойду въ темный лѣсъ, 2
 Въ лѣсахъ пользы нѣту—всѣ древа шумятъ. 2
 Подсушевно древо печально стоитъ; 2
 На этомъ на древѣ пташечки сидятъ, 2
 Сидятъ мелки ташки, жалобно поютъ, 2
 Намъ съ тобою, миленькой, разлуку даютъ. 2
 Ходилъ, гулялъ молодецъ въ темныхъ во лѣ-
 сахъ, 2
 Искать, искать молодецъ тихихъ заводовъ, 2
 Не тихихъ заводовъ, а бѣлыхъ лебедей, 2
 Не бѣлыхъ лебедушекъ, сѣрый утицей, 2
 Не сѣрыхъ [утицей] то утиць, а красныхъ
 дѣвушекъ. 2
 На что, по что, миленькой, хочешь подстрѣ-
 лять? 2
 — За то подстрѣляти, не хочу любить, 2
 Далеко въ гости ходить.

1324 (11).

Съ по лугу, лугу разливалась вода,
 Съ по зелену быстра струечка течетъ;
 Съ по этой по струечкѣ бѣла лебедь пловеть,
 Шелкомъ коса переплетаная,
 Золотомъ коса переиваная.
 Взаутро у батюшки пиръ, таки пиръ; 2.
 Мнѣ, молодѣ, не бывать во пиру, 2.
 Пива и вина мнѣ не пить будетъ, 2.
 Сладково меду мнѣ не кушивати. 2.
 Съ по лугу, лугу разливалась вода, 2.
 Съ по зеленому быстра струечка течетъ; 2.
 Съ по этой по струечкѣ бѣла лебедь пловеть, 2.
 Шелкомъ коса переплетаная,
 Золотомъ коса переиваная.
 Взаутро у матушки пиръ, таки пиръ; 2.
 Мнѣ, молодѣ, не бывать во пиру, 2.
 Пива и вина мнѣ не пить будетъ, 2.
 Сладково меду мнѣ не кушивати. 2.
 Съ по лугу, лугу разливалась вода, 2.
 Съ по зеленому быстра струечка течетъ; 2.
 Съ по этой по струечкѣ бѣла лебедь пловеть, 2.

Шелкомъ коса переплетаная,
 Золотомъ коса переиваная.
 Взаутро у милого пиръ, таки пиръ; 2.
 Мнѣ, молодѣ, таки быть во пиру, 2.
 Пиво и вино мнѣ-ка пить будетъ, 2.
 Сладково меду по три лошки вдругъ.

1325 (12).

Всѣ гулянья миновались,
 Нѣтъ отрады съ милымъ ни на часъ.
 Вышелъ миленькой дружекъ изъ глазъ;
 Я который день дружка не вижу,
 Мѣшаюся я глупая въ умѣ,
 На тѣхъ мысляхъ спать ложуся,
 Проснулася въ горѣ и тоскѣ.
 Пойду съ горяшка въ долину,
 Сама сяду въ ручеекъ.
 Я сама ли себѣ дивлюся,
 Куда бѣгу скоро, тороплюся.
 Пресчастливей Машинъ выхоть:
 Милъ стоитъ передо мной,
 Разговаривать со мной:
 Вспомни, вздумай ты, любезной,
 Какъ во первой разъ ко мнѣ пришоль:
 Милой клялся и божился,
 Хотѣлъ вѣчно съ Машой жить.
 Теперечи миленькой оставляетъ
 На проклятой здѣшней сторонѣ.
 Распроклятая здѣшняя сторонка,
 Ненавистливый нынѣшній народъ!

1326 (13).

Воспой, воспой, жаравленочекъ, на крутой
 горѣ,
 На крутой горѣ, край быстрой рѣки.
 Звесели добраго молодца, звесели да во не-
 волюшкѣ,
 Въ земляной тюрьмѣ, да въ темной темницѣ.
 Я не годъ сидѣлъ, да ровно два года,
 На третій годокъ сталъ письмо писать;
 Написалъ письмо да въ свою сторону,
 Къ отцу, къ матери:
 „Отецъ, матушка, выкупай сына изъ нево-
 Изъ неволюшки да изъ великіе“. [люшки,
 Отецъ, матушка да отказалися:
 — У насъ въ роду да воровъ не было,
 И теперичи да воровъ не по што.—
 Онъ еще сидѣлъ да ровно три года.
 На четвертой годъ сталъ письмо писать
 Въ свою сторону, да въ большу слободу,
 Ко сусѣдушку да во бесѣдушку,
 Къ красной дѣвушкѣ, да къ преж-
 6 кѣ:

„Прежня любушка, выкунай дружка,
Да изъ неволюшки изъ великіе.
Если выкупишь, я замужъ возьму,
А не выкупишь, да я ножемъ сколю,
Вострой саблей всё булатнею.
Какъ у меня сердце все татарское,
Житье барское, слуги вѣрные“.

1327 (14).

По дороженькѣ по широкой
Туда шли прошли три полка солдатъ,
Все молоденьки, да безбороденьки,
Малолѣтныя, да подобретые.
Напередъ идуть, въ барабаны бьютъ,
За има идуть, да знамена несутъ,
Назадъ идуть, да ружья свѣтлѣютъ,
Замки крѣпко бьютъ.
Ружья сбрыкали, солдаты сплакали:
Они во походъ пошли да во дороженьку,
Ахти мнѣ, братцы, да на сраженьицѣ,
Все на лютое да кроволитицѣ!
Собиралися на зеленой лугъ
Да во единой кругъ,
Думушку думали заединую:
Еще гдѣ, братцы, да будетъ день дневать,
ночь коротати?
Мнѣ-ка день дневать да во темныхъ лѣсахъ,
Ночь коротати да во сырыхъ борахъ,
Да всё подсосенныхъ, всё подъ сосенкой,
Да подъ жаровою,
Подъ зеленою, подъ кудрявою.
Мать сыра земля—наша постелька,
Зло кореньячо—да наше сголовьичо,
Всё буйны вѣтры—да одѣялышко,
Частой мелкой дождь—да умывальница,
А шелкова трава—да утиральница,
Съ красной дѣвушкой да раставаньиче.

1328 (15).

Ты залетна птичка-ташка,
Вездѣ ты можешь летать!
Полетай-ко, сизенкой залетной,
Въ славной городъ Петербургъ,
Отыщи ты дружка миловое,
Сядь поближе, сядь пониже,
Пологошенько проворкуй;
Ты скажи-тко дружкѣ милому
Отъ меня низкой поклонъ,
Во вторыхъ скажи дружечку:
Во несчастичѣ нахожусь,
Во такомъ большомъ несчастии:
Ладятъ замужъ отдавать.
Отдають меня младую
На чужую дальнюю сторонку,
На чужую-то сторонку не за миловое дружка.
Я зимой-то въ гостяхъ гостила,
Во бесѣдушкѣ съ милымъ сидѣла,
На миловое-то глядѣла:
Хорошъ милой уродился,
Онъ до дѣвушекъ былъ лѣстивъ,
Онъ до дѣвушки лѣстивой на колѣни поса-
Посадивши милой на колѣни, [диль,
Танцовать съ собой просиль.
Я немножко съ милымъ танцевала,
Милъ за ручку крѣпко жалъ,
Я руки не отнимала,
Появился въ лицѣ жаръ.
Мнѣ-ка миловое дружка жалъ.
Пойду, выйду млада на крылечко,
Простужу бѣло лицо,
Чтобы жаръ съ лица сошелъ.
Ко мнѣ миленькой пришелъ,
На часочекъ милой побывалъ,
Меня радость увидалъ *).

* При №№ 1314—1328 нѣтъ обозначенія уѣзда. — Ред.

II. Вологодской губерніи.

а) Вологодской губ. *)

1329 (1).

Ой да попила-то моя головушка,
Пила, погуляла 2.
Ой да изъ за батюшки, ой да изъ за матушки,
Буйной головою, 2.
Ой да изъ за бративка, да изъ за невѣстушки,
На легку работку; 2.

Ой да что на легоньку да на работушку
Въ зеленъ садъ гуляти, 2.
Ой да во зеленый садочикъ гуляти.
Яблочки щипати; 2.
Ой да яблочки-то тамъ пощипати,
Головку чесати; 2.
Ой да не гребешекъ чешетъ русы кудерцы,
Чешетъ гульба-нѣга. 2.
Ой да гульба-нѣга, мои русы кудри
Чешетъ красна дѣвка 2.

*) Болѣе точнаго приуроченія нѣтъ. — Ред.

1330 (2).

И ой да что болить-то, ой болить-то мое
сердечушко,

Ой да болить, болить ретивое;

Ой да что любилъ-то, любилъ мальчикъ дѣ-
Самъ спокаялся, [вуску,

И ой да испокаялся добрый молодецъ,

Ой да съ дѣвкой рѣчи говорилъ:

„Ой да скажи, дѣвка, скажи, красная,
Любишь али цѣтъ?“

Ой да я божилаь и ой да клялась:

— Ой да одного тебя люблю;

И ой да я любить-то, любить не люблю,

Только наглядѣться никакъ не могу,

И ой да наглядѣться, да насмотрѣться

Ой да на твое бѣлое лице;

Ой да что твое-то бѣлое лице,

Ой да равно бѣлинькой, бѣлинькой снѣ-

Ой да что твои-то щечки аленьки, [жокъ!

Ой да равно аленькой, аленькой цвѣ-
токъ!—

„Ой да ты гляди-то, смотри, любезная,

Ой да пока я у тебя въ глазахъ;

Ой да я изъ глазъ-то выйду, дѣвушка,

Ой да невидать тебя никогда,

Ой да не токма что тебя видѣти,

Да и голоска не услышати!

— Ой да безъ тебя, дружокъ милый мой,

Ой да во несчастіи я нахожусь,

И ой да во такомъ-то во несчастіицѣ,

Въ великой тоскѣ.

1331 (3).

Въ чистомъ полѣ при долинь

Луговинка зелена:

Что на этой луговинкѣ

Зелень садочикъ стоитъ,

Что во этомъ во садочкѣ

Рябинушка выросла;

И на той ли на рябинкѣ

Соловеюшко поеть.

Ты не пой-ка, соловейко,

Во зеленомъ во саду!

1332 (4).

Не товарищъ ли, дружочикъ мой милой,

Не съ одной ли ты сторонюшки со мной?

Не поведешь ли съ полѣтика домой,

Не снесешь ли моей лѣбушкѣ поклонъ?

Не ждала бь меня все лѣтнко домой

До самыя до холодныя зимы,

Какъ замерзнуть въ болоты и ручьи,

Остановятся озера и рѣки.

Выпадали бѣлы снѣжки глубоки,

Подували со востока вѣтерки,

Заносило въ дорожки и пути,

Что нельзя милому къ дѣвушкѣ итти;

По задворью-то дорожка не торна,

По подоконью дорожка широка.

Широка бойка, пробита до черна,

До того черна до желтаго песка.

Знаю, знаю, кто дорожку проторилъ:

Молодой мальчикъ ко дѣвушкѣ ходилъ;

Онъ не такъ ходилъ, гостинчики носилъ,

Безъ расчета онъ казной ее дарилъ,

Безъ размѣра сладкой водочкой поилъ.

1333 (5).

Соловейко маленькой,

Не пой громко во саду!

Скучно, грустно молодцу,

Самъ не знаю, почему.

Только знаю, что пою

Про любезную свою.

Любезная дѣвушка

Удалѣла отъ меня

За четыре ровно ста,

За двѣнадцать городовъ,

На семнадцать на годовъ.

Я не знаю, съ кѣмъ мнѣ вѣстку переслать:

Ужъ какъ старого нанять—

Старъ не дойдетъ да помреть,

А какъ малаго нанять—

Онъ не знаетъ, что сказать.

Ужъ мнѣ ровнюшку нанять,

Ровня знаетъ, что сказать,

Разумѣетъ говорить.

1334 (6).

Шель Ванюша долиной,

Шель вечернею зарей,

По утру росой.

Шла Машенька изъ садочка,

Несла въ ручкахъ два вьюночка,

Сама говорить:

„Ужъ ты пастухъ, пастушечникъ,

Пастухъ, миленькой дружечикъ,

Не вспокинь меня“.

Я туда-сюда бросался,

Со скотинкой управлялся.

Домой поспѣшалъ,

Своей женкѣ возъявлялъ:

„Ты, жена ль моя, жена,

Не жди почевать:

Меня звали, почитали

Во лужках гуляти,
Туда и пойду".
Выгоняй, пастухъ, скотину
На широкую долину,
Гдѣ Машинька ждетъ.
Моя Маша запронала,
За ракитовъ кустъ запала:
Пусть милой пройдетъ!
Не стерпѣло Маши сердце,
Звонкимъ голосомъ вскричала:
„Здѣсь я, милой!“
Мой миленькой взрадовался,
За бѣлы ручки хватался,
Началъ цѣловать;
Онъ цѣлуетъ и мидуетъ,
Бѣлой грудью нападаетъ.
Къ сердцу прижимаетъ:
„Ой Машинька чернوبرова;
Ты зачѣмъ любишь инова,
Меня покинувь?“

1335 (7).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садика зеленаго,
Ни пути гдѣ ни дороженьки.
Пролегала путь—дороженька,
Не пробойная дорожка, широка;
И никто по ней не хаживаль,
Никто слѣднику не кладываль.
И да шли прошли два полка солдатъ,
Новобранные солдаты, нонѣ набраны;
Нонѣ набраны солдаты, да вечеръ забриты;
Вечеръ забриты солдаты, да въ походъ по-
сланы
Не во дальнюю дорожку, въ каменну Москву.
Охотнички напередъ идуть,

Невольнички-то за ними бредуть;
Охотнички ко горѣ пришли,
Ко горѣ пришли, на гору взошли;
А невольнички подъ горой стоятъ;
Что охотнички пѣсенку черкнули,
Невольнички-то слезно всплакнули;
Вспомянули про свою сторонущку:
„Сторона ль наша, сторонущка,
Сторона ль наша гульливая,
Гульливая да походливая!
И поля-то у насъ, поля чистыя,
Поля чистыя да гористыя,
И гористыя, каменистыя.
И ой чѣмъ поля тѣ насѣяны?
Тоскою насѣяны, грустью огорожены.

1336 (8).

Вы молодчики, молоденьки дружки,
Ваши ласковы, пріятны слова
Безъ огня-то мое сердце разожгли
И безъ вѣтру мои мысли разнесли,
Разнесли мысли по чистымъ полямъ,
Что по чистымъ, по широкимъ по полямъ,
По зеленымъ, по красивымъ по дугамъ.
Ой да кто бы моему горюшку помогъ,
Со Москвы назадъ дружка мнѣ воротилъ?
Воротись-ка, разлюбезный мой, назадъ!
Съ того горя я пойду сидѣть одна;
Ужъ я сяду ль близъ стороннаго окна,
Нападу ль я бѣлой грудью на окно,
Погляжу ли въ чисто поле далеко:
Во чистомъ ли птички птишечки поютъ,
Моему сердцу назолущку даютъ... и пр.

Пѣсни 1329—1336, судя по помѣтѣ (карандашомъ) рукой П. В. К—аго, доставлены Н. С. Селивановскимъ; бумага оригинала съ 1833 года. —Ред.

6) Вологодскій уѣздъ.

1337 (1).

Мимо Дмитревскихъ воротъ
Шло полченье во походъ;
Во полченѣ молодежь—
Во всемъ свѣтѣ не найдешь.
„Хорошо солдату жить,
При полку ему служить:
Солдаты подати не платить,
И оброку не даетъ!“
— Охъ, вы, глупые крестьяне,
Деревенски мужики!
Вы бы сами побывали,

Обо всемъ нужду спознали.
Когда пошлуть—бѣги скоро,
Чтобы дѣло было споро.
Я не долго застоялся,
Съ красной дѣвкой заболтался;
Ранымъ рано по утру
Несутъ налокъ по пучку.
Выводили солдатущка,
Стали спрашивать:
„Гдѣ ты, гдѣ ты, солдатикъ, былъ?
Гдѣ ты ночку ночеваль?“
Приказали раздѣваться;
Сталь солдатикъ оправдаться.

Не успѣлъ онъ молвить рѣчи.
 Прохлестали спину, плечи.
 Ну, хоть спинушка избита,
 Да съ сударушкой пожито;
 Хотя бита она больно,
 Да погуляно довольно.
 Пойду, выпью я вина,
 Заживетъ моя спина;
 Вѣдь насъ пищей не морять,
 Одну кашицу варять;
 Не разсыпчатой крупой—
 Пахнеть кашаца водой.

1338 (2)*).

Мы изъ Питера выѣзжали,
 Москву—городъ проѣзжали;
 Мы стучались подъ окномъ,
 И просились ночевати:
 „Пусти, вдова, ночевати,
 Уже насъ гостей немного:
 Полтораста всѣ на коняхъ,
 Полтретьяста пѣшеходу“.
 Намъ вдовушка отказала,
 Ночевать насъ не пустила:
 „У меня дворъ не стоялой.“
 На то гости не взирали,
 Воротечка отломали;
 Силой гости ворвались,

Всѣ въ избушку вобрались,
 Всѣ сажлись по лавкамъ,
 А большой гость сѣлъ повыше,
 Что повыше, подъ окошко.
 А вдова стоитъ у печки,
 Поджавъ бѣлы свои ручки
 Ко ретивому сердечку.
 А большой-то гость говорить:
 „Ты давно ль, вдова, вдовѣешь?“
 — Я въ горести, сударь, не помню!—
 „Много ли, вдова, у тебя дѣтокъ?“
 — У меня дѣтей четверо!—
 „Ужъ какъ много-ль, вдова, хлѣба?“
 — У меня хлѣба одна осьмина!
 „Ужъ какъ много ли, вдова, денегъ?“
 — У меня денегъ одна полтина!—
 „Подойди, вдова, поближе,
 Поклонись, вдова, пониже,
 Ты подай мой киверочекъ;
 Въ киверочкѣ есть платочекъ,
 Во платочкѣ узелочекъ,
 Въ узелочкѣ перстенецъ:
 Не твое ли обручанье?“
 Тутъ вдовушка испугалась,
 И рѣзвы ноги подогнулись,
 Бѣлы руки опустялись.

*) Ср. выше, пѣсню 1305.—Ред.

III. Пермской губерніи *).

1339 *).

Изъ Питѣра выѣзжали,
 Москву-городъ проѣзжали,
 На заставахъ не держали;
 Въ чисто поле выѣзжали,
 Къ деревнѣ подѣзжали.
 Деревенька не величка, семи сажень.
 Въ крайнемъ домѣ колотились,
 У вдовы стоять просились:
 „Пусти, вдова, постояти
 На одну на темну ночку“.
 Тутъ вдовушка выходила,
 Окошечко отворяла,
 Офицеру отвѣчала:
 „У меня дворъ не стоялой,
 Не стоялой, не величекъ:
 Во длину-то девять сажень,
 Въ поперекъ-то три сажени“.

Офицерикъ отвѣчаетъ:
 — Ужъ и насъ гостей немного:
 Полтораста, всѣ на коняхъ,
 Полтретьяста пѣшеходу“.
 Намъ вдовушка отказала,
 Ночевать насъ не пустила;
 На то гости не взирали,
 Воротечка отломали,
 Силой гости ворвались,
 Всѣ въ избушку вобрались,
 Испосѣлись всѣ по лавкамъ,
 А большой гость подъ окошко,
 Правой локоть на окошко.
 А вдова стоитъ у печки,
 Поджавъ бѣлы свои ручки
 Ко ретивому сердечку.
 А большой-то гость говорить:
 „Ты давно-ли, вдова, вдовишь?“
 — Я въ горяхъ, сударь, не помню!—
 „Много ль, вдова, у ты дѣтокъ?“
 — У меня дѣтей четверо.—

*) Болѣе точнаго приуроченія нѣтъ.—Ред.

„Ужъ какъ много ль у тя хлѣба?“

— У меня хлѣба осмина.—

„Ужъ какъ много ль, вдова, денегъ?“

— У меня денегъ полтина.—

Тутъ взговорить большой гость:

„Отойди, вдова, отъ печки,

Отложи ручки отъ сердца,

Подойди-ка мнѣ поближе,

Поклонись-ка мнѣ пониже.

Ты подай мой киверочикъ,

Въ киверочѣ есть платочикъ,

Во платочкѣ перстенечикъ,

На твое ли обручанье?“

Тутъ вдовушка испугалась,

По сѣнникамъ заходила,

Рѣзвы ноги подогнулись,

Бѣлы руки опустились,

Малыхъ дѣточекъ будила:

„Вы вставайте мои дѣтки,

Мои дѣтки, малолѣтки!

Деять лѣтъ солнце не грѣло,

На десятый обогрѣло!“

*) Ср. пѣсни 1305, 1328.—Ред.

По позднѣйшей (карандашной) помѣтѣ, пѣсня записана въ Черныи Карнауховымъ (другія пять пѣсней изъ этой тетради—въ 10 и 8 вып. изд. Безсонова).—Ред.

IV. Олонецкой губернии.

... Безъ всякаго сомнѣнія Олонецкая губернія имѣетъ болѣе пѣсень, нежели сколько успѣлъ собрать ихъ г. Дашковъ въ своемъ „Описаніи“ *), тѣмъ болѣе, что онъ коснулся только одной стороны здѣшней народной поэзіи—свадебныхъ и хороводныхъ пѣсень. Нерѣдко случается слышать здѣсь унылыя и протяжныя пѣсни—не плясовые и не свадебныя—исполненныя глубокаго чувства и между тѣмъ имѣющія свой мѣстный характеръ.

Старинныя пѣсни, какъ и вездѣ, здѣсь поются рѣдко. Кромѣ того, передаваясь изъ устъ въ уста черезъ цѣлыя поколѣнія, онѣ во многихъ чертахъ утрачиваютъ прежній характеръ и часто обезображиваются невѣждами. Всего лучше записывать эти удѣлѣвшія отъ времени созданія со словъ посѣдѣвшихъ старцевъ поселанъ: они добросовѣстнѣе къ преданіямъ дѣдовъ своихъ, и память ихъ, привыкшая къ звукамъ, завѣщаннымъ отцами, не можетъ замѣнить одного даже слова какимъ-нибудь новымъ и часто вычурнымъ и безсмысленнымъ выраженіемъ.

Для примѣра предлагаю на первый разъ одну пѣсню, слышанную мною въ Пудожѣ отъ Кемской крестьянки и послѣ въ Петро-заводскѣ отъ корелки Повѣнецкаго уѣзда—Вотъ эта пѣсня слово въ слово:

1340.

Я сижу, сижу нодь окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку,

*) Имѣется въ виду трудъ В. А. Дашкова „Описание Олонецкой губ. въ историч., статистич. и этнографич. отношеніяхъ“ (Спб. 1842), въ частности стр. 168 и сл.—Ред.

По Дунай-рѣкѣ бѣжать два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.

— Вы куда, волки, призадумали?

Куда, сѣрые, призамыслили?

— Мы бѣжимъ, волки, ко Дунай-рѣкѣ,

Ко мосточику ко калинову,

Ко кусточику ко ракиотову:

Тамъ лежитъ убита твоя матушка,

Баска-хороша, свѣтъ Михайловна.

Рѣзвыми ножками ко Дунай-рѣкѣ,

Буйной головой во ракиотовъ кустъ.—

Пометалась княжія дочи

Ко батюшку въ новъ, высокъ теремъ:

— Ты скажи, скажи, сударь батюшка,

Ты куда дѣвалъ мою матушку,

Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?

— А ушла, ушла твоя матушка

Что ль во погребѣ глубокиѣ,

Да за двери за тяжелыя,

Разводить квасы медовые

И поить гостей не кормленыхъ.—

Пометалась княжія дочи,

Что ль во погребѣ глубокиѣ,

Да за двери за тяжелыя:

Тамъ стоятъ квасы не развожены,

Гости тамъ сидятъ не напоены.

Пометалась княжія дочи

Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:

— Ты скажи, скажи, сударь батюшка,

Ты куда дѣвалъ мою матушку,

Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?

— А ушла, ушла твоя матушка

Что ль во горницу во новую;

Она бѣлится, румянится,

Во цвѣтнѣ платье одѣвается.—

Пометалась княжія дочи

Что ль во горницу во новую:

Тамъ румянечка по стекляночкамъ,
Цвѣтно платице по грядочкамъ.
Пометалась княжія дочи
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
— Ты скажи, скажи, сударь батюшка,
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску-хорошу, свѣтъ Михайловну?
— Ты не плачь, не плачь, мое дитятко,
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
Я возьму тебѣ нову матушку...
— Ты сгори, сгори новъ высокъ теремъ,
Ты растай, растай, золотая цѣпь,
Ты умри, умри, нова матушка,
Ты возстань, возстань, стара матушка,
Баска-хороша, свѣтъ-Михайловна!

По всему эта пѣсня древняя; но занесена ли сюда, случайно съ береговъ Дона, или сложена здѣсь какимъ-нибудь поселенцемъ—неизвѣстно. Русскому чувству предоставляю опѣнить эту поэтическую привязанность дочери къ матери, особенно выразившуюся въ послѣднихъ пяти стихахъ, когда увѣщаніе отца:

„я куплю тебѣ нову матушку“, подкрѣпленное извѣстіемъ въ началѣ, будто бы отъ волковъ, разрѣшило роковую загадку. Не только по чувству, но и по изложенію здѣсь настоящая поэзія. Даже не легко вѣрить, чтобы эта пѣсня, со столь хорошо обработаннымъ драматическимъ содержаніемъ, вылилась изъ души человѣка, нисколько, можетъ быть, незнакомаго съ грамотою.

Подобныхъ поэтическихъ созданій можно найти въ Олонекскомъ краѣ довольно; только стоитъ прислушаться къ *старинамъ*, которые поютъ слѣпыя нищіе на ярмаркахъ, на сельскихъ праздникахъ, на ступеняхъ храмовъ. Пѣсня о *Лазарѣ убогомъ*, о *Святомъ Георгіи*—начинающаяся замѣчательными стихами. „Въ седьмой тысящи, уродился цариче кудрянище; онъ всѣхъ князей бояръ выжгаль, выпалилъ“—и др. подобныя достойны всего вниманія изслѣдователей Русской народности *).

*) Напечатано раньше въ „Сѣверн. Пчелѣ“ 1846 г., т. 20, № 137 изъ Олонек. Губ. Вѣд. 20 іюня № 137 того же (?) года.—Прим. П. В. К.—аго.

V. Новгородской губерніи.

а) Новгородской губ. *)

1341 (1).

Поѣхалъ мужикъ на дьяволь нахаты:
„Полно, дьяволь, изшляться надо мной,
Пора ѣхать съ пашеньки домой.
Тутъ у меня бѣдушка за бѣдой:
Курица обьягниласа, свинья циплять выси-
Мать наша матушка, [дѣла“.
Государыня боярыня,
Опусти меня во польице,
Во широкое раздольице:
На дворѣ-та нѣтъ бычаюшка.
И пошла я во польице,
И нашла я бычаюшка, не бычевья стать.

1342 (2).

Тошнихонько Матрешенькѣ:
Не пьется и неѣсса.
„Не пила бы я, и не ѣла,
На мила глядѣла.

Я совѣтъ бы совѣтала,
Въ любви говорила.
Я шутя дружкѣ сказала,
Въ глаза отказала:
Тебѣ полно, милъ, ходити,
Не буду любить.
Не тори, милъ, дорожки
Къ моему окошку.
Не прикладывай слѣдочку
Къ моему садочку“.
Что свыканье и розставанье?
Свыкалась съ дѣтиной
Подъ горькой осиною,
Подъ самой вершиной.

1343 (3).

Тиру да ну, да колоку(?)
Колотилко, брякollo,
Твоя ступа, мой толкачь.
Залягаю, такъ не плачь.
Не гнѣвайся на меня,
Что я лазилъ на тебя.

*) Болѣе точнаго приуроченія нѣтъ.—Ред.

Ахъ ты шутъ, ты мой шутъ,
 Балагуръ, ты балагуръ!
 Кто въ могилкѣ лежитъ,
 Какъ денежекъ дадутъ,
 Такъ свяжутъ¹⁾
 Тури, тури, пастушекъ,
 Калиновой ботожекъ,
 Далеко ли отошелъ?
 Отъ моря до моря,
 До Кіева города.
 Стулъ подломился,
 Чаръ *) покатился.
 Марія чарица *) сына породила,
 Чаря *) Константина.
 У этого сына
 Было трои сани,
 Шелкомъ шиты,
 Бумагой биты.
 Матушка кобылича *),
 Зачѣмъ долго не была?
 Я боялась тепуна.
 Тепунъ не судья.
 Владыки, Владыки дѣти
 Хотѣли къ Иванушкѣ
 Въ городъ улетѣти.
 Иванушка дышитъ,
 На дѣвушку д....тъ: **)
 „Дѣвича, дѣвича,
 Сходи, мать, за водичей *).
 — Я боюсь дрозdochка,
 Дрозdochекъ на рябинкѣ,
 На самой вершинкѣ.
 Ъхали гости,
 Стукали въ доски.
 Постой, баба, не бѣги,
 Подай наши пироги,
 Съ лукомъ, съ перцемъ,
 Съ собачьимъ сердцемъ.

1344 (4).

Завтра суббота—
 Тараканья работа:
 Тараканъ дрова рубилъ,
 Себѣ х.. онъ отрубилъ.
 Комаръ воду возилъ,
 Въ грязи завязилъ.
 Муха то добывала,
 Животъ, сердце надорвала.
 Блоха баню вытопляла,
 Пришла париться;

¹⁾ Не дописано.—Ред.

*) Поправлено изъ ц—ч. — Ред.

**) Неприличное слово.—Ред.

Съ полку грянулась,
 Пала бокомъ,
 Ненарокомъ
 П....у вышелкнула.

1345 (5).

Выйду за ворота,
 Погляжу далеко:
 Тамъ лѣса, болота.
 Строится корабль
 На рукахъ, на ногахъ.
 Въ этомъ во морѣ
 Много рыбы-щуки,
 Много и бѣлуги.
 Куда рыбѣ систи,
 Куда поприсисти?
 Сяду, поприсяду
 Къ зеленому саду,
 Еще пересяду *)
 На землю землянку,
 На литню тропинку:
 Куды милый поидеть,
 Меня не обойдетъ;
 На конѣ поѣдетъ,
 Меня не объѣдетъ.
 Каринька лошадка
 Стоитъ на площадкѣ,
 Сани во Рязани,
 Хомутъ на базарѣ,
 Свѣтлая уздечка
 Въ городѣ на спичкѣ,
 Оглобли-тѣ долги
 На матушкѣ Волгѣ.

Послѣ говорить **): (Надо ѣхать, а нечего
 ѣсть).

*) Приписано.—Ред.

**) Позднѣе приписано.—Ред.

1346 (6).

Стенанъ былъ кудрявъ,
 Зачѣмъ долго не женатъ?
 Онъ дѣвочку полюбилъ,
 На корабликъ посадилъ,
 Тонкой парусъ распустилъ,
 По Невѣ рѣкѣ пошелъ,
 Ко бережку приставалъ.
 У бережка бережка
 Ждала дѣвушка дружка.
 Я насилу дождалась,
 Вся кругомъ пере.....сь: *)
 „Ужъ ты, миленькой мой,

Ты не ходишь-ли къ другой?⁴
 Во Шведской улицѣ
 Сидятъ дѣвки въ горницѣ,
 Таки рѣчи говорятъ,
 Меня, молодца, бранятъ,
 Цѣловаться велятъ
 Десяносто девять разъ.

*) Неприличное слово.—*Ред.*

1347 (7).

Катя маленькая,
 Малехотненькая *),
 Гулять охотненькая.
 Пройди, Катя, горенкой,
 Топни правой ноженькой.
 — Ужъ я рада бы пройти,
 Рада топнути,
 Боюсь, боюсь батюшки,
 Опасаюсь матушки.
 Не боюсь злыя скуки,
 Боюсь скорыя разлуки.
 Я скажу, что не могу,
 Платкомъ голову свяжу,
 Но горенкѣ похожу,
 Въ окошечко погляжу,
 Какъ во то-ли во окно
 Во окошечатое,

Какъ во то-ли во стекло
 Во Нѣмесчатое.
 На улицѣ выюлица**),
 На полѣ мятелица;
 Не метелица мететь,
 Холодна роса вьетъ;
 За росой милой идетъ,
 За собой дѣвокъ ведетъ.
 Одна дѣвка говорлива.
 Съ молодцемъ рѣчь заводила:
 „Пойдемъ-ка, милый, назадъ,
 Приурядимся,
 Прианудримся.
 Научить ли ты, Ванюша,
 Какъ ко мнѣ, Вани, ходить
 Подъ окошечко
 Сѣрой кошечкой?“
 Оконницу выставляла,
 Сѣру кошку пропушала.
 Котъ по полу идетъ,
 Половицы скрипятъ,
 Мѣдны скобы говорятъ.

Пѣсни 1341—1347 имѣютъ позднюю помѣту „Новгородскія“. Пѣсни 1341, 1342 иной рукой старшей, нежели остальные. Бумага синія (ярославская).—*Ред.*

*) Позднѣе, вмѣсто зачеркнутаго.—*Ред.*

**) Изъ чего-то поправлено.—*Ред.*

б) г. Новгородъ.

1348 (1).

Не ходить было вдоль по улицѣ,
 Не глядѣть было на окошечко:
 Ужъ окошечко-то бѣда моя,
 Милъ сердечный другъ—сухотѣ моя,
 Изсушила меня молодѣшеньку.
 Слышитъ дѣвица про несчастье:
 Собирается милъ въ дороженьку,
 Хоть не въ дальнюю, жаль тошнѣшенько:
 „Привѣжай, любезный, поскорѣшенько,
 При тебѣ, любезный, веселѣшенько,
 Безъ тебя, мой другъ, умереть съ тоски;
 Надорвется сердце моѣ плачучи,
 Сердце плачучи, возрыдаючи,
 Тебя, миленькій, вспоминаючи.
 Вспомни, миленькій, меня въ дороженькѣ;
 Ужъ какъ я тебя вспомяну всегда“.
 Со восточной со сторонюшки,
 Съ Петербургской пути-дороженьки
 Пишетъ миленькій ко мнѣ грамоту,
 Ко мнѣ грамотку, вѣсть не радостну:

— Не сиди, дѣвица, поздно вечеромъ,
 Ты не жди, не тай свѣчи сальныя,
 Не жди, дѣвица, дорогѣ гостя,
 Дорогого гостя, дружка милаго;
 Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ,
 Пришелъ, дѣвица, распроститися,
 За любовь твою поклонитися.
 Позволь, дѣвица, мнѣ женитися.—
 Залилась дѣвица горячимъ слезамъ,
 Во слезахъ дѣвица слово молвила,
 Слово молвила, рѣчь говорила:
 „Ты женись, женись, разбесовѣстный,
 Ты возьми, возьми мою подруженьку,
 Со которою я водилася,
 Я водилася, не бранилася“.
 — Ахъ ты, глупая, красна дѣвица,
 Неразумная дочь отецкая;
 Мнѣ подружку взять, будешь гнѣвъ дер-
 жать,
 Будешь гнѣвъ держать, станешь гнѣваться
 Ужъ мнѣ взять не взять самое тебя,
 Самое тебя, красну дѣвицу!

1349 (2).

Шелъ я, шелъ мимо милыхъ воротъ,
Тамъ пробѣжалъ, гдѣ красавица живетъ.
Взоръ и сердце превратилось къ окну,
Узрѣлъ милую едину въ терему:
Сидитъ дѣвица у крайняго окна,
У красавицы заплаканы глаза;
Текли слезы по румянымъ щекамъ,
Будто розы рососою скроплены.
Ея бѣла грудь вздымалась высокó:
Знать, красавица вздыхала тяжело.
Не твоей бы бѣлой груди вздыхать,
Не тебѣ, мой другъ, печаль и горе знать.
Есть ли будешь ты грустить и унывать,
Съ тобой будетъ вся природа тосковать:
Позавянутъ всѣ зелѣные лѣса,
Нападетъ на нихъ холодная роса,
Пожелтѣютъ всѣ листочки на деревьяхъ,
Солнце скроется въ туманѣ, въ облакахъ.
Ты цвѣтокъ мой несравненный, дорогой,
Кто сорветъ тебя холодною рукой?
Ты завянешь и на чьей груди падѣшь?
Пусть одинъ, одинъ въ печали буду жить,
Свою жалобную участь переносить.

1350 (3).

Весной матушка разливалась Нева,
Потопила всѣ зеленые луга;
Оставался одинъ маленькій лужёкъ;
Собирались красны дѣвушки въ кружёкъ,
Въ середи кружка молодая вдова;
У вдовушки позаплаканы глаза,
У красавицы платочки въ слезахъ.
Какъ возговорить молодая вдова:
„Вы дѣвицы, подруженьки мои,
Вы придите, посидите у меня,
Вы придумайте, голубушки мои,
Отчего миленькій разсердился на меня,
Приказалъ сѣдлатъ своего добраго коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора,
Соѣзжаетъ, не прощается со мной.
Прочь отѣхавши, жалѣетъ обо мнѣ:
— Прощай милая, хорошая моя!
Западетъ снѣжкомъ дорожка безъ меня
Ко твоимъ, радость, къ широкимъ воротамъ,
Любезная, ко точенымъ вереемъ“.
Выходила красавица на крылецъ,
Говорила любезному такъ рѣчь:
„Воротися назадъ, миленькій дружокъ,
Позабылъ, милый, чернильницу съ перомъ,
А еще, милый, листъ бумажки гербовой,
Пуховую шляпу на ломберномъ столѣ“.

1351 (4).

Вспомни, миленькій, какъ прежде полюбилъ,
Полюбивши повсечастно говорилъ:
„Я люблю тебя, красавица моя,
Я любить буду, во вѣкъ не измѣню!“
Теперь, миленькій, не любишь ты меня,
Ты не любишь и свою не зовешь“.
— Скажи, милая, отчего жъ это взялось,
Отъ кого обманъ, лукавство началось?
Или злые люди смущаютъ насъ съ тобой,
Кому можно насъ съ тобою разлучить,
Есть ли сама не поизволишь измѣнить?—
Непритворно предо всѣми говорю:
Одного тебя, невѣрнаго, люблю.
За чѣмъ бѣдная на сей свѣтъ рождена,
Я въ такого ли тирана влюблена?
Говори, тиранъ, что хочешь про меня,
Есть ли варварское сердце у тебя.
Говорила мнѣ подруженька моя:
— Берегись любить во младыхъ лѣтахъ,
Ты завянешь, какъ листочикъ пропадешь.

1352 (5).

Не пой, не пой, соловьюшко, во зѣленомъ
саду,
Не давай тоски-кручинушки сердечку моему;
И такъ мое сердечушко поизныло по тебѣ.
Я лѣсомъ шла я темнымъ*), казался алый
цвѣтъ,
Шелкова въ полѣ травушка сплеталась за
мною вслѣдъ,
Лавровые листочки на деревцѣ шумятъ.
Не шумъ, шумъ, лавровый листъ, теперешній
часокъ.
Часы ль мои веселые, утѣште вы меня!
Во полюшкѣ во чистомъ бѣлѣ камешекъ
лежить,
Съ подъ камешка съ-нодь бѣлаго быстра
рѣчка бѣжитъ.
За рѣчинькой за быструю красавицы поють,
Про насъ съ тобой, любезный другъ, раз-
луку говорятъ,
Разлуку, грусть великую, несносную тоску:
Ни ты ко мнѣ, ни я къ тебѣ не будемъ мы
ходить,
Ни ты меня, ни я тебя не будемъ мы любить.
Красавица, забавница, хоть простимся со
мною!
— Я рада бы проститься, да кони не стоятъ.
Изводишки молоденьки не могутъ удержатъ.—
Красавица, забавница, платочкомъ хоть
махни!

— Я рада бы махнуть, платочка въ рукахъ
нѣтъ.

*) Попр. изъ „темнымъ“.—Ред.

1353 (6).

Несчастная Машенька съ горя пошутила,
Холостого мальчика въ шуткахъ полюбила.
Любила молодчика, заботу имѣла,
Имѣла заботушку, людямъ говорила:
„Скажите мнѣ, дѣвушки, что мнѣ съ друж-

комъ дѣлать?

Любить-ли мнѣ милого? любить или бросить?
Клянусь, брошу молодца, любить перестану,
Хорошаго молодца на вѣки оставлю“.
Услышалъ любезный мой наносныя рѣчи:
— Не ты-ли, душа моя, рѣчи говорила?
Моё бы сердечушко ты бѣ мнѣ не вредила.
Поди, раскрасавица, въ новый кабинетикъ
Возьми, раскрасавица, въ ручки пистолѣтикъ,
Заряди, душа моя, крѣпкимъ зарядомъ,
Тугимъ и крѣпкимъ порохомъ и дробью,
Прострѣли, душа моя, въ ретивое сердце,
Въ ретивое сердечушко съ моей бѣлой грудью,
Пушай, добрый молодецъ, не живу на свѣтѣ!

1354 (7).

Охъ вы горы, мои горы, вы горы высокія,
Еще что же вы, горы, горюшки, породили?
Спородили вы, горы, бѣлы горючъ камень.
Изъ подъ камешка бѣжить рѣка быстрая.
Что на рѣченкѣ выросъ часть ракитовъ
кустъ,
Что на кустикѣ сидитъ младъ сизой орѣлъ,
Во когтяхъ ли онъ держитъ чѣрна ворона;
Онъ не ворона держитъ—брата роднаго;
Онъ не бѣтъ, не клюётъ, всё выпрашиваетъ:
„Еще гдѣ ты, орѣлъ, былъ гдѣ, сизой, погу-

ливалъ?“ *)

— Ужъ былъ я, побывалъ, былъ я во дикихъ
степяхъ,

Во дикихъ во степяхъ, степяхъ во Саратов-
скихъ.

Еще что же я тамъ видѣлъ? видѣлъ чудо чюд-
ное,

Чудо чюдное я тамъ видѣлъ, диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое молодѣцкое;

Не убито лежитъ, не застрѣлено,

Вострой сабелькой головушка пересѣчена.

Что никто ко тѣлу, къ тѣлу не приступится,
Къ молодцекому никто не признается.

Прилетали къ тѣлу, къ тѣлу три ластушки,

Перва ластушка—родимая матушка,
Другая ластушка—его сестра родная,
Третья-то ластушка—его молодѣ жена.
Перва ластушка плачетъ, какъ рѣка бѣжитъ,
А сестрица-то плачетъ, ручейки бѣгутъ,
Молода жена плачетъ до гуляныца,
А гулять пойдѣтъ, семерыхъ найдетъ.

*) воронъ?... черной? Ср. выше, пѣсню 1293.—Ред.

1355 (8).

Охъ ты дѣвушка бѣдна,
Не сиди поздно одна,
Не имѣй тоски-кручины,
Когда ты дружку мила.
Обѣщался другъ любезный
Издамечу въ гости быть,
Издамечу, издамечу по вечерней по зарѣ,
По вечерней по зарѣ, по утренней по росѣ.
Вы повѣйте, вѣтры буйны,
Разнесите въ полѣ снѣгъ,
Разнесите въ полѣ снѣгъ,
Занесите дружку слѣдъ, [пройдтитъ,
Чтобъ моему любезному ни проѣхать, ни
Ни проѣхать, ни пройдтитъ ни на коняхъ,
ни пѣшѣмъ,
Ни на коняхъ, ни пѣшѣмъ и ни лѣтомъ, ни
зимой.

И ни лѣтомъ, ни зимой, ни осеннею порой.
Еще нѣтъ на свѣтѣ хуже мнѣ женатыхъ лю-
бить.

Еще нѣтъ на свѣтѣ лучше холостыхъ ребятъ.
Холостой паренъ гулялъ, [любить!
Какъ соколъ въ полѣ леталъ,
А женатый-то гуляетъ,
Все жена во слѣдъ глядитъ,
Все жена во слѣдъ глядитъ,
Мною дѣвушкой коритъ.

1356 (9).

Сестрицы, подруженьки, голубушки мои!
Придите ко мнѣ, веселѣе будетъ мнѣ!
Спросите у батюшки вы меня въ гости къ себѣ
У родимой маменьки въ зелѣнь садикъ по-
гулять!

Во нашемъ во садикѣ много вишенъ растѣтъ,
На сладкомъ на вишенѣ соловеюшко поѣтъ.
Ты не пой, соловеюшко, не пой, птишка
молодѣ!

Полети, соловеюшко, къ любезному моему.
Спроси у любезнаго, тужить-ли милый обо мнѣ?
А я по нѣмъ, дѣвушка, тужу, плачу навсегда,
Его дорогой потрѣтъ предъ собой всегда держу,

Ты травка моя, травка, ты травушка зеленая!
 Безъ поры, травка, безъ время стала сохнуть-
 вянуть!
 Безъ прилуки воръ Ванюша въ одну дѣвушку
 влюбился,
 Въ одну дѣвушку влюбился, своей волюшки
 лишился.
 Охъ, ты воля моя, воля, ты волюшка дорогая!
 Ты волюшка дорогая, дѣвчѣночка молодая!
 Дѣвчѣночка молодая она по-саду гуляла,
 Она по-саду гуляла, сладко вишенье ши-
 пала,
 Сладко вишенье щипала, во неволюшку по-
 пала.
 Скучно дѣвкѣ, скучно красной во неволюшкѣ
 сидѣть,
 Поскучиѣ того дѣвицѣ изъ окошечка гля-
 дѣть.
 Мимо мѣго окошка пролетала путь-дорожка.

Дороженька мостовая, Московская столбовая;
Что по этой по дорожкѣ много ѣдутъ, пѣшѣмъ
идутъ:

Господа ѣдутъ, бояры, Новгородскіе ребята;
Новгородскіе ребята они бѣлы кудреваты,
Они бѣлы кудреваты, на нихъ новые халаты,
На нихъ новые халаты, они стали щеголяти,
Они стали щеголяти, съ краснымъ дѣвуш-
камъ играти.

1361 (14).

Во славномъ во городѣ въ Кіевѣ
Жила была молодѣ вдова.
У вдовушки было девѣтъ сынковъ,
А дочка десятая.
Одинъ братъ съ рукъ, другой на руки,
Третій братъ въ колыбель кладетъ:
„Баю, баю, сестрица ластушка!“
Возлелѣявши сестру, гулять пошли,
По Рूसіи воровать пошли.
Безъ нихъ меня матушка выдала
За море, за морянина.
Я годъ живу и другой живу,
На третій годъ сына родила.
Сына родила—стосковалася.
Морянина стала въ гости звать:
„Морянинъ, морянинъ, пойдемъ въ гости!
Ужъ ты къ тещѣ, а я къ матери,
Ты къ шурьямъ, а я къ роднымъ братьямъ!“
День ѣдемъ и другой ѣдемъ,
На третій день остановились,
Остановились, огонь рѣскали,
Огонь рѣскали, кашу варили,
Кашу варили, дитя кормили.
Поналетѣли чѣрны вѣроны,—
Понаѣхали злы разбойники.
Морянина они потѣряли,
Морянченка въ воду бросили,
Морянушку во полонъ взяли.
Всѣ разбойнички спать легли,
Одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, Богу молится,
Меня морянушку выспрашиваетъ:
„Ты скажи, скажи, моя морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени?
Ты купецкаго, иль княженецкаго?“
— Не купецкаго я, не княженецкаго:
Во славномъ во городѣ въ Кіевѣ
Тамъ жила-была молодѣ вдова.
У вдовушки было девѣтъ сынковъ,
А я, дочка,— я десятая.
Одинъ братъ съ рукъ—другой на руки,
А третій братъ въ колыбель кладетъ:
„Баю, баю, сестрица ластушка!“

Возлелѣявши сестру, гулять пошли,
По Рूसіи воровать пошли.
Безъ нихъ меня матушка выдала,
Что за море за морянина.—
Какъ возгворить злой разбойничекъ:
„Вы встаньте, мои братцы родные!
Не морянина мы потѣряли,
Не морянченка въ воду бросили,
Не морянушку во полонъ взяли:
Мы потѣряли зятя милаго,
Племянченка въ воду бросили,
Сестрицу ластушку во полонъ взяли!“
Какъ возгворятъ злые разбойнички:
„Ты сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у насъ золотыя ключи,
Отворяй ларцы, ларцы кованы,
Ты бери золото, сколько надобно!“
— Ахъ, вы, братцы мои, ясны соколы!
Мнѣ не надо вашего золота, серебра,
И ни скѣтнаго, крупнаго жемчугу!
Приведите моего морянина
Принесите моего морянченка!
Вы пустите насъ къ родной матушкѣ!

1362 (15).

Какъ за рѣченькой долинушка,
Во долинушкѣ слободушка,
Во слободкѣ живетъ вдовушка.
У вдовушки дочъ хорошая,
Дочъ хорошая, звали Машинькой,
Звали: Маша чернобровая.
Ты меня, Маша, повысушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ холодного,
Что безъ вѣтру полуденнаго!
Ты звѣзда ль моя, восточная,
Восточная, полунощная!
Высоко звѣзда восходила:
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго,
Выше города Саратова.
Что во этомъ славномъ городѣ
Тамъ построена тюрьма новая,
Тюрьма нова, дверь дубовая.
Что во этой во терѣмушкѣ
Посажень душа невольничекъ.
Что за что душа посажена?
За какую за побѣдушку?
За душѣ за красну дѣвушку.

1363 (16).

Какъ пошла наша Параша
Ко сусѣду во бесѣду,

Ко сусѣду во бесѣду
 Коромысла попросить,
 Коромысла попросить
 На Дунай-рѣкѣ сходить.
 Какъ воръ-ли то Олѣшка
 Догадливъ шельма былъ:
 Напередъ забѣжалъ,
 За горой пролежалъ;
 За горой пролежалъ,
 Всѣ Парашу дожидаль.
 Какъ идѣть, идеть Параша
 На Дунай-рѣкѣ за водой:
 „Еще помнишь ли, Параша,
 Что отецъ твой говорилъ?
 Онъ хотѣлъ отдать тебя
 Замужъ за меня!“
 — Охъ ты, воръ ты, Олѣшка,
 Мнѣ не быть за тобой;
 Мнѣ не быть за тобой,
 Не слыть мнѣ тобой,
 Мнѣ не слыть тобой,
 Мнѣ Олѣшкиной женой!—
 Онъ билъ, топталъ меня топчѣкамъ,
 Полужѣными гвоздѣмъ:
 Онъ билъ по щекамъ,
 По жемчужнымъ сергамъ.
 Чуть-насилу поднялась,
 Зашаталась, побрела.
 Что навстрѣчу Парашѣ
 Родный батюшка идѣть:
 „Еще что же ты, Параша,
 Не весело идешь?
 Позаплаканы глаза,
 Порастрѣпаны волоса!“
 — Родный батюшко!
 Худо можется,
 Худо можется,
 Нездоровится!—
 Со вечера Параша
 Разнемогалася,
 Ко полуночи Парашѣ
 Попа привели,
 Ко бѣлѣ свѣту Параша
 Переставилася.
 Что во горѣ, въ соборѣ,
 Въ большой колоколъ звонять,
 Большие-то боѣры
 Про Парашу говорятъ:
 „Какъ ужѣ нашу Парашу
 Хоронить понесутъ“.
 Ужъ какъ воръ-то Олѣшка
 Догадливъ шельма былъ:
 Напередъ забѣжалъ,
 На паперти простоялъ,
 На паперти простоялъ,

Въ рукахъ свѣчку продержаль:
 „Доставалась Параша
 Ни мнѣ, ни кому,
 Ни мнѣ, ни кому,
 Ни товарищу моему!
 Достовалась Параша
 Что сырѣй землѣ,
 Гробовой доскѣ“ .

1364 (17).

Я ходила, я гуляла въ чистомъ полѣ далекѣ,
 И я рыла, я копала зло корѣнье глыбѣ;
 Я нарвавши, накопавши, на Дунай-рѣкѣ по

шла:
 И я мыла зло корѣнье бѣло на-бѣло его,
 Я крошила зло корѣнье мѣлко на-мѣлко его,
 Я сушила зло корѣнье сухо на-сухо его,
 Я варила зло корѣнье въ медѣ, въ сахарѣ,
 въ сытѣ;

Наваривши зло корѣнье, дружка въ гости
 позвала.

Я позвавши дружка въ гости, стала потчи-
 вать его;

Напоивши, накормивши, стала спрашивать
 его:

„Каково тебѣ, любезный, каково на животѣ?“
 — У меня-ли на сердечкѣ будто камешекъ
 лежить.

Ты умѣла, разканалъ, напоить и накормить,
 Ты умѣй же, разканалъ, тѣло бѣло схоро-
 нить:

Схорони ты тѣло бѣло въ чистомъ полѣ далекѣ,
 Ты зарой же моѣ тѣло въ сырѣ землѣ глы-
 бѣ. —

Ужъ вы слѣги мои, слѣги, слѣги вѣрные мои!
 Вы подите-ко далѣче, въ чисто поле далекѣ,
 Ужъ вы роите, вы копайте сырѣ землѣ глы-
 бѣ,

Вы снесите тѣло бѣло дружка вѣрнаго могѣ,
 На могилу вы поставьте черну шляпу со пе-
 ромъ!

1365 (18).

По горенкѣ похожу, въ окошечко погляжу,
 Въ окошечко погляжу, по миленькомъ по-
 тужу.

Тужила я, плакала, заливалась слезамъ.
 Заливала дѣвушка всѣ дорожки и лужки,
 Всѣ дорожки и лужки, слѣвны круты бережки.
 За этимъ за бережкамъ бѣжить рѣчка, не
 шумить,
 За этой за рѣченькой тутъ зеленый садъ
 стоить.

Ходилъ Ванюшко по базару, закунѣль товару;
Не нашёлъ Ваня товару, купилъ дѣвушку
удалу.
Пойду, выду за ворота, гдѣ лужки, болота,
Пойду, выду за новыя,—лужки зеленіе!
Что по тѣмъ лужкамъ, болотамъ кавыль-травка
вьѣтся,—
У хорошаго молóдчика сердечушко бѣется.
Полно, сердце, тебѣ биться, время утишиться!
Не про насъ ли, моя хорошенька, лихи люди
судятъ?
Пушай судятъ, пушай рядятъ, что я тебя
люблю!
Люблю тебя, моя хорошенька, любить тебя
буду,
Я до тѣхъ поръ любить буду, пока не забуду.
Въ чистомъ полѣ при долинѣ стояло тутъ
древо,
Тутъ стояло тѣто древо, берёзушка бѣла,
Что на той бѣлой берёзѣ сидѣль сизенькій
голубчикъ,
Что не сизый голубчикъ, удалой молодчикъ;
Передъ молóдцемъ дѣвица стоитъ слезно пла-
четъ,
Молодецъ красну дѣвицу плакать унимаеъ:
„Полно, дѣвушка, тебѣ плакать! обѣ чѣмъ слёзы
лѣти?
Есть ли будешь, дѣвушка, плакать, буду тебя
бѣти,
При всѣхъ людяхъ, при народѣ, въ боль-
шомъ хороводѣ.
Тебѣ будетъ, дѣвушка, стыдно, а другимъ
наука;
А намъ съ тобой, хорошенька, вѣчная раз-
лука!“

1367 (20).

Ходи, Ванюшка, порою, вечернею зарею,
Когда зорюшка потухнетъ, всѣ люди приус-
нутъ.
Мой батюшка во дорожкѣ, а матушка въ
гостяхъ,
Больши братья за стрѣльбою, сѣстры за гуль-
бою.
Невѣстусекъ-голубусекъ и тѣхъ дома нѣту.
Хошѣ дома, хоша нѣту, я ихъ не боюся.
Гулять пойду, не страшуся, приду, не ска-
жуся.
Пойду млада погуляю, съ людямъ поиграю.
На улицѣ поздно, а мѣсяца нѣту,
Батюшки боюся, матушки стыжуся,
Пойду ворочуся, въ ноги поклонюся,
Пусти погуляти, съ людямъ поиграти.

1368 (21).

На песку, песку, на крутомъ берегу,
Тамъ верба́ стойтъ кудрявая.
Не стой, верба́, на желтымъ песку:
Вѣтры пойдуть, тебя унесутъ,
Тебя унесутъ во Неву рѣку.
Во Невы рѣкѣ тамъ плавалъ корабль,
На корабличкѣ солдатъ молодой;
Солдатъ молодой Богу молится,
Богу молится, домой просится:
„Ты пусти, пусти, царь-государь мой!
Сострою батюшкѣ каменный домъ,
Родной матушкѣ палатушка,
Дѣтей малыхъ казной надѣлю,
Жену милую въ тюрьму посажу.
Наварю молодѣ зеленѣ вина,
Позову въ гости дружка милаго,
Милъ вина не пьеть, воронѣ коню леть,
Вороной конь не пьеть, на сыру землю
лѣтъ.
А сыра то земля загорѣлася.
Привяжу молодѣ къ коневью хвосту,
Пушай мой конь нагуляется,
Пушай сзади потаскается“.

1369 (22).

Вольная пташечка въ саду кинарейка:
Куда захотѣла, туда полетѣла.
Полетѣла вольна пташечка
Въ зеленой садочикъ,
Садилася вольна пташечка
Во саду на кусточикъ,
Запѣла вольна пташечка
Жалобную пѣсню.

Что цвѣли-то, цвѣли, цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли, да поблѣкли:

Что любилъ-то мальчикъ, любилъ мальчикъ
дѣвушку,

Любилъ, да покинулъ.

Покинувши надъ хорошей дѣвушкой въ глаза
насмѣлся

Что при всѣмъ-то, при всѣмъ при народѣ,
Въ большомъ хороводѣ.

И онъ снялъ-то, сорвалъ съ хорошей дѣвушки
Шалевый платочикъ,

А еще онъ сорвалъ съ хорошей дѣвушки
Рѣзову косынку,

А еще онъ схватилъ съ хорошей дѣвушки
Шелковъ поясочикъ,

Отъ стыда-ли хорошая *) дѣвушка

Съ хороводу вышла.

Что по городу дѣвушка Саратову
Городу гуляла;

Она листичекъ гѣрбовой бумажечки

Листикъ **) покупала,

Она молодца писаря хорошаго

Писать нанимала,

На удалаго на добраго молодца

Просьбу сочиняла,

Что молодому она губернатору

Просьбу подавала:

„Ты примико-сь, прими, прими, губернаторъ-
Прими мою просьбу. [князь,

Не примешь ты мою прозѣбку,

Подамъ сенатору.

Ты принявши нашу прозѣбку,

Суди по закону,

Ты судико-ся насъ по закону,

Суди по разбору“.

— Не напрасно-ли, хорошая дѣвушка,

На молодца просишь?

Не напрасно ли ты, красавица, слѣзы про-
ливаешь?

*) Попр. вм.: „красная“.—Ред.

**) Рук. листекъ.—Ред.

1370 (23).

Вспомни, вздумай, моя любезная, нашу пре-
жнюю любовь!

Какъ мы съ тобой, моя любезная, погуливали,
Осеннія тѣмны ночи просиживали.

Любѣвныя тайныя рѣчи говаривали:

Тебѣ, молодцу, не жениться, а мнѣ замужъ
нейтить!

Скорѣшенько, младѣшенька передумала опять:
Женись, женись, мой любезный, я замужъ

пойду.

Выбирай, дружѣкъ невѣсту, я дѣвушка, же-
ниха!

Въ чистомъ полѣ при долинѣ стоялъ новъ
высокъ терѣмъ,

Въ этомъ новомъ теремѣчкѣ дѣвушки пѣ-
сенки поютъ:

Знать-то, знать-то, мою любезную стовари-
ваютъ!

Сговоривши, просватавши, дѣвушку замужъ
отдаютъ.

Противъ дворца стоять крыльца раскрашены
хорошо;

По тѣмъ крыльцамъ ведутъ къ вѣнцу красну
дѣвицу-душѣ:

Дружка беретъ за рѣченьку, женихъ за
другѣ,

Третій стойтъ, животъ сердце болитъ, лю-
билъ дѣвушку, не взялъ.

Доставалась моя любезная иному—не мнѣ,

Что иному—не мнѣ, не товарищу моему:

Доставалась любезная злодѣю моему!

1371 (24).

Вы дѣвицы бѣлолицы, лицѣмъ круглолицы!
Во всѣмъ бѣломъ нашемъ лицѣ румянецъ

играетъ,

Добрыхъ молодецѣвъ удалыхъ всегда преле-
щаетъ.

Одинъ молодецъ хорошій, дѣвицѣ знакомый,

Часто по лугу гуляетъ, траву приминаетъ.

Онъ травушку приминаетъ, дороженьки ищетъ.

Выходила красавица на крутой крылечикъ.

Она молвила словечко: „Не стой у крылечка!

Ты не стой-ко-сь у крылечка, пожалѣй сер-
дечка!“

Летѣлъ голубъ черезъ городъ на синее море,

Плыла утушка-голубка Волгою рѣкой,

Она Волгою рѣкою, тихою водою:

Скажи, утушка голубка, моему милѣму,

Что живу я здѣсь вдовою, бѣдной сиротою!

У лѣсочку на краѣчкѣ рябинка стояла,

Что подъ этой подъ рябинкой дѣвушка
гуляла;

И гуляла, и играла, дружка дождала:

Ты не думай, разлюбезный, я любить не
стану.

Ты ищи себѣ, любезный, иную милую!

Пѣсни 1348—1371 записаны П. В. К-имъ
между 8 и 11 сент. 1834 г. отъ дѣвицы Ѳеклы Евси-
нгѣвны.—Ред.

1372 (1).

Я вечеръ добрый молодецъ былъ на бесѣ-
душкѣ,

Назвала-то, назвала моя сударушка горькою
пьяницею:

„Ты замóтъ, ты замóтъ, замóтъ разлюбезный
другъ!“

Я пропíлъ, прогуляя свое житье-бытье,

Я пропíлъ, прогуляя своё богатство:

Нару вороныхъ коней со коляскою,

Еще же я пропíлъ, добрый молодецъ,

Свою буйну голову.

Отрубили онѹ до самыхъ плечикъ,

Раскидали-то его тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое по чистому по полю,

Расклевали-то тѣло бѣлое всё черные вороны.

1373 (2).

Во полѣ, во полѣ,

Во широкомъ раздолѣ,

Ива лѣли, ай люлі,

Во широкомъ раздолѣ, (и т. д.)

Два дуба зелѣные,

Два дуба зелѣные.

Какъ на этихъ на дубахъ

Да по воронѹ сидятъ;

Воронъ воронѹ гласитъ:

Знатъ, побѣдушка лежитъ,

Побѣдушка не малá:

Богатой купецъ убить.

— А за что же онъ убить?—

За свои за промыслы.

Бѣло тѣло лежитъ,

Ничего не говорить:

Жена мужа убила,

Подъ кусточкомъ бросила.

Что на нашемъ на дворѣ

Стоялъ озеро водѣ;

Молодецъ коня поилъ,

Къ веревкѣ привязалъ,

Красной дѣвкѣ приказалъ,

Красной дѣвкѣ наказалъ:

„Красна дѣвица, душа!

Сбереги мого коня,

Не сорвалъ бы поводá;

Поводы, шелковые,

Удилья серебряны“.

Красна дѣвица прошла,

Словно пава проплыла.

На головушкѣ перо—

Шестьдесятъ рублей дано;

Во рукахъ несла платокъ—

Двадцать пять рублей дано.

1374 (3).

Что за миленькій, за душа моя!

Изсушилъ меня молодѣшеньку:

Я гулять пойду—не гуляется.

И я спать ложусь—милóй во снѣ видится:

Будто мой милóй стоялъ у кроватишки,

Онъ цѣлуетъ-то мои руки бѣлыя,

Называетъ меня любушкой, сударушкой:

„Я не воръ къ тебѣ пришелъ, не разбой-
ничекъ,

Я пришелъ къ тебѣ первый полюбовничекъ“.

— Ты женись-ко, женись, добрый молодецъ,

Ты возьми-ко, возьми у сусѣда дочь,

У сусѣда дочь—мою подруженьку.—

„Мнѣ подружку взять—будешь гнѣвъ держать,

Мнѣ взять не взять самоѣ тебя“.

Пѣсни 1372—1374 записаны П. В. К.—имъ
11 сент. 1834 г. отъ цыганки.—Ред.

1375 (1)*.

Какъ жила была молодá вдова,

У вдовушки было девять сынковъ,

Одна дочка была десятая.

Одинъ братъ съ рукъ, другой нá руки,

А третій берётъ, въ колыбель кладётъ,

А четвертый возьметъ, да гулять поидетъ.

Возлелѣли сестру, гулять пошли,

А безъ ихъ еѣ матушка замужъ выдала

Ее за море за морянина.

Она годъ жила и другой жила,

На третій годъ сына родила

Сына родила—ей стоскнулося:

Къ родной матушкѣ захотѣлося.

Вотъ мы день ѣдемъ, мы другой ѣдемъ,

Что на третій день становилися,

Становилися, кашу вáрили,

Кашу вáрили, дитю кормили.

Не черны вороны поналáтъли,—

Понаѣхали добры молодцы,

Добры молодцы, злы разбойнички.

Что морянина они потѣряли,

А морянченка въ воду бросили,

А меня, младу въ полонъ взяли.

Еще всѣ-то злы разбойнички

Они всѣ-то спать ложилися,

Какъ одинъ-то злой разбойничекъ

Онъ не спитъ, не лежитъ, Богу молится.

У морянушки сталъ выспрашивать:

„Ты скажи, скажи, морянушка,

Ты чьего роду, чьего племени,

Чьего отца, чьего (sic) матери?“

— Жила-была молодá вдова,

Что у вдовушки было девять сыновъ,

А я была дочь десятая.

Одинъ братъ съ рукъ, другой нá руки,

Третій берётъ, въ колыбель кладётъ,

А четвертый возьметъ, да гулять поидетъ.

Возлелѣяли сестру, гулять пошли
 (А по руському, воровать пошли).
 Безъ ихъ меня матушка замужъ выдала
 Меня за моря, за морянина.
 Ужъ я годъ жила и другой жила,
 На третій годъ сына родила;
 Сына родила—мнѣ стокнулося:
 Къ родной матушкѣ захотѣлося.
 Вотъ мы день ѣдемъ, другой ѣдемъ,
 Что на третій день становилися,
 Становилися, огонь рѣскали,
 Кашу варили, дитю кормили.
 Не черные бороны понаѣхали,—
 Добры молодцы понаѣхали,
 Добры молодцы, злы разбойнички.
 Зятя своего они потѣряли,
 А племянника въ воду бросили,
 А родну сестру во полонъ взяли.

*) Ср. выше, пѣсню 1361.—Ред.

1376 (2).

Долина, долинушка,
 Раздолье широкое,
 Раздолье широкое,
 Приволье хорошее!
 На той ли на долинушкѣ
 Стояла тутъ горенка,
 Во горенкѣ вдовушка,
 У вдовушки дѣвушка
 Не величка маленъка;
 На ней шубка аленька,
 Опушка бобровая;
 Дѣвка чернобровая,
 Сама черноглазая,
 По горенкѣ ходила,
 Во окошечко глядѣла
 Ямщика въ гости ждала:
 „Ямщикъ, ямщикъ молодой,
 Для чевъ вечеръ не пришѣлъ?“
 — Какъ свѣтѣлъ мѣсяцъ взошѣлъ,
 Полнощная зоря,
 Государушка моя,
 Не слободушка была:
 Жена сына родила,
 Самъ по бабушку ходилъ
 И попа въ домъ приводилъ,
 Попъ молитву давалъ,
 А я имя нарекалъ,
 Понтелеемъ называлъ.

1377 (3).

Не смутить было очи
 Сегоднешней ночи,

Сегоднешней ночи
 Сидѣть до полночи.
 Видишь, я страдаю,
 А ты лицемѣришь,
 А ты лицемѣришь:
 Сушишь, крушишь, не жалѣешь!
 Иная милая
 Ничѣмъ меня лучше,
 Лицѣмъ не бѣлѣе,
 Бровью не чернѣе;
 Развѣ тѣмъ получше,
 Что живетъ поближе,
 Да ходить почаше,
 Что ходить почаше,
 Цѣлуетъ послаще.
 Сарафанъ на ней кумачный,
 Передникъ бумажный,
 Рубашка кисейна,
 Съ милымъ жить веселее;
 Чулочки костровы,
 Башмачки козловы,
 Въ косѣ лента голубая,
 Дѣвка молодая.

Пѣсни 1375—1377 записаны П. В. К-имъ 8—9 сент.
 1834 г. отъ пѣвицы Авдотьи.—Ред.

1378 (1).

„Дѣвица, дѣвица, хороша, пригожа,
 Напой добра коня середь сѣня моря!“
 — Молодецъ, молодецъ, хорошій, пригожій,
 Сшей мнѣ башмачки изъ желта песочку!—
 „Дѣвица, дѣвица, хороша, пригожа,
 Спряди мнѣ веревинку съ частаго дождѣчка!“
 — Молодецъ, молодецъ, хорошій, пригожій,
 Сострой мнѣ избушку изъ бѣлаго снѣжѣчка,
 Чтобъ эта избушка отъ дождя бы не ка-
 пала бѣ,
 Отъ дождя бы не капала бѣ, отъ солнца бѣ
 не таяла бѣ!“
 *)

*) Такъ и въ подлинникѣ: начала и конца, ви-
 димо, нѣтъ.—Ред.

1379. (2).

Хорошо слѣшмо слышати,
 Хорошо видѣмо видѣти,
 Что жена мужа теряла,
 Во повалушу прятала.
 Прилетали два сокола,
 Два большіе дѣверя:
 „Ты невѣстка, невѣстунка,
 Сноха, бѣлая лебѣдушка!

Еще гдѣ-жъ твой любимый мужъ,
 А нашъ-ли родимый братъ?“
 — Ужъ какъ мой-то любимый мужъ,
 У какъ вашъ ли родимый братъ
 Да уѣхалъ на ярманку
 Съ дорогими товарами.—
 „Ты невѣстка, невѣстущка,
 Сноха, бѣла голубушка!
 Еще что жъ въ зеленѣмъ саду
 Да вся травушка прибрязгана
 Да всё кровью горючею?“
 — Доверья мои, соколы!
 Я бѣлѹ рыбу чистила,
 Во повѣлушу прятала.—
 „Ты невѣстка, невѣстущка,
 Сноха, бѣла лебѣдушка!
 Отом'ни намъ повѣлушню,
 Покажи бѣлу рыбушку.
 Какова бѣла рыбица?“
 — Доверья мои, соколы!
 Ужъ какъ вашъ-то родимый братъ
 Да увезъ золотѹ ключи.—
 „Ты невѣстка, невѣстущка,
 Сноха бѣла голубушка!
 Приведемъ прибиральщица,
 Отом'немъ мы повѣлушню,
 Поглядимъ бѣлу рыбушку.
 Какова бѣла рыбица?“
 — Доверья мои, соколы!
 Я не бѣлу рыбу чистила,
 Я своего мужа теряла,
 Я вашего брата роднаго!
 Вы берите саблю вострую,
 Вы срубите съ меня голову
 Вы по самыя по плечушки!

1380 (3).

Какъ у ключика у кинѹчаго,
 У колодезя у глубокаго
 Красна дѣвица воду черпала:
 Почерпнувши, ведры поставила,
 Поставивши, думу думала,
 Думу думала, слово молвила,
 Слово молвила, рѣчь говорила:
 „Хорошо тому на свѣтѣ жить!“
 У кого-то есть отецъ и мать!
 У меня-то, у младшеньки,
 Ни отца нѣту, ни матери,
 Что одна-то злая мачиха,
 Змѣя лютая, подколодная.
 Посылала-то меня мачиха
 Во высокій терѣмъ перину стлать
 Про двоихъ-то робять холѣстныхъ,
 Что про третьяго про женатаго!“

У насъ на дворѣ-то смеркается,—
 Красной дѣвицы съ терема нѣту;
 У насъ на дворѣ-то глухѹ полночь,—
 Красной дѣвицы съ высока нѣту;
 У насъ на дворѣ-то зѣря бѣлый день,—
 Красна дѣвица съ терема идѣтъ:
 Что русѹ косѹ порастрѣнана,
 Что ясны очи позаплаканы,
 Во слезахъ дѣвушка слово молвила,
 Слово молвила, рѣчь говорила;
 „Что не жалѣ-то мнѣ двоихъ холѣстныхъ;
 Что жалѣ-то мнѣ одного женатаго;
 У женатаго молодѹ жена,
 Молодѹ жена, малы дѣтушки!“

1381 (4).

Я сидѣла-посидѣла, всю лучинушку прижгла,
 И всѣ свѣчи притопила и огарочки прижгла,
 И огарочки прижгла, заплакала, спать легла.
 Заплакала спать легла, милъ застукать у окна.
 Милъ застукать и забрякалъ, и забрякалъ у
 кольца.

Рѣдный батюшка на перинкѣ спалъ;
 На перинкѣ отецъ спалъ, пробуждаться онъ
 сталъ;

Еще сталъ-же онъ доченьку выпрашивать:
 „Ахъ ты дочка моя, дочъ, дочъ возлюбленная
 моя!“

Кто застукать у окна, кто забрякалъ у
 кольца?“

— Рѣдный батюшка, сѣра кошечка!
 Сѣра кошечка подъ окошечкомъ
 Застукала у окна, забрякала у кольца.—
 Ты брысь! правались! на кровать завались!
 На кровать завались, въ одѣяло обернись!

1382 (5).

Настя по насту гуляла,
 Устя изъ за кустечку стрѣляла,
 Всимъ ворами вѣсть подавала:
 „Будьте вы, вѣры, готовы!
 Садитесь на добрыхъ на коней,
 Поѣдѣте къ дядюшкѣ въ гости,
 Поѣдѣте къ дядюшкѣ Перфилю,
 Поѣдѣте къ тетюшкѣ Ненилы
 И къ сестры Степаниды!“
 Стукъ, стукъ, стукъ въ окошко,
 Брякъ, брякъ, брякъ въ колѣчко:
 „Дома-ли тетюшка Ненила?
 Дома-ли сестра Степанида?“
 Стешка въ окошко глядѣла:
 — Всѣ это, дядюшка, не воры,
 Всѣ это красныя дѣвки:

Настя сестра атаманомъ,
 Устя сестра асауломъ!
 Настя съ добра коня слезала,
 Вострую саблю вынимала,
 Дядюшкѣ голову сымала:
 „Ты живи, бабушка, подолѣ,
 Копи злата-серебра поболѣ!
 Ужъ мы къ тебѣ въ гости будемъ,
 Будемъ, будемъ, будемъ, не забудемъ!“

Пѣсни 1378—1382 записаны отъ мѣщанки Акулины 10—11 сент. 1834 г. П. В. К-имъ.—*Ред.*

1383.

Соловеюшка ты мой молодой,
 Чернобровенькій мальчикъ удалой,
 Стань послушай-ка, что я вамъ скажу,
 Я словесно чудесно накажу:
 Не пой рано, соколикъ, по утру

По утренней холодной росы.
 Скучно, грустно мнѣ стало молодцу,
 Самъ не знаю, скучно почему,
 Только знаю, болить сердце по ей,
 По сударушкѣ-дѣвушкѣ своей.
 Сударушка, любовь-дѣвушка!
 Не гнѣвайся, радость, на меня,
 Что я не былъ вечеръ у тебя.
 Былъ я, былъ я въ сумѣркахъ безъ огня,
 Не узнала ты, дѣвушка, меня,
 Отсылала ты прочь отъ себя:
 Отойдитко ся ты, молодчикъ, прочь.
 Пристигала молодца темна ночь
 Близъ фатерушки дѣвушки своей,
 Фатерушка молодцу не мила,
 Хозяюшка очень молода,
 Кроватушка нѣва тесова,
 Перинушка мѣгка пухова.

Пѣсня записана П. В. К-имъ 9 сент. 1834.—*Ред.*

в) Валдайскій уѣздъ. С. Едрово.

1384 (1).

Чернобровенькій мальчикъ, удалой,
 Разпослушай, что я тѣ скажу,
 Всѣ словесно я тебѣ накажу:
 Не пой рано поутру,
 По утрѣной холодной зорѣ.
 Тошно, грустно то мнѣ, молодцу,
 Во горенкѣ сидѣть одному,
 Я не знаю, по чему.
 Знаю, знаю: всё по ей,
 По сударушкѣ своей.
 Ты, любезная моя,
 Удалилась отъ меня,
 Удалилась отъ меня
 За четырѣ ровно ста 2.
 Во матушку во Москву.
 По Москвы мальчикъ гулялъ,
 Извозничковъ нанималъ,
 Извозничковъ не нашелъ,
 Самъ заплакалъ, да пошѣлъ,
 Самъ заплакалъ да пошѣлъ
 Ко товарищу зашѣлъ.
 „Товарищъ мой, товарищъ,
 Ты товарищъ молодой,
 Ты товарищъ молодой,
 Подумаемъ со мной.

Мы подумаемъ, погадаемъ,
 Кого милому послать?
 Ужъ мнѣ стараго послать,—
 Старъ не доидетъ до него,
 А мнѣ младаго послать,—
 Младъ не смыслить, что сказать“.

1385 (2).

Ваня, миленькій дружечикъ,
 Размалиновыи душечикъ!
 Проторилъ Ваня дорожку
 Черезъ рѣченку въ слободку,
 Ко Ульяину къ окошку.
 Ужъ ты, Уленька, Ульяна,
 Дома-ль милая, румяна?
 Открой, Уленька, окошко,
 Хоть середняго да немножко,
 — Ужъ я рада бы открыла,
 Да боюсь батюшки,
 Боюсь я батюшки,
 Опасаюсь матушки.
 Что у батюшки пиръ въ гостяхъ,
 А у матушки были гостейки,
 А у подруженекъ да сестрицы!

Пѣсни 1384, 1385 записаны П. В. К-имъ 13 сент. 1834 г. отъ извозника.—*Ред.*

г) д. Сосница.

1386 (1).

Изъ за лѣсу, изъ за тѣмного,
 Изъ за садику было зелѣнаго
 Заходила туча грозная,
 Туча грозная со частымъ дождѣмъ.
 Дочка къ матери въ гости ѣхала,
 Лошадушка уморилася,
 Середъ лѣсу становилася,
 Середъ лѣсу, лѣсу тѣмного,
 Подлѣ садику зелѣнаго.
 Я нарву-тко хмѣлю яраго,
 Наварю я пива пьянаго,
 Назову я дорогихъ гостей,
 Дорогого гостя батюшку,
 Дорогую гостью матушку,
 Приближенныхъ своихъ сусѣдушекъ,
 Расскажу, что я молода молодѣшенька
 Про-свою-то про горькую жизнь,
 Про горькую жизнь про вдовью-то:
 Какъ мнѣ молодѣшенькѣ
 Прожить мнѣ съ малымъ дѣтушкамъ,
 Безъ удалой-то головушки?

1387 (2)

Матушка
 Родная!
 Я чернецъ,
 Я молодецъ,
 Я Святогоръ,
 Я богомоль,
 Я съ першѣчки,
 Я съ мершѣчки,
 Я съ Москвы,
 Я съ Вологды!
 Матушка!
 Я пощупалъ да ушѣлъ.
 Я чернецъ и т. д.
 Матушка!
 Просилъ, да не дала!
 Я чернецъ, и т. д.
 Матушка!
 Выпросилъ, да вѣдь дала!
 Я не чернецъ,
 Не молодецъ,
 Не Святогоръ,
 Не богомоль,
 Не съ першѣчки,
 Не съ мершѣчки,
 Не съ Москвы
 Не съ Вологды.

1388 (3).

По напрасну я, Ванюшка, не женился,
 Любилъ дѣвушку, самъ не взялъ.
 По неволюшкѣ Ваня женился,
 Не п'обычью жену взялъ,
 Не п'обычью, не по мысли.
 Я не буду въ любви жить,
 Я не буду, я не стану
 Свою женочку любить,
 Буду къ дѣвушкамъ ходить,
 Стану дѣвушекъ любить.
 Я со той тоски-кручины,
 Я со этого со горя
 Я пойду-тко въ чистое поле,
 Я по полюшку похожѣ,
 Тоску-горе разнесу.
 Противъ рѣчки на лужечкѣ
 Распрекрасна смерть идѣть:
 Вотъ я смерти не боюсь,
 Подойду я къ смерти поближе,
 Поклонюсь смерти я пониже:
 „Ахъ ты, смерть моя распрекрасна,
 Помори мою жену!“
 Не успѣлъ я домой воротиться,
 Какъ моя жена лежитъ,
 Во постелюшкѣ лежитъ,
 Сама плачетъ, говоритъ.

1389 (4).

Во лѣсахъ-то было, во лѣсахъ-борахъ,
 Во сырыхъ борахъ, во дремучиихъ,
 Брала Машинька грибки, ягодки,
 Бравши Машинька призадумалась,
 Призадумавшись, слезно плакала,
 Во слѣзахъ-то Машинька заблудилася,
 Заблудивши, Машинька вышла на дороженьку,
 Вышла на дороженьку, сѣла на колоденку,
 Сѣвши Машинька на колоденку стала укати,
 Свою мила дружка кликати:
 „Ахъ ты миленькій, сердечный другъ!
 Ты подай-ко ся голосъ черезъ тѣмный лѣсъ,
 Черезъ тѣмный лѣсъ, черезъ быстрыя рѣ-
 чѣшкі,
 Черезъ быстрыя рѣчушки, черезъ кусты-то
 ракитовы“.
 — Радъ бы, Машинька, я от'укнуться,
 По бокамъ-то стоитъ два три сторожа!
 На первой-то сторожъ—тесть-то батюшка,
 На второй-то сторожъ—теща матушка,
 На третьей-то сторожъ—моя-то молода жена,

Молодѣ жена, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная.
На руки лежи', во глаза гляди',

Во глаза гляди', цѣловать вели'!

Пѣсни 1336—1388 зап. П. В. К.—имѣ отъ Савелія
трубочиста 6 сент. 1834 г.—*Ред.*

д) с. Яжелбицы.

1390 (1).

Голубь сизенькій, ворковистенькій!
Не сизъ, не перистъ, не веселый былъ,
Не веселый былъ, не при радости,
Не при радости, при бѣдности.
Вечеръ у меня голубушка была,
Въ саду гуляла, пшено клевала,
Пшено клевала, водицу пила,
Водицу пила, на ручкѣ спала,
На правой на ручушкѣ, лѣвой обнята была.
Проснулся голубчикъ,—голубушки нѣтъ.
Полетѣлъ голубчикъ голубушку искать,
По вѣтмъ дальнимъ городамъ, по зеленымъ
садамъ:
Нашелъ голубъ голубушку: убитая лежитъ,
Убилъ её, застрѣлилъ купецкій сынъ.

1391 (2).

Какъ за рѣченькой слободушка,
По слободкѣ жила вдовушка,
У вдовушки дочь хорошая,
Дочь хорошая, звали Машинькой,
Звали: Маша чернобровая,

Чернобровая, черноглазая.
Не ты ли, Машинька, меня повысушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студѣнаго,
И безъ вѣтру полудѣннаго!
Ты звѣзда ль моя восточная,
Восточная, полуночная.
Высоко звѣзда восходила,
Выше лѣсу, выше тѣмнаго,
Выше садечку зелѣнаго,
Выше города Персидскаго.
Въ этомъ городѣ стоялъ зелѣный садъ,
Во этомъ садикѣ тюремашка,
Во тюремашкѣ невольничикъ,
Невольничикъ, добрый молодецъ;
Ручки-ноженьки закованы,
Въ кандалахъ они заклепаны.
За какую я сажу побѣдушку?
За душу, за красну дѣвушку,
За прежнюю полюбовницу,
Со которой я гулялъ,
Разпрятно ее цѣловалъ
И разкраличкой душечкой называлъ.

Пѣсни 1390—1391 записаны П. В. К.—имѣ отъ из-
вощика 13 сент. 1834. Ср. пѣсню 1362.—*Ред.*

е) Череповецкій уѣздъ. Д. Завражье.

1392 (1).

Что за рѣченькой было, за Небрагою,
Не польнь-то травонька шаталася,
Что шатался, валялся за душа моя,
Что за душечка-душа, добрый молодецъ,
Добрый молодецъ не самъ своею охотою,
Что охотою: охота—жизнь боярская,
Жизнь боярская—служба Государева,
Государя Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Что со вечера было, со полуночи,
Не частымъ ли то звѣзды поразсыпались,—
Разсыпалася сильна армія по святой Руси,
По святой Руси, каменной Москвѣ.

1393 (2).

Шелъ Ванюшенька долиною,
Шелъ вечернею зарею.

Утренней росой шла Машенька изъ садочку,
Въ рукахъ несла два вѣночка,
Съ милымъ говорить:
„Ты пастухъ ли мой, пастушечекъ,
Пастухъ, дѣвушкинъ дружочекъ! не спокій
меня“.

Я туда-то сюда бросался,
Со скотинушкой управлялся,
Домой поспѣшалъ.
Маша пала за ракитовый кусточекъ;
Ванюшенька испугался, за ракитовъ кустъ
онъ бросался,
Толкнулъ Машу въ грудь, Маша испугалась,
Домой бросалась.

Ванюшенька ко Машенькѣ бросался:
„Что ты, Машенька, черноброва,
Почему любишь инова
Парня, не меня?“

1394 (3).

Заболѣла головушка, не знаю, какъ быть:
Своего дружка милого не могу его забыть;
Кому не скажу про печаль, всё велятъ пла-
каться, тужить.

Поплачь, дѣвушка, погорюй, душа, по мнѣ,
Поплачешь безъ меня, безъ меня то, безъ
молодца.

Какъ уѣду отъ тебя въ дальни чужи города,
За синія за моря, за тихіе острова.
Вырасталъ зелёнь садъ, въ томъ садикѣ ку-
стики,
На кустикахъ прутыки, на прутыкахъ ли-
ствице,

На листочкахъ слезы мои.

Пѣсни 1392—1394—запись (карандашомъ) П. В.
К-аго (1834 г.?).—Ред.

VI. Тверской губерніи.

а) г. Тверь.

1395 (1).

Ужъ какъ я ли, молода, одинокая была;
Одинокая была, въ одиночествѣ жила.
Затопила я избѣшкѣ, сама по воду пошла,
Сама по воду пошла на Самару на рѣку,
На Самару на рѣку, по ключевую воду.
Размахнула широко, почерпнула глубоко;
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла,
Подняла, пошла, за рѣку зашла.
На встрѣчу мнѣ кумѣ... кума: [домой,
„Подъ, кумушка, домой, поди, голубушка,
У тебя вѣдь, кума, истопилася изба,
Истопилася изба, переугились дрова;
Одинъ кашничекъ въ печи надсѣлся кипучи,
Въ колыбели дитя надсѣлся крича,
На привязочкѣ теля надорвался ревя;
Подъ повѣтью кочетокъ надсѣлся крича:
Что куда, куда хозяйшка ушла?
Что ушла наша хозяйшка къ сусѣду по огонь“.

1396 (2).

Какъ у нашего сосѣда созвана гостей бе-
сѣда:
А всё молодцы, дѣвицы, молодые молодцы.
А всё дѣвушки смирененьки, одна дѣвушка
востренька:
Съ молодцомъ пошла плясать, съ парнемъ
шуточку шутила,
Съ парнемъ шуточку шутила, парню на ногу
ступила.
Всю ноженъку отдавила; стала ноженъка бо-
лѣти,
Сталъ дѣтинущка хворать;
Стала дѣвушка тужити, часто по воду хо-
дити,
На окошечко взираетъ, тяжелехонько възды-
хати.

„Не вздыхай, моя надежа, уже самъ я про то
знаю,
Знаю, знаю, размышляю, съ кѣмъ лучше
повидаться:
Съ старой бабою водиться,—худой славушки
добиться.
Съ молодницею водиться,—босуногу нахо-
диться,
Съ красной дѣвицей водиться,—въ цвѣтномъ
платѣи находится.
Износилъ я у дѣвицы черныи смуръ каф-
танъ съ...
Миткалиную рубашку, пестрединные пор-
точки
Съ кумашными выторочками“.

1397 (3).

Ахъ ты зятъ мой, зятюшко!
Дорогой гость, батюшка!
У тебя нѣтъ, у зятюшка.
Ни уса, ни бородушки,
Ни сохи, ни боронушки;
Въ угородѣ нѣтъ бороздушки,
На гумнѣ нѣту кладушечки,
На столѣ нѣту краюшечки,
Ни въ мошнѣ нѣту полушечки,
— Ахъ ты теща, ты теща моя!
Дорогая теща, ласковая!
Отдала ты свою дочку за меня,
А твоя дочка умница,
Она умная, разумная была:
А поставила она кросна,
А кроснамъ-то девятая весна,
А десята славна масленица.
А колода-то подъ поломъ,
По колѣни въ землю втоптаная,
На подножкахъ трава выросла,
На просѣсти цвѣты выпцвѣли.—

„Охъ ты зять, ты мой затюшко!
Дородой гость, батюшка!
Навостри ты косу на остро,
Су подножекъ траву выкоси,
Су просѣсти цвѣты выщипли,
На печи сѣно высуши,
На палатахъ стогъ смети,
Подъ полатями коня привяжи,
Чтобы ближе моей дочери ходить,
Чтобы ближе коня кормить.“

1398 (4).

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла,
Не величка, круглоличка, румяное лице,
Не богата, таровата, съ людьми важевата.
За ней ходить, за ней бродить удалой мо-
лодчикъ,
За ней носить, за ней носить дороги по-
дарки,

А такіе дорогіе: кумачъ да китайки.
„Кумачу я не хочу, китайки не надо;
Принеси мнѣ молодецъ алаго глазету
На двѣ шубки, на двѣ юбки, на двѣ душе-
грѣйки“.

А спасибо, молодчинѣ, урядилъ дѣвчину:
Не безчестно красной дѣвкѣ на улицу вытти,
На улицу выходить, круги заводити,
Круги, круги заводити, рѣчи говорити:
Ужъ не полно ли, ребята, чуже пиво пити?
Не пора ли намъ, ребята, свое заводити?
Солодъ молодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ;
На тычинѣ, на тычинѣ, на самой вершинѣ,
А вода-то во Дунаѣ, дрова во болотѣ.

1399 (5).

Какъ за горницею,
За повалушею,
Что ни въ гусли-то играютъ,
Ни въ свирѣль говорить,—

Говорить душа дѣвица
Съ удалымъ молодцомъ:
„Охъ душечка, молодчикъ,
Удалой молодецъ!
Ты шути со мною,
Словно братъ съ сестрою;
Я украдуся у батюшки
Гулять съ тобою;
Я по заднимъ воротамъ
Ко сусѣду въ огородъ“.
У сусѣда въ огородѣ
Капуста бѣла;
И бѣла и виласъ,
Со тыномъ равна.
Кабы волюшка была,
Заломаль бы ее,
Вонъ повытащилъ.

1400 (6). *)

Собиралися дѣвинушки пивонюшку варить:
Коя горсточку муки, коя ложку воды,
Коя солоду зерно, коя хмѣлю перо.
А дѣвонюшкамъ пивонюшко поудалось;
А пришлохъ ко дѣвонюшкамъ гость дорогой:
Посадили же гостя впереди въ углу;
Первучару поднесли, — за черны кудри трясли:
А другую поднесли, — черезъ столъ тащили,
А по полу молодца потаскивали,
А по середѣ, что въ овесъ толкли.
Вышелъ су-дѣтинка на улицу гулять:
То-то пиво, то-то пьяно, то-то сыченое!
Въ головѣ пиво шумить, въ поперекѣ болить!
На встрѣчу су-дѣтинкѣ семь поповъ:
„Ахъ вы батюшки, попы, вы духовные отцы!
Причастите молодца, исповѣдайте!“

*) Пѣсни 1395—1400—отнесены къ Тверскимъ на основаніи сдѣланной позднѣе (карандашомъ) пометы: „Туринъ“, „Туринъ Тверь“. Этого же П. В. Турина записи 1837 г. см. вып. 1., пѣсни 1151 и сл.—Ред.

б) Тверской уѣздъ, Мѣдный Ямъ.

1401.

Не одна-то красная дѣвушка назвала замѣ-
тушкой:
„Ты замѣтъ, ты замѣтъ, горькая пьяница!
Ужъ ты пропилъ все свое житье-бытье,
Все житье бытье, все богатство.
А еще, какъ замѣтъ-то разлюбезный, пару во-
роныхъ коней,
Вороныхъ коней со всей запражкой

И со новой колясочкою!“
Что не одна-то въ путь дорожкѣ звала почевати:
„Ты ночуй ко, ночуй, мой разлюбезный, хоть
единую ноченьку!“
— Я и радъ бы, моя любезная, хоть на цѣлую
недѣлюшку,
Я боюсь-то твоего толькѣ рѣдного батюшку
И родной опасаясь матушки.
Помѣта самого П. В. К.: „Извозчикъ. 16 сентября“.
(1834 ?).—Ред.

в) Осташковскій уѣздъ, г. Осташковъ.

1402.

По загүменью тропиночка лежи,
 По тропинушкѣ дѣтинушка идѣ.
 Дѣтинушка, удалой молодецъ,
 Всеё травушку муравушку примялъ,
 Все лазуревы твѣтѣчки посорвалъ.
 Онъ къ млáдыя ко дѣвицѣ ходилъ,
 Много злата, много серебра сносилъ,
 Безъ расчёту золотой казны,
 Безъ аршиньчика камѣчки отдиралъ:
 „Ты камѣчка, камѣчка моя,
 Не давайся развѣртаться
 Что ни князю, ни боярину,
 Ни тому сыну гостиннаго двора!“
 Что гостинный-то сынъ волюшку берѣ,
 Красну дѣвушку за ручушку ведѣ.
 Дѣвица мѣлодца голүдбой назвала:
 „Ты голүдба, удалой молодецъ!“
 У голүдбы столбы тѣченны,
 Вереюшки позолоченны,
 Приворотенка изъ рыбаго зуба;
 Въ приворотенкѣ бѣлъ камушекъ лежи,

Изъ подъ камушка быстра рѣчка бѣжи.
 По той рѣчушкѣ гоголюшко плывѣ,
 Головушку выше бережка несѣ,
 За гоголюшкой суденушко идѣ,
 Во суденушкѣ немножко людей:
 И немножко, всего семь человекъ,
 А осьмой-то кашеваръ кашу варилъ,
 А девятый водолей воду лилъ,
 А десятой удалой молодецъ
 По суденушку похаживаѣ,
 Калену стрѣлу закладываѣ:
 „Ты лети, лети, калѣная стрѣла,
 Ты убей, убей, калѣная стрѣла,
 На полетѣ млада ясна соколá,
 Сѣру утушку на крѣтомъ бережку,—
 Красну дѣвицу въ *) высокомъ теремѣ:
 Сѣра утушка-то вѣства моя,
 Красна дѣвица невѣста моя!“

Пѣсня записана П. В. К-имъ 24 июня 1834 г.
 отъ Матѣя Жидкова; см. вып. 1., пѣсню 225.—*Ред.*

*) Поправлено позднѣе изъ „у“.

г) Погостъ Рагүза.

1403. (1).

Ты воспой, воспой, млáдый жаворо́ночикъ,
 Весной на проталинкѣ,
 Взвесели меня, добраго молодца,
 Добраго молодца во неволюшкѣ,
 Во неволюшкѣ, въ тѣмной тѣмницѣ,
 Въ темной тѣмницѣ, въ затюрѣмницѣ!
 Я не годъ сижу и не два года,
 Я сижу въ тюрьмѣ равно три года;
 На четвертый годъ пишу грамотку,
 Не перомъ пишу, не чернилами,
 Я пишу письмо горячимъ слезамъ:
 „Государь ты мой, родной батюшко!
 Государыня, родна матушка!
 Ужъ вы выкупите меня изъ неволюшки,
 Изъ неволюшки, изъ тѣмной тѣмницы!“
 Отецъ съ матерью испугалися,
 Отъ своего сына отрекалися:
 Что у насъ въ родѣ воровъ не было,
 Воровъ не было, ни разбойниковъ.
 Какъ Богъ судья мому батюшкѣ,
 Мому батюшкѣ, родной матушкѣ,
 Что не выкупили, не выручили
 Меня изъ неволюшки!

1404 (2).

Позавялъ, позапалъ въ полѣ розовый цвѣтокъ:
 Позабылъ, позакинулъ меня миленькй дру-
 жокъ,
 А самъ воръ на чужой на дальней сторонѣ!
 Есть-бы *) волюшка отъ батюшки была,
 Есть-бы вольное отъ матери житьѣ,
 Всю-бъ я зимочку по сѣпечкамъ гулялъ,
 Всѣ-бъ я всѣ-бы на бесѣдушку ходилъ,
 Ужъ я всѣ-бы промежъ двухъ дѣвокъ сидѣлъ,
 Я бы всѣ-бы на хорошую смотрѣлъ,
 Я глядѣлъ-смотрѣлъ, съ очей бы не спущалъ!
 Воротися, весна красная, назадъ!
 Покатились горячи слѣзы изъ глазъ!
 Вспомни, радость, мою прежнюю любовь!
 Какъ гуляли мы во зеленомъ саду,
 Пили, ѣли, веселились другъ съ тобой.
 Говорили мы такія словеса:
 „Не грусти, мой другъ, заочно обо мнѣ!“
 — Ты зачѣмъ, шельма, влюбилася въ меня?
 Много видѣла обмановъ отъ меня!—
 „Я не знала, что обманешь, другъ, меня;
 Я прельстилася на ласковы слова:
 Ласковы слова обманчивы-то,

А привѣтливѣ насмѣшливѣ-то.
Когда вижусь съ дружкоймъ, веселѣшенька
хожѹ;

А не вижу, во постелюшкѣ лежѹ,
Всю постелюшку боками изотрѹ,
Никому своей кручины не скажѹ,
На своѣмъ на скрытомъ сердцѣ продержѹ. (***)

*) Если бы—сноска въ рукоп.—*Ред.*

**) Обѣ пѣсни руки П. В. К.; помѣта: 24 июня
1834 г.—*Ред.*

1405 (3).

Дума дѹму побиваетъ,
Милъ сердѣчный забываетъ;
Не знаю, какъ быть,
Безъ милого дружкѣ жить!
Хорошъ мальчикъ уродился,
Немножечко поводился,
Вѣ-вѣки отсталъ,
Любить меня пересталъ.
Нападѣть грусть, тоска-кручина,
Зазову къ себѣ дружка ночку ночевать,
Одинъ часикъ часовать.
Милый ночушку не спалъ,
У кроватушки стоялъ,
Дѣвицу будилъ,
Красавицу разбудѣлъ:
„Вставай, дѣвица, пораньше!
На дворѣ бѣлый день зоря:
Намъ иттигъ порѣ;
Провожай, радость моя!“
Такой власти не имѣю,
Провождать дружка не смѣю,
Ванюшку туда,
За заднія ворота.
Боюсь, батюшка, тебя:
Прибѣешь ты меня!
Черны глаза подобѣешь,
Русу косу расплетѣшь,
Шельмой назовѣшь,
Бездѣльницею!

1406 (4).

Не во времячко бѣлыя снѣжки выпали:
Они выпали межень *) лѣта тѣплаго,
Времячка рабочаго, поры сѣнокосныя.
Маша траву косила, косу въ траву бросила,
Сама Машинька за гульбой пошла
Да за лѣгкою за работою.

Повстрѣчалася Марьюшка Иванушкѣ
Среди лѣса тѣмнаго;
Сталъ Ванюшенько Машиньку спрашивать:
„Откуда, Машинька, вечеръ поздно шла?“
Маша Ванюшкѣ не корѣлася;
Послѣ Машинька повинилася:
„Хочу, Ванюшка, нѣмче такъ пожить,
Нѣмче такъ пожить, безъ гуляница,
Безъ гуляница, безъ худой безъ славушки.“
Ванѣ словечко не попадалося:
Онъ ударилъ Машу по бѣлѹ лицу,
По бѣлѹ лицу, по щекамъ румяной,
По серцамъ жемчужной.
Изъ бѣла лица у Машиньки
Руда-кровь и брызнула,
Жемчужная серѣжка разсыпалася,
Изъ ясныхъ очей слѣзы покаталися.

*) На верху рукой П. В. К.: „середѹ“.—*Ред.*

1407 (5).

Какъ во славномъ во городѣ во Торѹпцѣ,
Что за славною рѣкою за Торѹпой,
Становился Римскій полкъ по квартирамъ;
Они зиму зимовали, царствовали,
Какъ на лѣто въ походѣ полку сказали.
Ужъ вы, кумушки наши, голубки!
Мы пойдѣмте въ соборъ Богу молиться,
Чтобы Римскому полку взадъ воротиться,
Чтобы по старымъ квартирамъ становиться,
Чтобы по прежнему со дѣвушкамъ водиться!
„Ужъ вы, кумушки, наши голубки!
Вы любимыя наши подружки!
Во которомъ вы городѣ гуляли?
Ано гдѣ жъ вы молодцовъ себѣ выбирали?“
Какъ у васъ мужья все молодѣе,
У меня-ли молодѣнькѣ старичище;
Старичище не пукаетъ на игрище.
Я уходомъ отъ старѹго уходила,
Я убѣгомъ отъ злодѣя убѣгала,
Подъ полою цвѣтно платьѣ уносила,
У сусѣда во бесѣду снарядилася.
Я не долго съ офицеромъ говорила:
Со вечерней зарѣ до бѣла дня.
Я не знаю, какъ мнѣ къ старцу показаться*).

Пѣсни 1403 — 1407 записаны, повидимому,
П. В. К. 24 июня 1834 г.—*Ред.*

*) Въ началѣ пѣсни помѣта рукой К—аго: „На
голосъ: „Какъ проходить дорогая мимо кельи“.

д) д. Острица.

1408 (1).

Кабы волюшка отъ батюшки была,
 Кабы вольное отъ матушки житѣ,
 Всю бъ я зимушку по сѹпредкамъ *) ходить,
 Завсегда бы промежь двухъ дѣвокъ сидѣть,
 Завсегда бы на хорошую глядѣть.
 Я глядѣль-смотрѣль, съ очей бы не спущалъ:
 Наглядитесь, очи ясны, про запасъ!
 Покатились горячі слѣзы изъ глазъ!
 Седце слыши', животъ боли' по тебѣ,
 Мое сердце погибаетъ завсегда.
 Никому своей кручины не скажу,
 На своемъ на скрытномъ сердцѣ содержу.
 Вспомни, радость, свою прежнюю любовь,
 Вспомни, радость, гдѣ гуляли мы съ тобой:
 Мы гуляли во зеленомъ во саду,
 Пили, ѣли, веселились другъ съ тобой,
 Говорили такія словеса:
 „Не грусти, мой другъ, заочно обо мнѣ!“
 Воротися, весна красная, назадъ!
 Вы воспойте, мелки птишки, во лѣсу!
 Намъ не гуливать въ зеленомъ во садѣ,
 Намъ не жить съ дружкой по прежнему въ
 любви!

*) Сѹпредки—бесѣды, посидѣлки.—Прим. П. В. К.
 Позднѣе поправлено (карандашомъ) на: „супряд-
 ки“, какъ и въ текстѣ.—Ред.

1409 (2).

Какъ бывало-то усовъ и слыхомъ не слыхать,
 А какъ нонече усы проявились на Руси:
 Какъ не много, не богато—полтораства молод-
 цѣвъ.
 Ай да усы, ай да усы, да усы, усы, усы!
 Вы по улицѣ идите, не фѣркайте,
 Ай, да усы, ай да усы, да усы, усы, усы!
 и т. д.
 Вы во дворъ входите, не шумѣркайте,
 А вы въ избу-то входите, молитву творите.
 Нутко-ся, хозяинъ, поворачивайся!
 Клади денежки на столъ, да расплачивайся!
 А хозяинъ-то божится, да что денегъ нѣтъ,
 А хозяйшка ракъ *)), да что денежекъ
 нѣтъ;
 Сиди' дѣвка за квашней: нѣтъ копѣйки за
 душой;
 А дуракъ на печѣ, онъ своё городи':
 „Что батько-то врѣ? да и денегъ нѣтъ?
 У насъ полъ потолокъ серебромъ поволокъ!“
 Нуте-тко, усы, за свои промыслы!

Ко стало со кручинѣ (sic?), нащенайте-тко
 лучинѣ,
 Вы берите уголёкъ, раздымайте огонекъ.
 Вы тащѣте-тко хозяина, какъ свинью палить,
 Вы тащѣте-тко хозяйку, какъ овцу стричь!
 Кладѣ' денежки на столъ, да расплачивается.

*) Раку́ться—божиться.—Прим. П. В. К.

1410 (3).

У молодца въ домѣ нездорово,
 Молодѣ жена захворѣла:
 Ты хворай-ко-ся, жена, полишѣ,
 Умирай-ко, жена, поскорѣ,
 Отпущай ты меня, молодца, на волю!
 Я пойду жъ-то, молодецъ, въ зеленую рощу,
 Я сѣку, срублю зеленую сосну,
 Отсѣку жъ-то, отрублю съ ней комелѣчикъ,
 Я построю, срублю жены теремчикъ.
 Хороню жену, радуюсь, на другой женюсь,
 веселюся.

1411 (4).

Старики наши старѣе,
 У васъ бороды сѣдые (2),
 Усы стриженные.
 Вы не хлопайте усами,
 Шевелите бородами.
 Бородамы шевелили,
 Господина веселили;
 Господа на насъ глядятъ,
 Веселиться намъ велятъ.
 Веселися, милый мой,
 Веселися, дорогой!
 — Вдоль улицы мостовой
 Шла дѣвица за водой,
 За холодной ключевой;
 За ней парень молодой;
 Кричи': дѣвица, стой!
 Кричи': дѣвица, стой!
 Красавица, погоди,
 Бѣлы руки подожми,
 Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
 За холодной ключевой!

1412 (5).

По зеленомъ садику летаетъ соколъ,
 Соколъ, соколъ, соколъ, летаетъ соколъ.
 Бѣлая лебѣдушка повыше его,
 Его, его, его, его, повыше его,

Соколь у лебѣдушки выпрашивае',
 Её, её, её выпрашивае':
 „Бѣлая лебѣдушка, гдѣ же ты была?“
 Была, была, была, гдѣ же ты была.
 — Я была, лебѣдушка, на синѣмъ морѣ;
 Морѣ, морѣ, морѣ, на синѣмъ морѣ.
 На синѣмъ-то на-морѣ плавае' корабль,
 Корабль, корабль, корабль, плавае' корабль.
 Во этомъ въ корабликѣ состроены чердачокъ;

Чокъ, чокъ, чокъ, чокъ, чокъ, чокъ, со-
 строены чердачекъ.
 Во этомъ чердаченкѣ вдовушка живѣ',
 Живѣ, живѣ, живѣ, вдовушка живѣ!
 Во этомъ караблнкѣ да много людей.
 Людей, людей, людей, да много людей.

Пѣсни 1408—1412 записаны П. В. К. 22 июня 1834.

е) д. Сѣсница.

1413.

По мху, я, дѣвушка, ходила,
 Во мху я, красная, гуляла,
 Во мху я, во мху я.
 Во мху, во мху, во мху я!
 Ольху я, дѣвушка, скобила,
 Ольху я, красная, скобила,
 Ольху я, и проч.
 Сѣтку я, млада, красила, 2
 Сѣтку я, и проч.
 Рыбку я, млада, ловила, 2

Рыбку я, и проч.
 Уху я, дѣвушка, варила, 2
 Уху я, и проч.
 Гостей я дорогихъ звала, 2
 Гостей я, и проч.
 Уху я, дѣвушка, хлебала, 2
 Уху я, и проч.
 Драгихъ гостей ухой потчивала 2
 Ухой я, и проч.

Запись П. В. К.

ж) д. Гальтино.

1414.

По тропинукѣ дѣтинушка бѣжи',
 Онъ бѣжи', бѣжи, не ухажнется,
 Бѣлый волосъ не ворохнется;
 За дѣтиною купеческая дочь:
 „Ты стой, стой, дѣтина холостой!

Ты чего, дружокъ, не женишься,
 На кого, милый, надѣешься?“
 — Я надѣюсь на батюшку,
 На родиму родну матушку,
 А еще таки на Господа.

Помѣта П. В. К.: „11 июля“ (1834?).—Ред.

з) Ржевскій у., д. Болотники.

1415 (1).

Долина, долинушка, раздолье широкое!
 На тый на долинушкѣ стояла калинушка;
 На томъ ли на кустикѣ садилась кукушечка,
 Садилась кукушечка, мелкая соловьюшка.
 Плачетъ-гужитъ дѣвица по доброму мѣлодцу,
 По доброму мѣлодцу, по улану-солдатушкѣ:
 „Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, душа,
 красная!
 Солдаты во походѣ пойдутъ, дѣвку за со-
 бой возьмётъ!“
 —Я бѣ рада не плакала, сами слѣзы ко-
 тятся!—

„Наплачешься дѣвушка добровольно безъ
 менѣ!
 Пришлю, пришлю, дѣвица, золотъ перстень
 со руки:
 Перстенечикъ не носи, въ коробочку положи,
 Въ коробочку положи и замѣчикомъ запри.“
 Отъ старухи.—Помѣта П. В. К.

1416 (2).

Ахъ ты Волга моя, Волга матушка!
 Хорошо Волга разливалась,
 Со крутымъ берегамъ сопожнялася;
 Потопила Волга зеленъ дуга,

Поняла Волга всѣ доли горы!
 По тѣй Волгѣ бѣжить лодочка:
 Хорошо лодка приукрашена;
 Въ этой лодочкѣ сидѣть красна дѣвица,
 Кричитъ-вонитъ громкимъ голосомъ:
 „Переймитетка вы мою лодочку!
 Я за лодочку заплачу сто рублей!“

1417 (3).

Не одна-то не одна во полѣ дороженька,
 Не одна пролегалла, 2
 Что не травушкой, не муравушкой
 И—она уростала, 2
 Частымъ ельничкомъ, горькимъ осинничкомъ
 Её заломало, 2
 Что нельзя-то, нельзя къ любушкѣ—суда-
 Нельзя въ гости ѣхать. 2 [рушкѣ
 Хоть поѣду, поѣду, къ любушкѣ—сударушкѣ,
 Я любить не стану; 2
 Да хоть и буду сударушку любить,
 Ночевать не буду; 2
 Хоть и буду я ночевать,
 А я спать не лягу; 2
 Хоть и лягу спать,
 Обнимать не буду; 2
 Хоть и буду обнимать,
 Цѣловать не стану!—2
 Что не травушка, не муравушка
 Мой дворъ уростаётъ; 2
 Горькимъ лопушничкомъ
 Мой дворъ устилаетъ! 2

Какъ со вечера снѣжки
 Выпадали, 2
 Ко бѣлу свѣту снѣжки
 Призавьяли! 2

Да не сталь-то, не сталь мой милый другъ,
 Ахъ, въ гости ѣздить! 2

1418 (4).

Ахъ, дѣвица, красавица,
 Мои прежняя полюбовница!
 Тебя любилъ, счастливъ я былъ,
 Любить не сталь, несчастенъ сталь.
 Ахъ, горе моё великое,
 Печаль-тоска несносная!
 Охъ, я съ горя въ чисто поле:
 Въ чистомъ полѣ кусты пусты!
 Ужъ я съ горя въ темны лѣсы,
 Въ темны лѣсы, въ сыры боры;
 Въ темныхъ лѣсахъ листы шумятъ!
 Ахъ, горе моё великое,
 Тоска-печаль несносная!
 Ужъ я съ горя въ зелены луга;
 Въ зеленыхъ лугахъ твѣтѣ твѣтѣтъ,
 Твѣтѣ твѣтѣтъ лазоревы;
 Сорву твѣтѣтокъ, совою вѣнокъ
 Милу другу на головушку!
 Носи, мила, не складывай.
 Люби меня, не сказывай,
 Терпи горе, не складывай!

Пѣсни 1415—1418 записаны *И. В. К.* 9—13 июня
 1834 г.—*Ред.*

и) Новоторжецкій уѣздъ, д. Качанова.

1419.

Калинушка съ малинушкой, лазоревый твѣтъ!
 Веселая бестдушка, гдѣ миленькій пѣ!
 Онъ пить не пѣ, голубчикъ мой, за мной
 молодой шлѣ;

А я, младѣ младѣшенька, замѣшкала,
 За ѣткамы, за гусымы, за лебедямы,
 За вольною за пташечкой за журушкою.
 Журавушка вдоль бережку похаживаетъ,
 Шелковую въ полѣ травушку пощипываетъ,
 За рѣченьку за быструю посматриваетъ:
 За рѣченькой за быструю слободка стой,
 Слободка не маленькая, только цетыре двора;
 Во этихъ во дворикахъ цетыре кумы.

Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
 Кумитеся, любитеся, любите меня!
 Пойдете вы во зелѣный садъ, возьмите меня!
 Сорвете по твѣтку, сорвите и мнѣ!
 Совѣте по вѣннику, свѣйте и мнѣ! *)

Записана *И. В. К.-имъ* отъ извощика Савелья
 21 мая 1834 г.—*Ред.*

*) Въ д. Острицѣ, Осташковскаго уѣзда, послѣ
 послѣдняго стиха поется еще:

Вы пойдете на Дунай-рѣку, возьмите меня!
 Вы бросите вѣнки въ воду, вы бросьте и мой!
 Какъ всѣ вѣнки поверьхъ воды, а мой потонулъ!
 И всѣ дружки съ Москвы пришли, а мой не при-
 шёлъ!—*И. В. К.-ий.*

VII. Костромской губ.

г. Кострома.

1420.

Дѣвка платье мыла,
 Шибко колотила,
 Туго выжимала,
 Дружка поджидала.
 То оглянется туда,
 То оглянется сюда...
 На всѣ стороны глядѣть.
 Вотъ на ворономъ конѣ
 Онъ къ красоткѣ подѣзжаетъ,
 Бьетъ красавицѣ челомъ:
 „Богъ на помощь, дѣвица!
 Платье мыть до бѣла,
 Чтобы вовсе не носилось никогда,
 Бѣлое было“.
 Дѣвица спѣсива
 Не скажетъ спасибо,
 Глазки въ землю потупляетъ,
 На щекахъ огонь пылаетъ,
 Всякой знаетъ, отчего...
 „Это не годится,
 На меня сердиться:
 Я давно люблю тебя!
 Послушай, что скажу:
 Напой ты мнѣ коня
 Средь синяго моря,
 Чтобы конь воды напился,
 Брань коверъ бы не смочился,
 Былъ бы сухъ онъ, какъ и есть!“
 — Спей ты мнѣ башмачки
 Изъ желта песочку,
 Чтобы песчинки не стоптались,
 Башмачки бь не истирались
 И не терли бь бѣлыхъ ногъ.—
 „Спей же мнѣ кафтанчикъ
 Изъ булатной стали,
 Чтобы сталь была холстиной,
 Чтобы пули не пробили,
 Можно бь было бы носить.“
 — Спей ты мнѣ платье
 Изъ розова листу,
 Чтобы листочикъ не измялся,
 Цвѣлъ на мнѣ, какъ на кустѣ.—
 „Выстроишь же домикъ
 Изъ булатной стали,
 Были бь окна и кровать—
 Тамъ съ тобой мы будемъ спать,
 Милыхъ дѣтокъ наживать“.

Слѣдующая (т. е. 1420—Ред.) пѣсня поется въ Костромѣ. Она по содержанію, по размѣру слишкомъ близка напечатанной г. Степановымъ „Сибирской пѣснѣ“ (см. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, т. 17(1835 г.), стр. 445.—Ред.). Это, кажется, вариация одной ноты. Она писана со словъ.—*Прим. П. В. К—аго.*

1421.

Ты не шей, не шей, дѣвица,
 Питой браной положокъ:
 Ужъ и мнѣ ли молодцу
 Не сыграть въ пологъ.
 А ужъ спать ли молодцу
 Въ чистомъ дальномъ полѣ
 Подъ холоднымъ небомъ.
 „Я велю тебя злодѣя
 На пути остановить,
 На пути остановить,
 По частичкамъ изрубить.
 Я изъ бѣлага изъ тѣла
 Пироговъ напеку,
 А изъ буйной головы
 Ендову сдѣлаю,
 А изъ крови изъ твоей
 Пиво пьяное сварю;
 Изъ ясныхъ твоихъ очей
 Златы чарочки солью,
 А изъ груди изъ твоей
 Поднось сдѣлаю,
 Я изъ жира изъ твоего
 Свѣчи ярыя солью;
 Изъ костей твоихъ
 Я кроваточку смошу.
 Позову ли я гостей,
 Всѣ твоихъ сестеръ,
 Всѣ твоихъ подругъ,
 Загадаю лъ имъ загадочку,
 Не хитру и не мудру,
 Не отгадчивую:
 „Я на миленькомъ сажу,
 Милымъ подчиваю;
 Ужъ какъ онъ передо мной
 Пивомъ пьянымъ стоитъ“.
 Какъ одна тутъ изъ сестрицъ
 Догадалася,
 Домой скоро собиралася:
 „Говорила брату я
 И наказывала:

Не ходи ты, молодецъ,
Къ красной дѣвицѣ душѣ:

Вѣдь она тебя не любитъ,
Буйну голову погубить..."

VIII. Ярославской губ.

а) *).

1422 (1).

На горѣ, горѣ шелковая трава,
На той травѣ утренняя роса;
На той травѣ старъ коня сѣдлаетъ,
Красную дѣвицу уговариваетъ:
„Красная дѣвица, ты поди за меня,
Я тебя стану калачами кормить,
Я тебя стану сытою поить,
Я тебя не стану ни бить, ни журить.“
— Хоть ты мени, старой, калачами корми,
Хоть ты меня, старой, сытою пои,
Хоть ты меня, старой, не бей, не жури,
Я нейду за тебя.—
На горѣ, горѣ шелковая трава,
На той травѣ утренняя роса;
На той росѣ младъ коня сѣдлаетъ,
Старую бабу уговариваетъ:
„Не ходи за меня, я тебя стану
Сухарями кормить, я тебя стану
Водой поить, я тебя стану
И бить и журить.“
— Хоть ты меня, младый,
Сухарями корми, хоть ты меня водою пои,
Хоть ты меня и бей, и жури,
Но я пойду за тебя.

1423 (2).

Передъ нашими воротами, передъ нашими
широкими

Стояли озера, что синее море.
На тѣхъ на озерахъ кленовыя клѣти,
Тисовыя кровати; на той кровати
Молодка молодая не постелю стелеть,
Тяжело вздыхаетъ:
„Не мила мнѣ постеля, не мила пуховая,
Не съ милымъ на ней спати, не у милого
Не у ретиваго сердца; [на ручкѣ,
А мнѣ съ постылымъ мужемъ спати,
У постылаго на ручкѣ,
Не у ретиваго сердечка.“

1424 (3).

Какъ на улицѣ рѣпей
На широкой рѣпей.
Ой, диди, мой рѣпей!
Рѣпей стелется, разстилается;
Ужъ не быть тебѣ, рѣпью,
Съ тычинами въ ровню,
Съ частымъ плетнемъ.
Тутъ шли, прошли
Три родныхъ сестры;
Сестра то сестрѣ
Стала спрашиваться:
„Ну, каво (sic) тебѣ, сестрица,
За старымъ мужемъ жить?“
— Мнѣ за старымъ мужемъ жить,
Лишь старѣться.—
Какъ на улицѣ рѣпей (и проч.—по-
втореніе прежняго припѣва).
„Каково тебѣ, сестрица,
За ровней жить?“
— Мнѣ за ровнею жить
Лишь ровниться.—
Какъ на улицѣ рѣпей (и проч.)
„Каково тебѣ, сестрица,
За милымъ мужемъ быть?“
— Мнѣ за милымъ мужемъ быть,
За милымъ мужемъ жить
Лишь вѣкъ коротать.

1425 (4).

На рѣчкѣ на Дунаѣ
Матушки! *).
Пришли дѣвки умываться;
Они вздумали купаться,
Они скинули рубашки
Тонки, бѣлы, полотняныя,
Голубы сарафаны,
Шелковы подпояски,
Золотыя повязки.
Но укрался къ нимъ Ивашка,—
Онъ укралъ у нихъ рубашки
Тонки, бѣлы, полотняныя,
Голубые сарафаны,

*) Болѣе точнаго приуроченія нѣтъ — Ред.

Золотыя повязки,
Шелковыя подпояски.
Пошли наши дѣвки
Къ Ивашкиной бабкѣ:
„Ты уйми свою Ивашку:
Онъ покралъ у насъ рубашку
Тонки, бѣлы, полотняныя,
Голубые сарафаны,
Шелковыя подпояски,
Золотыя повязки“.
Какъ Ивашкина бабка
Взяла въ руки розгу;
Какъ Ивашка закатился,
Какъ Ивашка забожился:
„Подыми меня, Микола,

Ниже облака ходячаго!
Ты ударь меня, Микола,
На пуховую перину!
Подави меня, Микола,
Пшенишными пирогами!
Утопи меня, Микола,
Во густой самой сметанѣ!
Озноби меня, Микола,
На печи въ углѣ подъ шубою!“

Сюда же слѣдуетъ отнести и пѣсни 1096 и 1097 (вып. 1, стр. 298), въ другой копіи (черн. № 1791), отнесенныя *позднѣе* къ Рязанскимъ.—Ред.

*) Послѣ каждаго стиха повторяется этотъ припѣвъ.—П. В. К.

б) Ростовскаго уѣзда, селцо Губцово.

1426.

Ужъ ты вѣснущка, весна!
Ты не въ радость мнѣ пришла,
Не въ радости, во тоскѣ,
Во великой сухотѣ.
Болить сердце по тому
По зеленому саду.
Ужъ ты, садъ ли мой зеленый,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, подсохъ?
Отчего, зелень, приobleкъ?
Отчего въ тебѣ, мой садикъ,
Ни травушка не растеть,
Соловьишко не поеть?

Ты воспой, соловьишко,
Жалобнехонько!
Ужъ и такъ мнѣ, молодой,
Жить тошнехонько!
Выду я на улицу,—
Всѣ журуютъ, бранятъ,
Всѣ плакать велятъ.
Погляжу въ окошечко:
Вѣ полѣ туманъ,
Вѣ полѣ туманъ большой
Растуманился:
Знать, это мой милый другъ
Припечалился.

Пѣсня доставлена кн. П. А. Костровымъ.

в) Любимскаго уѣзда.

1427 (1).

Не по волюшкѣ Ванишка жѣнится,
Не по волюшкѣ, по большой неволюшкѣ:
Поневолила его родна матушка:
— „Ты женись-ко, женись, Иванушка“!
Разговаривала любушка сударушка:
— Не женись, не женись, мой миленькій
дружѣкъ!
Если женишься, любовь перемѣнится;
Обвѣнчаешься, вся любовь скончается.
Приведешь ты жену, жѣнушку не милую,
А немилую, толстую, лѣнливую.

1428 (2).

Полюбилъ-то мальчикъ дѣвчоночку расхо-
рошую,
Полюбилъ мальчикъ дѣвчонку, сталъ выпра-
шивать ее:
„Ты скажи-ко, моя любезная, вѣрно любишь-
ли ты меня?“
— Я любить-то ты люблю, милый мой, всей
душой сердцемъ люблю,
Всей душой сердцемъ люблю, наглядѣться
не могу.

1429 (3).

Сторона-ль моя, сторонушка,
Бласловлёная сударушка,
Сударушка радость двушка!
Что не ты **ля** сердце засушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студеного
Безъ часта́ дождя осенняго,
Безъ осенняго, послѣдняго?
Ты зоря-ль моя, зорюшка,
Зоря утренняя вечерняя,
Ты звѣзда-ль моя, звѣздочка!
Высоко звѣзда восходила,
Далеко звѣзда просвѣтила
Выше лѣсу, выше сачечку,
Выше сачечку зеленого.

1430 (4).

Какъ у насъ ли да во садочкѣ,
Какъ у насъ ли да во прекрасномъ
Дѣвушка гуляла,
Скакала, плясала,
Тонець водила,
Ленту сронила.
Батюшка, поди,
Ленточку подними,
Родный мой, поди,
Ленту принеси!
— Не хочу я идти,
За мужъ отдавать
За мальчишка я
За такова да за худова,
За ямщицкаго молодца:
Ямщикъ пашеньки не пашеть,
Только коней пригоняеть. —
Я у матушки спрошусь:
„Что ты, мать моя, говоришь?“
— Говорю я, не скажу:
Слыхала ли ты отца?
Отецъ правду не сказалъ,
Тебя шельму поберегъ.

1431 (5).

Полно, Дунюшка, тужить,
Полно, глупая, тужить:
Всякъ готовъ тебя любить,
Всякъ готовъ Дунюку любить.
Ужъ любите вы меня,
Не любите вы меня,

Я на свѣтѣ никого.
 Я не вѣрила своей подружкѣ,
 Мнѣ милого дружка жаль.
 Я вечеръ дружка милого
 Унимала почевать:
 „Ты ночуй, ночуй, любезный,
 Ночуй ночку у меня,
 Погости, радость, недѣлку
 Безъ единого денька.“
 — Радъ бы я, Сашенька, почевать,
 Боюсь, до свѣту просплю.—
 „Ты не бось, не бось, любезный,
 Во безчестье не введу,
 До зорюшки разбужу.“
 По утру дѣвка рано вставала,
 Провожала я мила дружка,
 Я до тѣхъ поръ проводила,
 Гдѣ скончалася любовь;
 Гдѣ скончалась, дѣвка разставалась,
 Слезно плакала объ немъ.
 Со слезъ рѣчка протекла:
 Течетъ рѣченька Казанка
 Не широка, глубока,
 Не широкая, не глубока;
 На водѣ лежитъ струя,
 На водѣ лежитъ струйца
 И волною (?) шибко бѣтъ.
 Вышла дѣвушка на рѣченьку,
 Я умылася водой,
 Я умылася водицей,
 Утерлась бѣлымъ платкомъ,
 Я утёрлась бѣлымъ платомъ,
 Я опять за нимъ пошла.
 Какъ пошла я красна дѣвка,
 Пала грудью на водѣ.

1432 (6).

Дуняшка моя, Авдотьюшка моя, подружка
моя!
Всѣмъ ты, душа Авдотьюшка, по мыслямъ
пришла.
Однимъ Дуня не по мыслямъ: умъ-разумъ
такой,
У моей ли у Дуняшки обычай-то тяжѣль.
Приходилъ ко мнѣ, ко Дуняшкѣ, гость мой
дорогой,
Приударилъ тонкой тросточкой по вороб-
течкамъ:
Растворяйтесь, воробечки рѣшетчатые!
Что побрякнуло колечушко серебряное,
Испугалось у Дунюшки сердечко ретивое.
Вставала душа Дунюшка со кровати съ ти-
совой,

Что брала душа Авдотьюшка свѣчу со стола.
Выходи, душа Дуня, въ сѣни нѣвы на крыльцо!
Говорила душа Дуня дружкѣ миленькому:
„На что вечеръ, дружекъ миленькій, на что
не пришёл?“

1433 (7).

Не летай, соколъ, по новымъ сѣнямъ.
Сокóлъ, по новымъ сѣнямъ.
Не мѣшай, соколъ, дѣвкѣ думу думати,
Дѣвкѣ думу думати.
Моей думушкѣ думы-то есть придуманы:
Думы есть придуманы.
Одна думушка мнѣ дума съ ума нейдетъ,
Со крѣпкаго разуму:
Вечеръ я дѣвушка съ дружкомъ побранилася,
Съ дружкомъ побранилася.
Называлъ меня дружекъ горькой пьяницей.
Дружекъ горькой пьяницей.
Не въ то времячко бѣлые-то снѣжки выпали,
Бѣлы снѣжки выпали.
Не въ то-ль времячко—середь лѣта тёплаго,
Гулянья-то весѣлаго.
Моя Машинька Маша травку косила,
Маша травку косила.
Травку косила, съ горя косу бросила:
Съ горя косу бросила.
Ты лежи, лежи, коса, день до вечера!
Лежи день до вечера.
День-то до вечера дѣвкѣ дѣлать нѣчего,
Дѣвкѣ дѣлать нѣчего.
Видно мнѣ, Машинькѣ Машѣ, за рѣку гулять,
Машѣ за рѣку гулять.
Мнѣ за рѣченьку, любить парня бѣлаго,
Ванюшку румянаго.
Ужъ вдругъ дѣвушка любить отказалася:
Любить отказалася.
Не хочу я любить, хочу я лѣто такъ прожить
Хочу я лѣто такъ прожить.
Безъ мила дружка, безъ Иванушки,
Безъ Иванушки.

За досадушку Ванѣ показалось:

Ванѣ показалось.
Онъ занесъ, занесъ свою ручку правую
На дѣвченку бравую.
Онъ ударилъ-то дѣвченку по лицу ея,
По лицу румяному,
По лицу ея по румяному,
По щѣчкѣ по аленькой,
Да по щечкѣ-то по аленькой,
По сережкѣ маленькой.
Что упала-то сережечка забрякала,
Серѣжка забрякала.
Моя Машенька Маша всплакала.
Моя Маша всплакала.

1434 (8).

Что не пылъ-то ли въ полечкѣ запыляется,
Не туманъ съ неба поднимается?
Запыляется, занимается съ моречка пого-
душка,—
Поднимаются съ моря гуси сѣрые, летятъ.
Что летятъ-то, летятъ, распросить лебедь
хотятъ:
„Гдѣ ты, лебедь, былъ, гдѣ ты, бѣленькій, по-
бывалъ?“
— Ужъ я былъ-то, побывалъ во всѣхъ нижнихъ
городахъ.—
Не гдѣ взялся тутъ, урвался орелъ птица
на кустѣ:
„Ужъ я бить-то я лебедь не бью, распросить
тебя хочу,
Гдѣ ты, лебедушка, побывала? гдѣ, бѣлая, по-
бывала?
Ворона чѣрнаго воронъ спорщикъ крыломъ
ровень.
Того ты, лебедушка, знаешь али нѣтъ?
Я не бить-то тебя хочу, распросить обо
всемъ, лебедь, хочу.“

Пѣсни 1427—1434 записаны, судя по помѣтѣ („Новг.“), самимъ П. В. К.—имъ отъ кого-либо изъ Любимск. у. въ бытность его, П. В. К., въ Новгo-родѣ (1834 г.).—*Ред.*

IX. Московской губерніи.

а) *).

1435.

Подъ яблоней такой,
Подъ кудрявой зеленой

Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой.
Ужъ вы гусли, гусли, гуслицы мои!
Заиграйте гусли-мысли,

*) Болѣе точнаго приуроченія нѣтъ.—*Ред.*

Я вамъ пѣсенку спою
Про женидѣбу свою.

Женидѣба, женидѣба, женидѣбеца моя!
Женила молодца чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, Макарьевска ярманка.
Вотъ какъ внизъ было по матушкѣ, по Волгѣ
У Макарья въ ярманкѣ, [по рѣкѣ,
Близъ гостинаго двора
У Сафонова купца
Сучинилася бѣда,
Случилось несчастье:
Не на сто рублей пропало, не на тысячу у
него,

А пропала у него дочь любимая его,
Дочь любимая его, зовутъ Катинькой,
А личикомъ бравинькая.
Вотъ искалъ эту пропажу
По трактирамъ, погребамъ,
По трактирамъ, погребамъ,
По купеческимъ домамъ;
А нашлась эта пропажа
На Машковомъ на дворѣ,
Въ новой банѣ, на полкѣ;
Ея буйная головушка проломленная,
Ея русая косынька растрепаная,
Миткалевая рубашечка разорванная,
Ея цвѣтное платице на стѣнкѣ висить,
А жемчужная цѣпочка на окошкѣ лежитъ.
А самый тотъ разбойникъ подь окошкомъ
сидить,

Подь окошкомъ сидить, самъ въ окошечко
Самъ въ окошечко глядитъ, [глядить,
Таки рѣчи говорить:

„Не ко мнѣ-ли гости идутъ,
Не мене-ли въ гости звать?“
Вотъ какъ звали молодца,
Позывали удалца
Не во нирь пировать,
Не въ бесѣдушку сидѣть,
А взяли молодца,
Посадили удалца,
Посадили удалца
Во клѣточку за рѣшеточку.

1436 (1).

Вдоль по рѣкѣ, рѣкѣ, по быстрой рѣкѣ
Плыветъ, vyplываетъ зеленой садокъ.
Во етимъ во садикѣ, во етомъ зеленомъ мо-
лодецъ гулялъ,
Молодецъ гулялъ, самъ кудри чесалъ;
Чесалъ онъ кудри, чесалъ онъ русыя ча-
стымъ грибешкомъ;
Очески кидаетъ, очески бросаетъ во быстру
рѣку:

„Плывити, очески, плывити, русые, по бы-
строй рѣкѣ,
Чтобы васъ, очески, чтобы васъ, русые, со-
коль не ноймалъ,
Соколь не поймалъ, гнѣзда не свивалъ,
Гнѣздышко не вилъ, не дѣтей не выводилъ;
Чтобы братъ ко братцу въ гости приходилъ,
Въ гости приходилъ, коня попросилъ:
— Родимой мой братецъ, пожалуй коня,
Пожалуй коня съѣздить до села,
Съѣздить до села, сватать за себя!—
„Родимый мой братецъ, бери не спрошась,
Бери не спрошась, сватай за себя, тутъ же
за меня.

Промежду насъ, братецъ, промежду, родимой,
Двѣ лютой змѣи.

Двѣ лютой змѣи—всѣ жены наши:

Ссорются, бранятся, урекаются.

А намъ съ тобой, братецъ, не честь не
хвала,

Не честь, не хвала, безчестье наше.“

1437 (2).

Вдоль по марю, вдоль по морю синому,
Па синому по валнистому
Тутъ плылъ лебить, тутъ плылъ лебить съ
либидятками,

Са малыми са дѣтатками.

Ана плыветъ, ана плыветъ, не тряхнется;
Не тряхнется, не тряхнется, не варохнится;
Подъ ней вада, нодъ ней вада не калох-
нется.

Трехнулася, трехнулася, варахнулася,
Падъ ней вода, подь ней вода всколыхнулася,
Желтымъ пискомъ, желтымъ пискомъ воз-
мутилася.

Гдѣ не взилси младъ ясенъ соколъ,
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ либедушку бѣлаю.
Каму руду, каму руду выпивать будить?
Каму перья собирать будить?
Пиала руду, пиала руду бѣла-рыбица,
Брала перья, брала перья красна дѣвица-
душа

Милу друшку, милу друшку на падушничку,
Любезнаму, любезнаму возгалоувица.

Тутъ мима шоль, тутъ мима шоль добрай
моладець:

„Богъ помачь ти, Богъ на помочь, красна
дѣвица!“

Ана ему, ана ему, не скланилася.

Гразилъ паринь, гразилъ паринь красной
дѣвицы:

„Дабро жъ, дѣвка, дабро жъ, дѣвка, дабро жъ
красная,,

Вазьму тибя, вазьму замўшъ за сябя,
Будишь стаять, будишь стаять у крава-
тушки моей,
Будишь диржать, будишь диржать шелка-
вую плеть въ рукахъ.“
Скора дѣвушка дагадалася,
На калѣначки, на колѣнки становилася,
Низехонько, низехонько поклонилася:
„Прасти, милой, прости, милой, виновата
предъ табой!

Я думала, я думала, что ни ты, мой друг,
идешь,
Ни ты идешь, ни ты идешь, низка кла-
нишься.
Мы сойдемся, мы сойдемся и поклонимся,
Разойдемся, разойдемся, поцалуемся.“

Пѣсни (1436—1437) доставлены А. М. Тургеневымъ.—*Помята П. В. К.*

б) г. Москва.

1438.

Вы птички голосисты,
Перестаньте воспѣвать!
Пусть въ рощахъ раздаются
Плачевныя слова,
Ручьями слезы льются
И стонуть древа.
Ты здѣсь ли, моя отрада,
Любезный пастушѣкъ?
Я здѣсь съ тобой свыкалась,
И часто наслаждалась
Отъ самыхъ лѣтъ малыхъ.
Какъ здѣсь ли мое стадо
На крутомъ берегу
На зеленомъ лугу
Отрада вся моя!
Какъ солнышко спустилось
И стало за горой,
Всё поле окропило
Вечернею зарей.

Записана отъ раскольника на Воронцовомъ
полѣ.—П. В. К.

1439 (1).

Вы, охотники, вставайте,
Лошадей, братцы, сѣдлайте:
Всё готово; но ступай
Въ тѣ отъемныя мѣстечки,
Гдѣ есть озимы, лужечки—
Тутъ бывала русачки,
Снимай съ гончихъ тутъ смычки!
Ахъ уахъ, уахъ!
А-атү ево, ату!
Ужъ какъ, Пальма, раскатись,
А Троянъ, его перьхватй,
А Дивьяль, его возмй,
По другімъ его начини!
Ахъ атү ево, ату!

1440 (2).

Не бұшуйте вы, вѣтры буйные,
Не шатайте **моей** кроватишки,
Не будите вы друга милаго.
Я сама пойду, друга разбужу:
„Ты вставай, вставай, милъ сердечный другъ!
Всѣ охотнички на коняхъ сидятъ,
Ужъ какъ гончихъ на смычкахъ держать,
Тебѣ, сударь, голосъ подають.“

1441 (3).

Минѳвалася наша волюшка,
Всѳ гулянице молодецкое.
Живучѳ съ другомъ я разсталася,
Легче бѳ я съ другомъ не свыкалася:
Меньше бѳ горя, тоски и кручинушки
И тяжѳлаго въздыханѳца,
Мого слезнаго възрыданѳца.
Я среди двора друга встрѳтила,
За бѳлы руки друга прѳняла,
Во слезахъ другу слово молвила:
„Перестанѳ, милый, ты ко мнѳ ходить,
Ты ко мнѳ ходить и меня любить;
Не провѳдаѳь бы отецъ съ матерью,
Отецъ съ матерью, весь и родъ племѳ“.

1442 (4).

Какъ цо сѣнямъ было сѣнюшкамъ,
По новѣмъ сѣнямъ рѣшетчатымъ
Что ходила-погѣливала красная дѣвица,
И будила-побуживала
Удалаго добра молодца:
„Встань, проснись, молодець:
Отвязался твой добрый конь
Отъ того столба дубоваго,
Отъ колечушка серебрянаго
И другаго позолоченаго,

Что ворвался твой добрый конь
 Во той-ли во зелёный садъ;
 Всеё травушку принялъ, притопталъ
 И лазоревы цвѣточки посорвалъ“.
 — Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
 Когда Богъ насъ помилуетъ,
 Государь царь пожалуетъ,
 Наживёмъ съ тобой зелёный садъ
 Со калиною, со малиною,
 Съ чёрной ягодой смородиной.

Пѣсни 1439—42 записаны 7 окт. 1834 г., по-
 димому, самимъ П. В. К.—имъ.—Ред.

1443 (1).

Мужикъ пашенку пахаль,
 Самъ на солнышко глядѣлъ:
 О, охъ, о, охъ, охохонюшки мои!
 „Я еще понашу, я еще погляжу,
 О охъ, и пр.
 Ужъ какъ всѣ добрыя жены мужьямъ вѣсть
 О, охъ; и пр. [принесли,
 А моя к...а жена мнѣ обѣдать не несётъ!
 О, охъ, и пр.
 И я выпрягу кобылушку, поѣду самъ домой,
 О, охъ, и пр.
 Заверну я во лѣсокъ и я вырублю лозу на
 О, охъ, и пр. [свою к...у жену.“
 Подѣзжаетъ ко двору, жена ходить по двору.
 О, охъ, и пр,
 Ужъ и я брошу лозу, поцѣлую я жену:
 О, охъ, и пр.
 „Ужъ и гдѣ жена была, гдѣ, боярыня, была?“
 О, охъ, и пр.
 — Я была, сударь, была, во царевомъ ка-
 О, охъ, и пр. [бакѣ.—
 „Ужъ и что, жена, пила, что, сударыня,
 О, охъ, и пр. [пила?“
 — Я пила, сударь, пила, я и пиво и вино,
 О, охъ, и пр.
 Я и пиво и вино, еще сладенькій медокъ.—
 О, охъ, и пр.
 „Про ково жена пила, про ково, боярыня,
 О, охъ, и пр. [пила?“
 — Про тебя, сударь, пила, про тебя и про
 О, охъ, и пр. [себя,
 Еще про милова про дружка.—
 О, охъ, и пр.
 „Ужъ спасибо те, жена, не забыла ты меня.“
 О, охъ, и пр.
 — Ужъ и какъ тебя забыть, но могу тебя
 О, охъ, и пр. [избыть,
 Ужъ и ты ли у меня, словно чирей на боку,
 О, охъ, и пр.

Словно чирей на боку и бѣльмо-то на глазу.—
 О, охъ, и пр.
 Ужъ какъ мужъ жену любилъ, больно ще-
 О, охъ, и пр. [петко водилъ
 По морозу босикомъ, по крапивѣ нагишомъ.
 О, охъ, и пр.
 А жена мужа любила, въ тюрьмѣ мѣстечко
 О, охъ и пр. [купила,
 Въ тюрьмѣ мѣстечко купила, уголочикъ на-
 О, охъ, и пр. [няла:
 „Вотъ тѣ, муженѣкъ, ненаятой уголокъ:
 О, охъ, и пр.
 Не толки ты, не мели, только ручку протяни,
 О, охъ, и пр.
 Только ручку протяни и Христа вспомани.“
 О, охъ, и пр.

1444 (2).

Молодая полячинька дитѣ родила,
 Породивши, мало дитѣ въ рѣку бросила.
 Рыболовщики рыболовили,
 Дитѣ поймали.
 Понесли это дитѣ въ хатѣ свою,
 Спеленали это дитѣ во пелѣнычки,
 Совивали это дитѣ во свивальнички,
 Понесли это дитѣ ко пану своему.
 Ужъ велѣлъ-та панъ велѣлъ полячинькамъ
 притить.
 Ужъ всѣ-то полячиньки идутъ, вѣночки не-
 суть,
 Одна-то полячинька идетъ, вѣнка не несётъ,
 За ней идетъ старая мать, горьконько пла-
 четъ,
 Идетъ молодая полячинька, да оглянется:
 „Не плачь, не плачь, старая мать!
 Не посылать было меня, мати, по вино,
 И это вино къ тому привело.“

Пѣсни 1443—1444 записаны отъ Московской
 мѣщанки З. Д. Л.—Прим. П. В. К.

1445 (1).

Какъ и взговорить Оѣдоръ:
 „Истопи-тко, Марья, баню
 И нагрѣй воды теплѣ!
 Ты пойдемъ-ко, Марья, со мною!“
 Какъ пришла Марья въ баню,
 Ужъ какъ взговорить Оѣдоръ:
 „Ты скидай, Марья, рубашку!“
 Буйну голову подъ лавку,
 Бѣлы ручки подъ полочикъ,
 Рѣзвы ножки подъ порѣжикъ,
 Бѣло тѣло на полѣчикъ.
 Какъ пришѣлъ Оѣдоръ изъ бани,

Онъ и сталъ дитя качати:
 „Ты баю, баю, дитятко!
 Баю, милая сиротка!
 У тебя мамы нѣту,
 У меня Марья нѣту!“
 Покликалъ къ себѣ двѣ гостыи,
 Да двѣ гостыи Ѳеодосѣ;
 Ужъ какъ взговорить Ѳѣдоръ:
 „Вы подите за меня замужъ!“
 Ужъ какъ взговорять двѣ гостыи,
 Да двѣ гостыи Ѳеодосѣ:
 „Нѣтъ, нейдѣмъ мы за тебя замужъ!
 И надъ нами тожъ будетъ,
 Что надъ Марьею надъ твоею!“
 Ужъ покличали его на сѣни,
 Ужъ и больно его сѣкли,
 Шесть недѣль сокомъ поили.

1446 (2).

Какъ во городѣ во Кіевѣ
 Жила была молода вдова;
 У ней было девять сыновъ,
 Девять сыновъ, дочь десятая.
 Сестру братья возлелѣяли,
 Возлелѣявши, сами гулять пошли.
 Безъ нихъ мати замужъ выдала
 За того-ли за морянина,
 За хорошаго за барянина.
 Она годъ живетъ и два живетъ,
 На третій годъ стосковалася.
 Она стала просить того морянина,
 Хорошаго барянина:
 „Мы пойдѣмъ съ тобой къ матушкѣ!“
 Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
 На третій день становилися:
 Напали на нихъ злы разбойнички,
 Морянина въ море бросили,
 А морянушку во полонъ взяли.
 Они стали у ней выпрашивать:
 „Ты скажи, скажи, морянушка,
 Котораго ты города?“
 — Я города, сударь, Кіева.
 Жила-была молода вдова;
 У ней было девять сыновъ,
 А я десятая.
 Меня братья возлелѣяли,
 Возлелѣявши, сами гулять пошли;
 Безъ нихъ мати меня замужъ выдала
 За того-ли за морянина.—
 „Ты сестра, сестра наша милая!
 Ты не сказывай нашей матушкѣ,
 Что мы бросили зятя милаго,
 А тебя, сестра милая, во полонъ взяли!“

1447 (3).

На степи-то, степи на Саратовской
 Протекала тутъ мать Сурá рѣка,
 На Сурѣ рѣкѣ лѣгка лодочка.
 Ты взойди, взойди, солнце красное,
 Обогрѣй, солнце, добрыхъ молодцевъ,
 Добрыхъ молодцевъ, воровъ разбойниковъ!
 Назади сидитъ атаманъ съ ружьѣмъ,
 На кормѣ сидитъ ясаулъ съ багромъ,
 Среди лодочки красна дѣвица;
 Она плачетъ, что рѣка льѣтся,
 Горючі слѣзы, что волны бьются.
 Атаманъ дѣвку уговаривалъ:
 „Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
 „Ты бери себѣ золотой казны,
 „Сколько тебѣ надобно,
 „Надѣвай на себя платья цвѣтнаго!“
 — Ты голубчикъ мой, атаманъ большой!
 Мнѣ не надобно твоего платья цвѣтнаго,
 Не хочу твоей золотой казны!
 Ты зачѣмъ увѣзъ изъ моей стороны,
 Разлучилъ меня съ отцомъ съ матерью,
 Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ-пле-
 менемъ!

Пѣсни (1445—1447) записаны отъ Москов. мѣн.
 Татьяны Андреевой.—Примѣч. П. В. К.

1448 (1).

За любовь-то жена мужа во садъ повела,
 За совѣтъ жена мужа въ саду потеряла,
 На любимой ня яблонькѣ въ саду повѣсила.
 Онъ виситъ, качается,
 Ужъ тутъ-то она сама образумилася:
 „Ты слезай-ка, мужъ, долой,
 Милъ сердечный другъ, пойдѣмъ домой!“
 Во холодный, во студѣный погребъ бросила.
 Пріѣзжали къ ней два деверя,
 Ужъ какъ два ясны сокола:
 „Ты невѣстка-ль, невѣстуха,
 Сноха наша, бѣла голубушка!
 Да и гдѣ же нашъ большой братъ?“
 — Деверья ль мои, деверья!
 Ужъ вы два ясны сокола!
 Ужъ пошѣлъ-та вашъ большой-атъ братъ
 Во темные лѣса гулять,
 Ужъ во тѣ ли во дремучіе
 Онъ куніцъ. лисицъ стрѣлять,
 Ужъ тѣхъ ли черныхъ соболевъ.—
 „Ты, невѣстка, невѣстуха!
 Сноха, бѣлая голубушка!
 Да и гдѣ жъ нашъ большой братъ?
 Мы сейчасъ только изъ лѣсу,
 Не видали брата большаго.“

— Деверья мои, деверья!
 Ужь вы мои два ясные сокола!
 Какъ поѣхалъ-ать вашъ большой братъ
 Къ Макарью на ярманку,
 Со куницами, со лисицами,
 Ужь со тѣми со чѣрными соболями. —
 „Ты, невѣстка, невѣстухка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Да и гдѣ жъ нашъ большой братъ?
 Мы сейчасъ только съ ярманки,
 Мы топерь-то со Макарьевской,
 Не видали брата большого.“
 — Деверья мои, деверья!
 Ужь какъ два ясные сокола!
 Какъ пошелъ-та большой братъ
 Во зеленый садъ гулять. —
 „Ты невѣстка, невѣстухка!
 Ужь и иѣтъ въ саду нашего брата большого.
 Ты невѣстка, невѣстухка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Да и что у тебя за саду за рудѣца?“
 — Деверья мои, деверья!
 Ужь какъ два ясные сокола!
 Бѣдую рыбицу я чистила,
 Во садъ руду вылила. —
 Ты невѣстка, невѣстухка!
 Сноха, бѣла наша голубушка!
 Покажи намъ бѣдую рыбицу.“
 Деверья, мои деверья! —
 Ужь какъ два ясные сокола!
 Я отъ погреба ключи потеряла. —
 „Ты невѣстка, невѣстухка!
 Сноха, бѣлая наша голубушка!
 Приведемъ мы слесаря,
 Приберемъ ключъ къ погребу.“
 — Деверья мои, деверья!
 Ужь какъ два ясны мои сокола!
 Вы берите саблю вострую,
 Вы рубите мою голову:
 Потеряла я вашего брата большева,
 А своего друга любезнаго.

1449 (2).

У Ивли Ивлевича было семь дочерей,
 Осьмая падчерица.
 Сказана служба царская,
 Царская государская:
 У кого сынъ, тотъ и сына снаряжай,
 У кого дочь, тотъ и самъ поѣжай.
 Скажетъ тутъ Ивлей Ивлевичъ:
 — „Дѣти-ль, дѣти милы!
 Сказана мнѣ служба царская государская:
 У кого сынъ, тотъ и сына снаряжай,
 У кого дочь, тотъ и самъ поѣжай.

А у меня васъ семь дочерей,
 Семь дочерей, осьмая падчерица.“
 Скажетъ тутъ, молвить большая-то дочь,
 Средняя дочь молвить: „я за него!“
 Меньшая-то дочь молвить:
 „Батюшка сударь!
 Шей же мнѣ, батюшка, камзолъ да штаны,
 Камзолъ да штаны, со манерами сапоги,
 Купи же мнѣ, батюшка, черную шляпу со
 Перчаточки съ серебромъ. [перомъ,
 Дай же мнѣ, батюшка, добраго коня,
 Во правую руку саблю вострую.
 Поѣду я, батюшка, на вой воевать.
 Стану я батюшки по праву сторону,
 Стану воевать и я, бодро поступать.“
 Царь-государъ похаживаетъ,
 Съ своими съ генералами разговариваетъ:
 „Чѣё это дитѣ хорошо снаряжено,
 Отдалъ бы я отдалъ дочь за него.
 Много бы за дочерью приданаго далъ:
 Семь городовъ съ половиною.
 Семь сѣлъ съ половиною.“
 — Это дитѣ Ивли Ивлевича.
 У Ивли Ивлевича семь дочерей,
 Осьмая падчерица. —
 „Держите, ловите, хватайте еѣ!“

1450 (3).

На синемъ-то морѣ на Верейскомъ
 Молодой матросъ корабли снастилъ
 Объ двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 Ужь тѣхъ ли полотняныхъ.
 Выходила тутъ красная дѣвица
 Съ кубцемъ по-воду,
 Почерпнула кубецъ поставила,
 Что поставимши призадумалась,
 Призадумавшись, слово молвила:
 „Ой же ты, молодой матросъ,
 Ты зачѣмъ рано корабли снастилъ
 Объ двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 Ужь тѣхъ ли полотняныхъ?“
 — Ты душа-ли, красна дѣвица!
 Не своей я волей, не охотой,
 По указу-то я государеву,
 По приказу-то командерову. —
 Какъ пришла ли красна дѣвица
 Домой, занемоглась:
 „Ты родимый, родной батюшка,
 Государыня матушка!
 Приведите вы мнѣ отца духовнаго.“
 Ко бѣлу свѣту красная переставилась.
 Какъ напередъ-то несутъ красную дѣвицу,
 За ней идетъ отецъ и мать,
 Позади идетъ молодой матросъ:

„Ты душа-ль, красна дѣвица,
Ты отдай мой золотъ перстень,
Ты возьми свой тальянскій платокъ!“
Что подъ камушкомъ подъ горячимъ
Не огонь горитъ, не вода кипитъ,
Что горитъ то сердце молодецкое,
Кипитъ то сердце матросское:
„Я пойду съ горя на конюшій дворъ,
Я возьму коня, что ни лучшаго,
Я поѣду во чисто поле,
Во чисто поле къ красной дѣвицѣ.
Раступися ты, мать сыра земля,
Расколися ты, гробова доска,
Встань, проснись, красна дѣвица,
Иль прими меня къ себѣ молодца!“

1451 (4).

Мимо садику, мимо винограднаго, айхъ 2
Мимо винограднаго.
Пролеталъ соловей, пролеталъ молодой, айхъ 2
Пролеталъ молодой.
Позади его канарейчка, да молоденька: айхъ 2
Да молоденька.
„Воротись, соловей, воротись, молодой! айхъ 2
Воротись, молодой.
Безъ тебя въ саду все не весело, айхъ 2
Да невесело.
Ужъ всѣ пташечки приунывъ сидятъ, айхъ 2
Приунывъ сидятъ.
Всѣ касаточки призадумавши, айхъ 2
Призадумавши.“
Мимо терема, да высокаго, айхъ 2
Да высокаго.
Провѣзжалъ тутъ милъ, сердечный другъ, айхъ 2
Милъ, сердечный другъ.
Позади ево красная дѣвица: айхъ 2
Красная дѣвица.
„Воротись, мой миленькій, айхъ 2
Мой миленькій.
Воротись, милъ, сердечный другъ! айхъ 2
Милъ, сердечный другъ.
Безъ тебя въ терему все не весело, айхъ 2
Все не весело.
Ужъ всѣ дѣвушки приунывъ сидятъ, айхъ 2
Приунывъ сидятъ.
Молодые тутъ призадумались, айхъ 2
Призадумались.“

1452 (5).

Спится мнѣ, младѣшенькѣ, дремлется, 2
Клонить мою головушку на подушку спать. 2
Лютый свѣкоръ по сѣнюшкамъ похажи-
ваетъ, 2

Лютый-ать по новымъ погуливаетъ, 2.
Стучить, гремить, снохѣ спать не даѣтъ: 2
„Встань, сонливая, дремливая, неурядли-
вая!“ 2
Спится мнѣ, младѣшенькѣ, дремлется, 2
Клонить мою головушку на подушку спать. 2
Лютая свекровушка по сѣнюшкамъ поха-
живается, 2
Лютая по новымъ погуливаетъ, 2
Стучить, гремить, снохѣ спать не даѣтъ: 2
„Встань, сонливая, дремливая, неурядли-
вая!“ 2
Спится мнѣ младѣшенькѣ, дремлется, 2
Клонить мою головушку на подушку спать. 2
Милый другъ по сѣнюшкамъ похаживается, 2
Милый другъ по новымъ погуливаетъ, 2
Тихохонько, легохонько по новымъ сѣнямъ
прошолъ: 2
„Спи, моя хорошая, спи, моя пригожая!“ 2
Зажѣрена, забранена, молода въ люди взята,
Къ чужому къ отцу, къ чужой матери,
Къ чужому роду-племени.

1453 (6).

Лучина ль, лучинушка березовая!
Что жъ ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была?
— Была я въ печи вчерашней ночи.
Лютая свекровушка водой залила.—
Подружки, голубушки, гасите огонь,
Гасите огонь, ложитесь спать,
Ложитесь спать: вамъ нѣкого ждѣть,
А мнѣ, молодѣшенькѣ, всею ночь не спать,
Кровать убирать, постелюшку стлѣть,
Постелюшку стлѣть, мила дружка ждѣть.
Первый сонъ заснула—пѣтухи поютъ,
Другой сонъ заснула—заря занималась,
Третій сонъ заснула—заря бѣлый день.
По той-ли по зорюшкѣ мой миленькій идетъ;
Соболья на немъ шуба пошумливаетъ,
Козловы сапожки поскрипываютъ,
Онъ чѣрными кудрями потряхиваетъ.
„Что же ты, мой миленькій, вечеръ долго
не бывалъ?“
— Затѣмъ-засѣмъ, дѣвица, позамѣшкался,
Съ худою женою побранка была.
Бранила тебя, другъ, и меня.
Тебя красну дѣвицу суконъ, бл...ю назвала,
А меня добраго молодца борзымъ кобелемъ.
Я билъ ее, бестію, чуть живу на свѣтъ
пустилъ.—
Ужъ тутъ красная дѣвица насмѣялася въ
глаза:

„Не бей, не бей, молодецъ, свою глупую жену:
Съ худою-то женою тебѣ вѣкъ вѣковать,
Со мной, съ красной дѣвицей, одинъ часъ
часовать.“

1454 (7).

Вечеръ дѣвки пиво варили.
Пришелъ къ дѣвкамъ незванный гость;
Стали дѣвки перешептываться:
„Ахъ! чѣмъ-то намъ гости потчивати?“
Одна въ щѣку, другая за волосы,
Черезъ скамью за сѣдую бороду,
По горенькѣ словно вѣничкомъ метутъ,
А по сѣнямъ-то метелочкой,
А по двору словно сани волокутъ,
Подъ воротенку борзымъ кобелемъ,
А по улицѣ словно шарикомъ катятъ,
А по полю большимъ зайцемъ
А по лѣсу-то сѣрымъ волкомъ.
Пришелъ домой, не ухвалится:
„Не дай, Боже, во дѣвичій пиръ ходить!“
Дѣвичій пиръ пересмѣшливъ былъ.

1455 (8).

Проторилъ Ваня дорожку
Черезъ рѣченьку на горку,
Ко Ульяшиному подворью.
И онъ стукъ, да стукъ въ окошко:
„Дома-ли Ульяшка, Ульяша?
Дома-ли милая подружка?
Отвори, Уля, окошко!“
— Охъ, ты Ванюшка, Ванюша!
Мнѣ нельзя тебѣ открыть окошко:
Какъ у батюшки мово гости,
А у матушки—старушки,
А у меня молодой все подружки.
У воротъ стоятъ робята,
Хотятъ тебя, Ванюшку, поймати,
Ручки, ноженки сковати,
И въ солдатушки отдать.—
„Не плачь, Ульяшка, Ульяша,
Не плачь, милая подружка!
Я живой въ руки не дамся,
Я хозяина повыжгу,
А домъ его весь повыжгу,
А самъ пойду вдоль по Волгѣ
И тебя возьму, Улю, съ собою,
Да Паранюшку другую.
Я острою вамъ высокъ теремъ,
И я буду къ вамъ въ гости ходити,
Я подарочки носить:
Я Паранюшкѣ пукету,
А тебѣ, Уля, грезету.“

1456 (9).

У вдовушки у вдовы
Было девять сыновъ,
А дочь была у ней десятая.
Ее братья возлелеили,
Одинъ съ рукъ, другой на руки.
Возлелеемши, за мужъ отдали
Далекъ за боярина,
За того-ль за богатаго.
Ровно она у матушки
Три года не была;
Они нажили сына дворянчика.
На четвертый годъ она стосковалася,
И она стала просить свою друга милова:
„Ты поѣдемъ, милъ сердечный другъ,
Ко своей тещѣ, ко моей матушкѣ,
А марянушка къ родной бабушкѣ;
Ты къ шурьямъ, а я къ братцамъ,
А марянушка къ роднымъ дядюшкамъ.“
Ея-то другу не хотѣлося,
Онъ велѣлъ закладывать карету,
Карету, вороныхъ коней,
И велѣлъ приготавливать вѣрнымъ слугамъ,
Поѣхали въ путь-дороженьку.
И день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
На третій день становилися,
Въ темномъ лѣсу, во дремучемъ.
Напали на нихъ злы разбойнички,
Погубили друга милова,
А марянушку въ море бросили,
Молоду вдову, боярыню, въ полонъ взяли.
Ужъ всѣ-то разбойники спать легли,
Ужъ одинъ-то разбойникъ не спитъ, не
лежитъ,

На молодую вдову все глядитъ,
Онъ глядитъ и выпрашиваетъ:
„Ты скажи, молодая вдова, боярыня!
Ты какого роду-племени?“
— И я роду-та купческаго,
А племени-та духовнаго.
Было у моей матушки девять сыновъ,
А дочь я у ней была десятая.
Меня братья возлелеили,
Одинъ съ рукъ, другой на руки.
Возлелеемши за мужъ отдали,
За богатаго за боярина.
И ровно я у матушки
Три года не была,
На четвертый годъ стосковалася.
Ужъ мы нажили сына марянчика,
Ужъ просила я друга милого:
Ты поѣдемъ-ка, милъ, сердечный другъ,
Ко своей тещѣ, ко моей родимой матушкѣ,
А марянушка къ родной бабушкѣ,

Ты къ шурьямъ, а я къ братцамъ,
А марянушка къ роднымъ дядюшкамъ.
Моему-то другу не хотѣлося.
Онъ велѣлъ закладывать каретушку,
Каретушку вороныхъ коней,
Вѣрнымъ слугамъ готовиться.
И мы поѣхали въ дороженьку.
И мы день ѣхали и другой ѣхали,
На третій день мы становились
Во темномъ лѣсу, во дремучемъ.
Вы напали на насъ, злы разбойники,
Погубили вы мово друга милаго,
А дитѣ-ль мое, дитятку въ море бросили,
А меня-ль молодую вдову во полонъ взяли.—
Ужъ закричить тутъ разбойникъ громкимъ
голосомъ:

„Вы вставайте, мои братья меньшіе!
Мы не боярина погубили,
Погубили свою зятя милаго,
Не марянчика мы въ море бросили,
Бросили мы свою роднова племянничка,
Не молодую вдову боярыню въ полонъ взяли,
А мы взяли родную сестру.“
Ужъ какъ стали ее братья цѣловать, мило-

вать:
„Ты не плачь, наша родимая сестрица!
Ужъ на первой-та встрѣчѣ намъ встрѣлась.
У насъ есть такая примѣтушка:
Никому-то въ первой встрѣчѣ спуску нѣтъ.
Ни отцу, ни матеря,
Ни всему роду-племени.
Мы сберемъ-то тѣло зятнино,
Похоронимъ его съ честію, со славою,
А тебя отдадимъ замужъ не за боярина,
А за тово ли за князя за славнаго.
И топера отвеземъ тебя къ родной матушкѣ.“

1457 (10).

Корчма, ты корчма Польская, королевская!
Стоишь ты, корчма, на крутой горѣ на всей
красотѣ;

У во той корчмѣ шинкарка сидѣть,
Шинкуетъ шинкарочка пивомъ и виномъ
И сладкимъ медомъ.
Приходили къ шинкарочкѣ три молодца пить:
Полякъ, да казакъ, да третій хомякъ.
Полякъ вино пилъ, червонцы платилъ,
Хомякъ вино пилъ, монеты платилъ,
Козакъ вино пилъ, денегъ не платилъ,
Шинкарку манилъ:

„Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій
У насъ на Дону не по вашему: [Донъ.
Не ткуть, не прядутъ, медъ, горѣлку пьютъ.“
Сдалася шинкарочка на его слова,

Поѣхала шинкарочка съ казакомъ на Донъ
Завѣлъ казакъ шинкарочку во темный во лѣсъ,
Привязалъ шинкарочку ко сухой соснѣ,
Зажегъ казакъ сосенку съ маковки до земли.
Сосенка горитъ, шинкарка кричитъ.
На ту пору ѣхали Московскіе купцы:
Постой-ка, братцы, что въ лѣсу за крикъ?
Сосенка горитъ, шинкарка кричитъ,
Возмолилася шинкарка Московскимъ куп-
цамъ:

„Охъ! вы гой еси Московскіе купцы!
Отвяжите меня, дѣвушку, отъ сухой сосны.“

1458 (11).

Ужъ какъ мѣсяцъ вдоль по улицѣ свѣтилъ,
Заря бѣлый день въ окошечко взошелъ.
Ко мнѣ милая сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи, всѣ забавы принесла;
Въ окошечко бѣлы ручки подала,
А другую увѣрала молодца:
„Ахъ ты миленькій, красавчикъ дорогой,
Разстаюсь я на вѣки съ тобой!
Намъ не долго во любви съ тобой пожить:
Хочетъ батюшка тебя скоро женить,
А меня дѣвицу хотятъ скоро замужъ отдать.“

1549 (12).

Еще горе-то навязалось,
На меня молодца накачалось.
Куды мнѣ отъ горя дѣватися?
И я отъ горя въ міръ пошелъ,
А горе-то за мной суму волочѣтъ.
Еще горе-то навязалось,
Горькое-то накачалось.
Куды отъ горя мнѣ дѣватися?
И я отъ горя въ монастырь пошелъ,
А горе-то за мною черную рясу несетъ.
Еще горе то навязалось,
А горькое-то накачалось.
И я отъ горя въ темный лѣсъ гулять пошелъ,
А горе-то за мною звѣремъ бѣжитъ.
Еще горе-то навязалось,
А горькое-то накачалось.
И я отъ горя и я въ колоду легъ,
А горе то за мною крышку несетъ.
Горе навязалось,
А горькое-то накачалось.
И я отъ горя и въ яму легъ,
А горе-то за мной съ лопатой идетъ.
Еще горе-то насмѣялось:
„Хорошо я молодца упрятала,
Я въ могилушку его спрятала.“

1460 (13).

Пришелъ злой часъ,
 Мнѣ слезы лить по васъ.
 Злой часъ слезми наполнится,
 Сердце кровью обольется.
 Ахъ, дѣвица, красавица!
 Тебя я любилъ, счастливый былъ,
 Любить не сталъ—
 Несчастливъ сталъ.
 Прости, прощай, хорошая!
 Я былъ въ гостяхъ таперь у васъ,
 Въ послѣдній разъ.
 Ахти! горе великое,
 Тоска, печаль несносная!
 Куда бѣжать тоску дѣвать?
 Въ лѣса бѣжать, кусты пусты.
 Ахти! горе великое,
 Тоска, печаль несносная!
 Куда бѣжать тоску дѣвать?
 Пойду млада въ чисто поле,
 Въ чистомъ полѣ трава вянетъ,
 Трава вянетъ, цвѣты блекнутъ
 Безъ милаго сердечнаго.
 Куда бѣжать, тоску дѣвать?
 Пойду млада въ зеленый садъ,
 Въ зеленомъ саду трава растеть,
 Трава растеть, цвѣты цвѣтутъ.
 Сорву млада съ травы цвѣтокъ,
 Совью млада себѣ вѣнокъ
 Милу дружку на головушку.
 Пойду млада я на рѣченьку,
 Пушу вѣнокъ посверхъ воды:
 Плыви, вѣнокъ, въ каменну Москву,
 Ко милу дружку, на головушку.
 Носи, милъ, вѣнокъ, не скидавай,
 Терпи горе, не рассказывай.

1461 (14).

Не шумите вы, буйные вѣтры,
 Не качайте вы грушицу зелену,
 Яблоню кудряву.
 Не мѣшайте мнѣ, младенькѣ, въ саду погу-
 ляти,
 Мнѣ лазоревыхъ цвѣточковъ посрывать,
 Поколь батюшка сударь замужъ не выдалъ
 За того ль за дѣтину за невѣжу.
 Во кобакъ идетъ невѣжа, скачетъ, пляшетъ,
 Съ кобака идетъ невѣжа, свищетъ, гаркаетъ:
 „Еще дома ли жена, жена молодая,
 Отпирала бы широкія ворота!“
 Ужъ и я ли, молоденька, была тороплива,
 Я скорѣшенько съ постелюшки вставала,
 На босу ножку башмачки надѣвала,

Я къ широкимъ воротамъ бѣжала,
 Я покрѣпче ворота заперала:
 Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая перина,
 Мягкая перина—бѣленькій снѣжечекъ,
 Вотъ тебѣ высокое взголовье—подворотня,
 Вотъ тебѣ одѣяло соболе—частыя звѣзды!
 Каково тебѣ, невѣжа, спать за воротами,
 Таково то мнѣ, младешенькѣ, жить за тобою.

1462 (15).

Не велѣла мнѣ матушка
 Мнѣ бѣлится, румяниться,
 На черно брови сурмить,
 Въ цвѣтное платьѣ рядиться,
 Въ холостую горницу хаживать,
 Въ холостую, женатую,
 Съ холостыми рѣчь говаривать,
 Съ холостыми и съ женатыми.
 Я не слушалась матушки,
 Я бѣлилась, румянилась,
 На черно брови сурмила,
 Въ цвѣтное платьѣ рядилась,
 Въ холостую горницу хаживала,
 Въ холостую, женатую,
 Съ холостыми рѣчь говаривала,
 Съ холостыми и съ женатыми.
 Обманулъ меня молодецъ,
 Обманулъ разкональскій (sic) сынъ:
 Онъ сказалъ, что нѣтъ отца, матери,
 Ужъ какъ нѣтъ молодой жены,
 Молодой жены съ дѣтушками.
 Ужъ какъ я ль, красна дѣвушка,
 На его слова прельстилася,
 Съ вихоремъ думу думала,
 Съ вихоремъ я разгадывала.
 Онъ повезъ на свою сторону,
 На дорогѣ всю правду сказалъ,
 Всю правду, всю истинную:
 „Не пугайся, красна дѣвица,
 Не пугайся, дочь отецка!
 Я хочу тебѣ всю правду сказать,
 Всю правду, всю истинную:
 У меня есть и отецъ и мать,
 У меня есть молодая жена,
 Молода жена съ дѣтушками.“
 Залилася я, красна дѣвушка,
 Я своими горячьми слезами,
 Во слезахъ слово мовила:
 „Ты удалый добрый молодецъ,
 Ты зачѣмъ же меня обманывалъ?
 Мою молодость подговаривалъ?“
 Онъ привѣзъ на свою сторону.
 Какъ встрѣчаетъ его и отецъ и мать,
 Какъ встрѣчаетъ молода жена съ дѣтушками.

„Ты родимый родной батюшка!
 Я привезъ вамъ вѣковую работницу,
 А тебѣ, родна матушка,
 Вѣковую перемѣнщицу,
 А тебѣ молодая жена,
 Вѣковую постельницу,
 А вамъ, малымъ дѣтушкамъ,
 Вѣковая вамъ нянюшка,
 А себѣ, добру молодцу,
 Вѣковую разувальницу.“
 Залилась красна дѣвушка
 Своими горючими слезами,
 Во слезахъ слова молвила:
 „Ты не смѣйся, добрый молодецъ!
 Я отцу твоему не работница,
 А матери не перемѣнщица,
 А женѣ твоей не постельница,
 А дѣтямъ твоимъ не нянюшка.
 Ты удалый добрый молодецъ!
 И ты дай мнѣ вѣдры дубовыя,
 И я пойду на Дунай рѣку.
 На Дунай рѣку по воду.“
 Почерпнула вѣдры, поставила,
 На всѣ стороны помолилася,
 Съ отцемъ, съ матерью простилася:
 „Ты прости, мой родной батюшка,
 Ты еще прости, государыня матушка,
 Еще прощай, добрый молодецъ.“
 Ужъ въ первой-то она взшла
 По свой шелковъ поясъ,
 А въ другой-атъ она взшла
 По свои могучи плеча,
 А ужъ въ третій-та она взшла
 По свою буйну голову.
 Увидалъ добрый молодецъ
 Со высокаго терема,
 Со косяcataго окошечка,
 Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 „Не топись, красна дѣвица,
 Не топись, дочь отецкая!
 Отвезу тебя на твою сторону,
 Къ твоему ли къ отцу, къ матери,
 Къ твоему роду-племени.“

1463 (16).

Ивушка, ивушка, ракиновый кустокъ!
 Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?
 — Какъ же мнѣ, ивущкѣ, зеленой быть?
 Сверху меня, ивушку, частымъ дождикомъ
 сѣчетъ,
 Частымъ дождикомъ сѣчетъ, солнышкомъ
 печетъ,
 Подъ корешекъ ключева вода течетъ.
 Ъхали бояре изъ Новгорода,

Срубили ивушку подъ самый корешекъ,
 Дѣлали изъ ивушки два весла, третью ло-
 Посадили красну дѣвицу душу, [дочку,
 Сѣли, поѣхали гулять.
 Дѣвица, дѣвица, что невесела сидишь?
 — Какъ же мнѣ, дѣвицѣ, веселой быть?
 Батюшка съ матушкой неправдой живутъ:
 Меньшую сестру прежде замужъ отдають;
 Меньшая сестра чѣмъ же лучше меня?
 Ни ткать, ни прять, ни початочки мотать,
 Только по воду ходить, дубовы вѣдры катить.

Пѣсни 1447—63 записаны (П. В. К-имъ?—Ред.)
 у семидесятилѣтняго Моск. мѣщанина.— Прим.
 П. В. К.

1464 (1).

Во саду дѣвки гуляли,
 Во саду красныя гуляли
 Калина, малина!
 И цвѣтики сорывали,
 И вѣнки совивали.
 Калина, малина!
 Они сами загадали,
 Въ быстру рѣку кидали:
 Калина, малина!
 Кто вѣночикъ поймаетъ,
 За того замужъ выду.
 Калина, малина!
 Гдѣ ни взялся молодецъ
 Изъ Суровскаго ряду;
 Калина, малина!
 Онъ въ коришневой бекешѣ
 И въ пуховой-то шляпѣ,
 Калина, малина!
 Въ полотняной сорочкѣ,
 Въ шитой желеткѣ,
 Калина, малина!
 Онъ въ козловыхъ сапожкахъ,
 Въ бумажныхъ чулочкахъ;
 Калина, малина!
 Разувался, раздѣвался,
 Въ быстру рѣку кидался;
 Калина, малина!
 Вѣнокъ уплываетъ,
 Молодецъ потопаетъ;
 Калина, малина!
 Вѣнокъ-то повернулся,
 Молодецъ захлебнулся.
 Калина, малина!
 Охти! согрѣшила,
 Молодна потопила,
 Калина, малина!
 А себѣ не получила
 И людямъ не вручила.
 Калина, малина!

1465 (2).

Продай, мужъ, кобылку съ коровушкою,
Ой-ли, ой-ли, лёли, и пр.*)

Купи, мужъ, кокошникъ косой, золотой,
Купи, мужъ, ожерелье жемчужинькое,
Купи, мужъ, душегрѣйку парчевинькую,
Купи, мужъ, шубку штафнинькую,
Купи, мужъ, сорочку кисейнинькую,
Купи, мужъ, серёжки стразовыя,
Купи, мужъ, башмачки матеревыя,
Купи, мужъ, чулочки ты шелковыя.

— Поѣдемъ-ка жена да въ лѣсъ по дрова,
Да въ лѣсъ по дрова берёзовыя**)—
Наклялъ возъ великъ, поѣхалъ, въ цѣликъ
И самъ-то сидитъ, прихлыстываетъ,
Прихлыстываетъ, присвистываетъ,
Къ воротамъ подъѣзжаетъ, ребятамъ кричитъ:
„Посмотрите-ка ребята!“—Жена виражена.

— Продай, мужъ, кокошникъ косой, золотой,
Продай, мужъ, ожерелье жемчужинькое,
Продай, мужъ, душегрѣйку парчевинькую,
Продай, мужъ, шубку штафнинькую,
Продай, мужъ, сорочку кисейнинькую,
Продай, мужъ, серёжки ты стразовыя,
Продай, мужъ, башмачки матеревыя,
Продай, мужъ, чулочки ты шелковыя.
Купи, мужъ, кобылку съ коровушкою:
На кобылкѣ будешь ѣздить въ лѣсъ по дрова,
Въ лѣсъ***) по дрова по березовыя.
А я буду коровушку доить, да кашку варить,
Кашку варить молошненькую, тебя, мой
другъ, кормить.

*) Повторяется послѣ каждого стиха.—Ред.

**) Стихъ вписанъ позднѣе.—Ред.

***) Вписано позднѣе.—Ред.

1466 (3).

Ужъ далеко, далеко-то во чистомъ полѣ,
Во раздольцѣ было во широкимъ,
Тутъ разложенъ былъ огонёчикъ малёхо-
некъ,

Возлѣ огничку разосланъ ковричекъ;
Какъ на коврички лежалъ молодецъ,
Во правой своей рукѣ держалъ тѣгой лукъ,
Во лѣвой своей рукѣ—калена стрѣла;
Во рѣзвыхъ его ногахъ стоялъ добрый конь;
Онъ и бьетъ не бьетъ объ землю коньичи-
комъ,

Онъ и знакъ даетъ доброму молодцу:
„Ты вставай-ка, добрый молодецъ, пойдёмъ
домой!

Отвезу тебя къ отцу, къ матери,

Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ малымъ дѣтушкамъ.“

Какъ отвѣтъ-то держалъ добрый молодецъ;
„Поѣзжай ты, конь, конь одинъ домой,
Отвези поклонъ отцу, матери,
Челобитьице молодой женѣ,
Благословеньице малымъ дѣтушкамъ.
Какъ женился я, добрый молодецъ,
Взялъ за себя поле чистое,
А приданое зеленые дуга.“

1467 (4).

Охъ! ты степь ли моя Моздовская!
Далеко ты, широко, степь, протянулася,
До того-ли города Саратова,
До села Царицына.
Никто-то по ней не прохаживалъ и не про-
ѣзживалъ.

Только ѣхали молодые извозчики Коломен-
скіе.

Что несчастіице у нихъ въ обозѣ случилось:
Захворалъ-то, занемогъ молодой извозчикъ
Всѣ Коломенской. [да Коломенской,

Какъ взговоритъ онъ-та своимъ товарищамъ:
„Охъ! вы, братцы мои, товарищи!
Не поминайте же моей прежней грубости,
Представьте же ко тому хозяину вы моихъ
добрыхъ коней.

А еще напишите письмо къ моему батюшкѣ,
И напишите поклонъ моей матушкѣ,
Челобитьице молодой женѣ,
Благословеньице малымъ дѣтушкамъ.“

1468 (5).

Я пойду ли красна дѣвица
Въ чисто поле погулять,
Злое коренье набирать.
Я, набравши злое коренье,
Бѣло-на-бѣло вымою.
Я, вымывши коренья,
Сухо на-сухо высушу,
Я, высушивши злое коренье,
Мелко на-мелко смелю,
Я, смелѣвши злое коренье,
Сладкаго мѣду наварю.
Наварѣвши сладкаго мѣду,
Дружка въ гости позову.
Я, позвавши дружка въ гости,
На кроватку посажу.
Посадѣвши на кроватку,
Стаканъ мѣду поднесу.
Поднесѣвши стаканъ мѣду,
Любезнаго спрошу:

„Ты скажи, скажи любезной,
Что на сердцѣ у тебя?“

На моемъ на сердечкѣ
Словно камушекъ лежить.
Ты умѣла меня злымъ зельемъ опоить,
Умѣй меня, милая, схоронить:
Схоронить мое тѣло
Между трѣхъ большихъ дорогъ,
Что Питерской, Московской,
Славной Кіевской большой.
Еще вы не забудьте кавалерію со мной,
Вы еще положите черну шляпу со перомъ,
Вы еѣ положите среди гроба моего;
Вы еще не забудьте пистолеть мой да ружье.
Схороните мое тѣло
Въ чистомъ полѣ далеко,
Что-бы ты, моя милая,
Не вздыхала тяжело.

1469 (6).

Дѣвка платье мыла,
Валькомъ колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала:
То повернется туды,
То обернется сюды,
На всѣ стороны глядитъ.
Гдѣ нѣ взялся милѡй
На вѡрономъ конѣ.
„Богъ въ помощь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти!
Напой мово кѡня
Серѣдъ синяго моря,
Чтобъ конь воды напился,
Бранъ коверъ не замочился.
Я тебѣ, дѣвица,
Загадку загадаю,
Изволь отгадати.“

— Изволь, сударь, отгадаю.—
„Еще что же у насъ краше свѣта?“
— Краше свѣта красно солнце,—
„Еще что же у насъ выше лѣсу?“
— Выше лѣсу свѣтѣль мѣсяцъ.—
„Еще что же у насъ безъ кореньевъ?“
— Безъ кореньевъ горючъ камень.—
„Ужъ какъ быть тебѣ, дѣвица, за мною,
Ужъ какъ слыть тебѣ моей женою.“

1470 (7).

Затмися, лучъ ясный,
И, солнце, не свѣти.
Прости, прощай, любезный,
Изъ послѣдній разъ со мной.

При всей нашей разлукѣ
Всему виновентъ самъ.
Ты клялъ, бранилъ всё ложно,
Томилъ и мучилъ самъ себя.
Повѣрь, другъ, что будетъ не ложно,
Что вспомнишь про меня.
Не разъ я тебѣ говорила,
Не два твердила;
А ты, какъ въ полѣ вѣтеръ,
Всегда свое творишь.
Бѣгу я въ тѣ лѣсочки,
Гдѣ милой мой гулялъ,
Хочу ево догнать.
Бѣгу я, останавлиюсь,
Сама себе спрошу:
Куды жъ я тороплюся,
Гдѣ жъ я милова сыщу?

1671 (8).

Не бѣлой-атъ снѣгъ напалъ:
Со коня милѡй упалъ,
Какъ упалъ да лежить,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Сударушка подбѣжала,
За бѣлы руки подымала,
На коня его сажала,
Сама строго приказала:
„Ты поѣдешь, моя радость,
По уѣздамъ, городамъ,
На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся.
Уже хорошія, пригожія тебя высушили,
Безъ морозу сердце вызнобили.“
Какъ гнилая-то солома нынче женится,
Она въ честь произошла,
А лазоревый цвѣточикъ за него замужъ
идеть.

Какъ гнилая - то солома на кровати лежить,
А лазоревый цвѣтокъ у кровати стоять,
Сама плачетъ, говорить:
„Охъ ты, миленькій, прости,
На кровать пусти.“
— Я тогда тебя прошу,
Когда шкуру съ плечъ спущу.—
Меня миленькій простилъ,
На кровать пустилъ.

1472 (9).

На что, мати, счастливую родила,
Счастливую, талантливую,
Красную дѣвушку отгадливую?
Нельзя, мати, къ обѣднѣ ходить,
Нельзя, мати, Богу молитися:

Дьячѣкъ звонить, мѣшается,
 А дьяконъ въ книгѣ зачитается,
 А попъ въ словахъ мѣшается.
 Народъ все про то же говоритъ:
 „Вонъ наша хорошая идѣтъ,
 Счастливая, талантливая,
 Красна дѣвица отгадливая.“
 Какъ у насъ на дворѣ желуди, желуди,
 А за дѣвицей женихи, женихи.
 Вы не сватайтесь, не сватайтесь, молодцы,
 Одному кому достануся:
 Либо старому, либо малому,
 Либо самому послѣднему.
 У воротъ дѣвица стоитъ,
 Сама плачетъ, говорить,
 Передъ дѣвицей молодчикъ стоитъ,
 „Ты не плачь, не плачь, хорошая моя,
 Я послѣднее помѣстье заложу,
 А тебе, моя милая, снаряжу.
 Я сошью платьѣ розовое,
 А другое голубой цвѣтъ,
 А третье цвѣтъ померанцовой.“
 — Ты не шей мнѣ платьѣ розовое,
 Розовой цвѣтъ отъ солнушка бѣжить,
 Голубой цвѣтъ марается,
 Померанцовой не кажется.
 И ты шей мнѣ платьѣ чѣрное,
 Чѣрно платьѣ мнѣ, монашеское.

1473 (10).

Я по сѣнямъ ходила,
 Я по новымъ гуляла,
 Русу косу чесала,
 Алѹ ленту вплетала,

Ручки въ пазушки клала,
 Къ себѣ милаго ждала.
 „Охъ ты, миленькій милой,
 Зачѣмъ ходишь ко иной,
 Похваляешься ты мной,
 Моей русою косою?
 Моя русая коса
 Всему городу краса,
 Неженатымъ сухота,
 А старымъ оханье,
 А дѣвушка чѣсть-хвала.“

1474 (11).

У Полячиньки да было три дочки:
 Первая-то дочка была румина,
 Другая-то дочка тонка, высока,
 Третья то дочка чѣрна, горбата.
 Первую дочку замужъ выдала за полков-
 ничка,
 Другую то дочку выдала за молодова за
 князѣвича,
 Третью дочку выдала за корوليку.
 Собралися зятйки къ тѣщи въ гости,
 Стали зятѣя королю смѣяться.
 Первой-атъ зять смѣется:
 Вѣрно у короля не стало тонкой, высокой.
 Другой-атъ зятикъ сталъ смѣяться:
 Вѣрно у короля не стало бѣлой, румяной.
 Сталъ король отвѣтъ отвѣчать:
 Тонкая былинка, отчего она частая,
 Бѣлая рѣдечка, отчего она горькая?
 Черненькій мачекъ отчего онъ сладокъ?

Пѣсни 1464—74 записаны отъ мѣщанъ Рогож-
 ской части—Прим. П.В.К.

в) Звенигородскаго у. с. Ильинское.

1475 (1).

За рѣчкою, за быстрою, живетъ мужикъ
 Марко,
 У Марки сынъ Оедоръ, у Оедора жена Марѣа.
 Гостили у нихъ три гостѣя.
 Гостили не нагостились,
 Гостили не нагостились,
 Только много намутили:
 „Ужъ ты, Оѣдоръ, ты, Оѣдоръ!
 Изведи жену Марѣу!
 Ты возьми изъ насъ любую,
 Либо Аксинью, Афросинью.
 Третью душу Полагаю.“
 Марѣа догадалась,

У Оѣдора попросилась:
 „Пусти, Оѣдоръ, погостити
 На недѣлку, на другую.“
 Ужъ гостила я недѣлку.
 Ужъ гостила я другую,
 А на третью стосковалась:
 „Охъ! ты матушка, тошненько!
 Государыня, грустненько!“
 — Ты открой, Марѣа, окошко,
 Погляди, Марѣа, въ окошко,
 Ужъ не ѣдетъ ли твой Оѣдоръ?—
 Не успѣла Марѣа открыти,
 Ужъ и Оѣдоръ надворъ вѣхалъ;
 Не успѣла Марѣа закрыти,
 Ужъ и Оѣдоръ вошелъ въ избу;

И онъ Богу помолился,
 И онъ тестю поклонился:
 „Ты, тесть батюшко, здорово!
 Теща матушка, здорово!
 А тебя, Марѳа, забылъ я,
 Забылъ поклонъ принести.
 Охъ ты Марѳа, ты Марѳа!
 Собирайся поскорѣе;
 У насъ дома не здорово:
 Свекоръ батюшка не можетъ,
 Свекровь матушка на часочку“.
 Вотъ и Марѳа испугалась:
 „Охъ, ты матушка родная!
 Проводи меня подалѣ
 Черезъ тѣмные лѣсы,
 Черезъ крутыя горы,
 Черезъ быстрыя рѣки,
 Черезъ синее море.
 Охъ, ты матушка родима!
 Проводи меня подалѣ,
 Какъ до самого до дворечка,
 Какъ до краснаго до крылечка
 До серебряна до колечка“.
 Какъ вошла Марѳа въ избу,
 Она Богу помолилась,
 Она свекру поклонилась:
 „Свекоръ батюшко здорово!
 Свекровь матушка здорово!
 А тебе, Ѳѳдоръ, забыла:
 Охъ! ты Ѳѳдоръ обманщикъ!
 Сказалъ: дома не здорово:
 Свекоръ батюшка не можетъ
 Свекровь матушка на часочку!“
 — Истопа-то, Марѳа, баню,
 Не жаркѣю, не парнѣю.
 Ты нагрѣй, Марѳа, водицы
 Да студѣной, не горячей.—
 Какъ пошла Марѳа въ баню,
 Ужъ что сталъ Марѳу казнити,
 Сталъ казнити и рубити;
 Онъ ей голову на лавку,
 А скорыя ноги подъ лавку,
 Тѣло бѣло подъ полочикъ.
 Какъ пришѣлъ Ѳѳдоръ изъ бани,
 Какъ пошѣлъ Ѳѳдоръ къ невѣстамъ,
 Какъ къ Аксинѣ, къ Афросинѣ,
 Къ третьей душѣ Полагѣ.
 Вотъ Аксинья не сказалась,
 Афросинья отказалась,
 Полагѣ насмѣялась:
 „Охъ, ты Ѳѳдоръ, ты Ѳѳдоръ!
 Охъ, ты дѣвичій обманщикъ!
 Какъ извелъ ты жену Марѳу,
 Изведешь ты и Аксинью,
 Любъ Аксинью, Афросинью,

Третью душу Полагаю.“
 Ужъ пришелъ Ѳѳдоръ въ избу
 И онъ сталъ дитя качати:
 „И ты баю, баю, дитятко!
 И ты баю, баю, милое!
 У тебя нѣту матушки,
 У меня милой ладушки,
 Милой ладушки, молодой жены!“

1476 (2).

Мы гуляли во лужкахъ,
 Забавлялись во кружкахъ;
 Мы гуляли, цвѣты рвали,
 Мы вѣночки сорывали,
 Сорывали, совивали,
 На головку надѣвали,
 Надѣвали, надѣвали;
 Идти домой опоздали,
 Опоздали, пріустали,
 Подъ кустикомъ отдыхали.
 Тутъ охотники гуляли;
 Злы собаки набѣжали,
 Меня, младу, попугали.
 На ту пору, на тотъ часъ
 Самъ охотникъ набѣжалъ,
 Со добра коня слѣзалъ,
 Чѣрну шляпу скидавалъ,
 Любовь дѣвушкѣ сказалъ.
 Дѣвка парню говорила,
 Во слезахъ его бранила:
 „Иди, парень, за мной смѣло,
 Гляди мое тѣло бѣло:
 Мое тѣло припотѣло,
 Разгуляться захотѣло“.
 Войду я во горенку,
 Сяду я на лавочку,
 Возьму балалаичку,
 Стану я играти
 Пѣсни распѣвати,
 Какъ Ильинскіимъ ребятамъ
 Нынче пожилоса,
 Прижилось, прибылоса,
 Прибылосъ, прибогатилосъ:
 Во мучны ряды ходили,
 Муку на солодъ мѣняли,
 Брагу пьяную варили,
 Въ погребахъ долго морили,
 Насъ мѣлодцевъ не поили,
 Что за то насъ не поили,
 Что мы дѣвушекъ любили.
 На нихъ шапочки съ ушкѣми,
 Разставалися съ дружками.
 Ужъ-на нихъ-та кушаки,
 Во всю спину широки.

Ужъ на нихъ-то штаны
Сто рублевъ даны;
Ужъ на нихъ та сапоги,
Всё козловы, дорогй.
Какъ Ильинскіе робята
Не хотятъ славы зажить,
Хотятъ дѣвокъ развозить
По всѣмъ сѣламъ, деревнямъ,
По уѣзднымъ городамъ.

1477 (3).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зелѣнаго,
Заходила туча грозная,
Не дождлива, не погодлива.
По утру раномъ ранѣхонько
Выпала бѣла порошица;
Какъ по этой по порошицѣ
Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не спросилася,
Ни съ кѣмъ она не простилася.
Середь лѣсу становилася,
Середь лѣсу, середь тѣмнаго,
Середь садику зелѣнаго,
Съ соловьями думу думала,
Съ соловьями рѣчь говаривала,
Соловьяшкамъ наказывала:
„Соловей ты мой, соловьяшко!
Соловей ты, вольна пташечка!
Полети ка ты, соловушко,
На мою родиму сторонущку,
Ты скажи, скажи, соловушко,
Мому батюшкѣ низкій поклонъ,
А матушкѣ челобитьице.
Ахъ ты матушка, невольюшка,
Чужа дальня сторонущка.
Чужа дальня, незнакомая!
Какъ чужой-та отецъ съ матерью
Безвинно журить, бранить,
Понапрасну говорить,
Старый молодѣхоньку
Не пускаетъ погулять,
Со робятами поиграть.

1478 (4).

Иванушка сѣно косить,
Алѣнушка воду носить;
Иванушка припотѣлъ,
Испить воду захотѣлъ.
Алѣнушка не добра,
Испить воду не дала.
Умилилась, воротилась,
Въ окошечко подала,

Въ окошечко подала,
Иванушкой назвала:
„Иванушка, бѣль, кудрявь!
Что ты долго не жёнатъ?“
— Алѣнушка, лебедь бѣла!
Ты сама мнѣ не велѣла,
Ты сама мнѣ не велѣла,—
За меня идтить хотѣла.

1479 (5).

Охъ, ты степь ли моя, степь, степь Сара-
товска!

Далеко же ты, степь, протянулася,
До того ли до села до Царицына,
До того ли до князя до Голицына.
На тебѣ ли на степи лежала дороженька:
Никто по дорожкѣ не проѣзживалъ,
Не проѣзживалъ, не прохаживалъ;
Только шли, прошли два полка солдатъ;
За солдатами ѣхали молодые извозчики.
Занемогъ-то, захворалъ молодой извозчикъ;
Онъ наказываетъ своимъ братцамъ, товари-
„Охъ вы братцы мои, вы товарищи! [щамъ:
Не помните вы, братцы, моей грубости,
Моей грубости, молодецкой моей глупости!
Заложите-ка, братцы, моихъ тройку воро-
ныхъ коней.

Вы поѣдете, братцы, на мою сторонущку,
Вы отдайте коней родимому батюшкѣ,
Вы скажите отъ меня батюшкѣ низкій по-
клонъ,

Моей матушкѣ поклонъ-челобитьице,
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице;
Молодой то женѣ скажите на три волюшки:
Хоть замужъ пойдя, иль въ вдовахъ сиди,
Хоть въ вдовахъ сиди, хоть гулять пойдя.“
— Ужъ мнѣ замужъ-то молодой не хочется,
Во вдовахъ сидѣть не приходится,
За гульбой идтить, мнѣ убитой быть!

1480 (6).

Плакала сударушка, обливалась слезами,
Залила сударушка всѣ дорожки и лужки,
Всѣ дорожки и лужки, круты, славны бе-
режки.

По бережку, по камушку, течетъ рѣчка, не-
шумить,

Во саду-ль, во садикѣ соловьяшекъ поѣтъ.
Не пой-ка, соловьяшко, шибко, громко во
саду,

Не давай назолушки сердечушку мому:
Какъ мое сердечушко надорвалось кликучій,
На чужой сторонущкѣ стосковалось живучій.

Чужая сторонushка безъ вѣтра сушить, кру-
шить,
Чужой отецъ съ матерью безвинно журить,
бранять,
Журить, бранять, понапрасну говорить.
Спокаилась дѣвушка, молода замужъ пошла,
Молода замужъ пошла, за старого старика.
Старый молодехоньку не пускаетъ погулять,
Не пускаетъ погулять, съ робятами поиграть,
Съ робятами поиграть, съ холостыми по-
шутить.

1481 (7).

Весѣлая бесѣдушка, гдѣ батюшка пѣтъ.
Онъ пѣтъ, не пѣтъ родимый мой, за мной
скоро плетъ;

А я млада младѣхонька замѣшкала
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за жоружкою.
Ужъ жоружка по бережку похаживаетъ,
Шелковую листь-травушку пощипываетъ,
Съ холодною водицею прихлебываетъ.
За рѣчкою за быстрою четыре двора;
Во етихъ ли во дворикахъ четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
Кумитесь, любитесь, полюбите меня;
Пойдете вы во садъ гулять, возьмите меня;
Вы станете цвѣты срывать, сорвите-ка мнѣ,
Вы станете вѣнки свивать, совейте-ка мнѣ.
Ужъ всѣ вѣнки поверхъ плывутъ, а мой по-
тонулъ.

1482 (8).

Ты досада ли, досада,
Ты досада ли, досада моя!
Никому я про досаду не скажу,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ родной;
Только скажу, про досаду расскажу
Я подруженькѣ, голубушкѣ своей тайной:
„Ты, подруженька, голубушка, радость моя!
Что на насъ съ тобой за горе пришло за
бѣда?

Со всего свѣту напасти пришла на меня.
Запрягаетъ милый ворона коня,
Сбѣзжаетъ со широкаго двора.
Колько мнѣ не плакать, нѣчѣмъ пособить,
Во вѣки такого дружка не нажить,
Хороша, мила, ласкова!“

1483 (9).

Какъ журять, бранять молодѣхоньку,
Не велятъ мнѣ ходить на улицу гулять,

Не велятъ глядѣть на сосѣдній дворъ;
А сосѣдній дворъ-то душа моя:
У сосѣда сынъ сокрушилъ меня.
Собирается миль во дороженьку,
Что во дальнюю, растошнѣхоньку.
Какъ по Питерской по дороженькѣ
Пишетъ миленькій ко мнѣ грамотку,
Ко мнѣ грамотку, вѣсть нерадостну;
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
Пишетъ миленькой горячими слезьми,
Горячими слезьми, всѣ дѣвѣчьи:
„Не сиди, Дуняша, поздно вечеромъ,
Ты не тай, не тай свѣчи салныя,
Ты не жди, не жди въ гости Ванюшку;
Я не гость пришелъ, не гоститель твой,—
Я пришелъ къ тебѣ, Дуня, проститися,
Твоей милости доложитися:
Позволишь ли Ванѣ жениться?“
— Женись, Ванюшка, женись, милый другъ!
Ты возьми, возьми дочь купеческу.—
„Мнѣ купеческу дочь взять,
Будетъ гнѣвъ держать,
Будетъ гнѣвъ держать, станетъ гнѣваться;
Что мнѣ взять не взять самое тебя,
Самое тебя красну дѣвицу,
Красну дѣвицу, посидѣльницу!“

1484 (10).

Ходила младѣхонька по чистому полю,
Искала младѣхонька калину съ малиною:
Калина съ малинушкой очень рано разцвѣ-
тала.

Въ тоѣ пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись съ разумомъ въ чужи люди
отдала.

Въ чужихъ людяхъ, матушка, было жить
умѣючи,

Умѣючи, матушка, еще разумѣючи:
Въ чужихъ людяхъ, матушка, три заботы
на умѣ:

Первая заботушка—деверь да золовушка,
Другая заботушка—свекоръ да свекровушка,
Третья-то заботушка—мужъ неудала голова:
Пашенька не пахана, бѣла рожъ не сѣяна.
Первый-то годочикъ млада въ горѣ прожила,
Другой-то годочикъ сирстою прослыла,
Въ третій-то годочикъ не гусливая была,
Въ четвертый годочикъ малы дѣтушки пошли,
Малы дѣтушки пошли, изсушили молодѣ.

1485 (11).

Тошно, невозможно, бѣжала бъ я въ лѣсъ,
Въ лѣсу пользы нѣту, всѣ листьа шумять,

Древы, словно знают, печально стоятъ,
 А пташечки слышать, жалобно поютъ,
 А мнѣ молодёхоньку назову даютъ.
 Ходилъ-гулялъ молодецъ по чистому полю,
 Стрѣлялъ-былялъ молодецъ по частымъ ку-
 стамъ;
 Устрѣлилъ онъ дѣвушку въ ретивѣ сердцѣ:
 „Не гнѣвайся, дѣвушка, любя застрѣлилъ;
 Не стой, не стой, дѣвушка, подь частымъ
 кустомъ,
 Подь частымъ кустомъ, съ инымъ молод-
 цомъ“.

1486 (12).

Помѣшали комарики мнѣ молодой спати,
 На зорѣ-то чуть заснула я млада:
 Слышу, вижу своѣо милаго друга,
 Будто мой милѣй въ высокѣ теремъ зашолъ,
 Безъ доклада къ моей спальнѣ подошолъ,
 Шитый, браный положочикъ распахнулъ,
 Тяжелёхонько на милую вздохнулъ,
 Сталъ онъ ее цѣловати, миловати.
 Звала она его во зеленый садъ гуляти.
 Ломливый мужъ не пускаетъ молодѣ,
 Во правой рукѣ шелкову плетъ несетъ.
 Велю дружку своѣо мужа замучить,
 И велю ему побои*)
 Велю дружку въ студень погребъ засадить.

*) Слово не разобрано (прилсетить?)—Ред.

1487 (13).

Вы молодчики, размолоденьки дружки мои!
 Ваши ласковы разпрятныя къ сердцу слова
 Безъ огня-то мое сердце разожгли,
 Да безъ вѣтру мои мысли разнесли,
 Разнесли, да разнесли мысли мои
 По чистымъ-то по полямъ, да по полямъ,
 Да еще-то по зеленымъ по лугамъ.
 Я сидѣла въ новой горницѣ млада,
 Я сидѣла въ новой горницѣ одна;
 Я лежала бѣлой грудью на окно,
 Я глядѣла въ чисто поле далекѣ.
 Ты злодѣй чужа дальня сторона!
 Разлучила съ отцемъ, съ матерью меня,
 Да еще-то со милымъ ли со дружкой гу-
 лять!

1488 (14).

Вечоръ молода во пиру была,
 Во пиру была, во бесѣдушкѣ;
 Не у батюшки, не у матушки

Я была въ гостяхъ, у мила дружка,
 Я у милаго, у сердечнаго,
 У Московскаго обывателя,
 У трактирнаго завсегдаталя.
 Я не медъ пила, я не полпиво,
 Я пила млада сладку водочку,
 Сладку водочку, все вишнебочку;
 Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
 Я пила млада черезъ край до дна.
 Я въ кабакъ иду, не шатаюся,
 Съ кабака иду пьяна, валяюся.
 И я лѣсомъ шла, не боялася,
 Чистымъ полемъ шла, не шаталася;
 Ко двору пришла, пошатнулася,
 За веревку ухватилася:
 „Веревъ ль ты моя, веревушка,
 Нова, точена, позолочена!
 Содержи меня, бабѣ пьяную,
 Бабѣ пьяную, шельму похмѣльную,
 Не увидѣлъ бы мой лютой свекоръ,
 Не сказалъ бы онъ своему сыну,
 Своему сыну, моему мужу.
 Ужъ какъ мой-то мужъ горькій пьяница:
 Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живеть,
 Съ воды пьянъ живеть, съ квасу бѣсится,
 Съ квасу бѣсится, воръ не повѣсится.
 Кисни, кисни, квасъ, вырви свекру глазъ,
 А свекровушкѣ волосникъ сшиби,
 А золовушкѣ косу выдери,
 А деверюшкѣ кудри вышиби!“

1489 (15).

Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку
 Во матушку во Москву, ко фабричному
 двору.
 Какъ фабричные ребята—люди мѣдрены,
 Люди мѣдрены, принапудрены;
 Они ткуть ковры, салфетки на разныя клѣтки,
 Они ткали, переткали, на кафтаны перешили.
 Намъ не дороги кафтаны, были бѣ денежки
 въ карманѣ;
 Цѣлковые по кошнамъ не даютъ спать по
 ночамъ:
 Во полночь деньги гремятъ, въ кабакъ идти
 велятъ.
 Цѣловальникъ молодой, отпирай новый ко-
 бакъ,
 Пушай дѣвокъ и ребятъ, наливай чару полнѣй,
 Нашихъ денегъ не жалѣй, только самъ, ду-
 ракъ, не пей.
 Если будешь вино пить, я не буду те лю-
 бить,
 Полюблю-ли я такого, щеглеватаго, рябаго?
 Щеглевитенькѣй, рябой, доведи меня домой

До кровати тесовой, до перины пуховой,
Мимо стеколъ, мимо оконъ, мимо каменныхъ
палатъ,
Мимо каменныхъ палатъ, въ цѣловальниковъ
кабакъ.

1490 (16).

Ходить Васинька горой,
Его матушка дворомъ;
У Васиньки мать Арина,
Васильюшкѣ говорила:
„Полно, Вася, перестань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань!“
— Сударыня моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Коли началъ я гулять;
Какъ за рѣчкою за быстрою
Гулять, таки гулять,
У маіора дочь хорошую
Любить, таки любить;
Лице бѣло, аки снѣгъ,
Щеки алы, маковъ цвѣтъ,
Черны брови соболины,
Вся походочка павлинна;
Она ходитъ, выступаетъ,
Рѣчи баетъ, разсыпаетъ,
Съ горъ погоду подымаетъ.—
Васѣ мать потекаетъ:
„Поди, Вася, разгуляйся,
Съ дѣвушками повидайся.“

1491 (17).

Пошла наша Дуня ленкомъ побираться,
Дуня, Дуня, Дунюшка,
Душа моя Дунюшка!
Набрала-то Дуня да съ горсточкой десять,
Дуня и проч.
Намыкала Дуня съ умычкой десять,
Напряла-то Дуня съ початочкомъ десять
Изновала Дуня съ пристѣночкомъ десять;
Пошла наша Дуня бѣрда добывать
Семь селъ исходила, бѣрды не добѣла,
Восьмое селище, и то у попища.
Присудили Дунѣ да добрые люди:
Въ изгороди спати, плетень подавати,
Плетень подавати, бревномъ прибавати,
Бревно прибавати, хворостъ утыкати.
Наткала-то Дуня со холстикомъ десять.
Пошла наша Дуня холстики мочити,
Холстикъ намочила, Дунай возмучила,
Другой помочила, Дунай изсушила.
На встрѣчу-та Дунѣ к...нъ сынъ бояринъ,
К...нъ сынъ бояринъ, б...нъ сынъ татаринъ:

„Богъ помощь те, Дуня, холстики мочити
Холстики мочити, да все полотняны,
Да все полотняны, женихамъ на платочки.“
Пошла наша Дуня холстикъ разстилать,
Разостлала Дуня на первую повѣтку,
Повѣтъ уклонила, свинью задавила—
Поросятъ одни ножки висять,
Семьдесятъ гусятъ—одни носики висять.

1492 (18).

Ахъ ты, Катинька, Катюша!
Катя милая душа!
Уродилась хороша,
Лучше матери, отца,
Удалаго молодца!
Говорила Катѣ мати,
Уговаривалъ братъ:
„Полно, Катинька, уймися,
Съ фабричными не водися!“
До того Катя водилась,
Худой славы что добилась,
До славушки до худой
До матушки до родной,
До великаго стыда,
До ременнаго кнута.
Пойду въ полюшко гуляти,
Тоску-горе разстилать.
Я разсѣю грусть-тоску
По зеленому лужку;
Онъ не сохнетъ и не блѣкнетъ,
Лебедею не растетъ.
Вдоль по улицѣ по той,
По широкой столбовой
Шла дѣвица за водой,
За ней паренъ молодой,
Кричитъ: „Дѣвица постой!
Красавица подожди,
Бѣлы руки подожди!“

1493 (19).

На улицѣ три молодца жеребій метали:
Кому деньги, кому дѣвка, кому цвѣтно
платье?
Доставались деньги Мишкѣ, цвѣтно платьѣ
Гришкѣ,
А Ванюшкѣ щеголечку красная дѣвочка.
Кто старушеньку полюбить, не будетъ про-
щенья,
Молоду вдову полюбить, — грѣхамъ изба-
вленья.
Кто молодушку полюбить,—душенькѣ спа-
сенья,

Красну дѣвицу полюбить,—душа въ раю будетъ.
 Во саду-ли, въ огородѣ дѣвушка гуляла;
 Она ростомъ невеличка, лицомъ круглоличка,
 Во всю щечечку румянецъ завсегда играетъ.
 Во саду-ли, въ огородѣ собака гуляла,
 Ноги тонки, бока звонки, а хвостъ закорючкой.

1494 (20).

Ты думай, моя дума,
 Дума крепка моя,
 Светла молодца съ ума!
 Оженила его мати,
 Его мати оженила:
 Неудалую жену онъ взялъ.
 Я не буду съ нею жити,
 Стану къ дѣвушкамъ ходити,
 Стану дѣвушекъ любить,
 Стану денежки носить:
 Тѣ дѣвушки хороши,
 Красавицы пригожи,
 Одна дѣвка лучше всѣхъ.
 Почему жъ та лучше всѣхъ?
 Что зачесана коса,
 Что заплаканы глаза,
 Что затерты рукава.

1495 (21).

Весельи мнѣ, весельи сегодняшній день,
 Радостенъ, радостенъ теперешній часъ:
 Видѣлъ я, видѣлъ надежду свою,
 Ходить, гулять въ зелёномъ саду,
 Щиплетъ, ломаетъ зелёныя винограды,
 Кидаешь, бросаетъ дружку на кровать:
 „Спишь-ли, не спишь-ли, милой, дорогой?
 Слово мнѣ не скажешь, отвѣта не дашь?
 Буду я, миленькой, сама такова.
 Уфкалъ мой миленькій въ инѣ города,
 Женился мой миленькій на другой женѣ;
 Взялъ жену срамницу, не лучше меня:
 Глаза у той у срамницы, словно у совы,
 Брови-то у срамницы, словно у змѣи.
 А я, душа Аннушка, всѣмъ я хороша:
 Глаза-то у Аннушки, словно у сокола,
 Брови-то у Аннушки черна соболя.“

1496 (22).

Я вѣчеръ былъ у Калужскихъ у воротъ.
 По пути я на почтовый дворъ зашолъ,
 Получилъ письмо отъ душечки сейчасъ,
 Запечатано печальнымъ сургучомъ;

Распечатавъ, самъ головкой покачалъ.
 Сталъ читать, и полились слезы изъ глазъ.
 Пишетъ миленька, разлапушка моя:
 „Приди, миленькій, я очень больна;
 Что больнымъ больна, въ постелюшку слегла.
 Во постели не могу письма писать,
 Не съ кѣмъ тайнаго словечка наказать.
 Если миленькій не придетъ, скоро жизни я

лишусь,
 Съ тобой, миленькій, заочно распрощусь.“
 Не мила мнѣ здѣсь прекрасна сторона:
 Не гуляетъ здѣсь разлапушка моя,
 Хороводы не заводятъ безъ нея,
 Хороводы не утѣшаютъ моихъ слезъ.
 Я пойду съ горя, поплачу, въ темный лѣсъ,
 Гдѣ я съ миленькой по рошицѣ гулялъ,
 Гдѣ я миленькую прежде цѣловалъ.
 На томъ мѣстѣ и травушка не растетъ,
 На травушкѣ и цвѣтики не цвѣтутъ.
 Во кусточкахъ мелки птишки не поютъ,
 Темны лѣсы приклонились къ землѣ.

1497 (23).

Не шелкова травушка не стелется, вѣется,—
 У молодца сердечушко трепещется, бѣется,
 Трепещется, бѣется, на часъ не уймется.
 Про насъ, мой голубчикъ, лихъ люди судятъ;
 Пусть же люди судятъ, пусть же люди рядятъ,

Пусть же судятъ, рядятъ, что я тебя люблю.
 Любя тебя, хорошая, любить тебя стану
 Я до тѣхъ поръ любить стану, пока не отстану.

Покидаетъ парень дѣвку, что въ полѣ былинку,

Во полюшкѣ былинкушку, травиночку часту./
 Въ чистомъ полѣ на раздолѣ стояло тутъ
 древо,

Толсто древо тутъ стояло, березынька бѣла,
 Бѣла, тонка, тонка, бѣла высокая,
 Бѣла, высокая, листомъ широкая;
 Какъ подъ етой подъ березой сидѣлъ сизъ
 голубчикъ:

Онъ не голубъ, не голубчикъ, удалой молодчикъ.

Передъ молодцемъ дѣвица, она слезно плачетъ,

Она плачетъ, возрыдаетъ, безчестье примагаетъ.
 Парень дѣвку, парень красну плакать унимаетъ,

Кашемировымъ платочкомъ слезы утираетъ:
 „Не плачь, дѣвка, не плачь красна, не плачь,
 дура, глупа!

Будешь плакать, тужити, буду больно бити:

При всемъ мірѣ, при народѣ, въ большомъ
короводѣ
Тебѣ будетъ стыдно, прочіимъ наука.
— Намъ съ тобою, голубчикъ, вѣчная раз-
лука.—
Покидаетъ парень дѣвку, что въ полѣ бы-
линку,
Что въ полюшкѣ былинку, во лугахъ тра-
винку.

1498 (24).

Засвистали козаченьки въ походъ съ полу-
ночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи.
„Не плачь, не плачь, Марусенька, мы возъ-
мемъ съ собою,
Мы возьмемъ съ собою, назовемъ сестрою,
Мы сестрою не родною, солдатской женою!“
Мати сына провожала въ чужую краину:
„Поѣзжай, ты мой сыночикъ, да не задайся,
Ты на ворономъ на конѣ назадъ ворочайся.“
— Не узнала родна матулечка, какъ Боже
поможе:
Середь двора широкаго мой конь споткнулся,
А я къ тебѣ, матусинька, назадъ не вернулся.

1498а (24а)*).

Не стучить, не гремитъ, дробень дождикъ
идѣтъ.
Да кто жъ меня молоденьку да до дому до-
ведетъ?
Отозвался казакъ на солодкомъ меду:
„Гуляй, гуляй, черноброва, я до дому до-
веду“.
— Не прошу я тебя, не веди ты меня:
Я лихова жена мужа,—будетъ бити меня,
Будетъ бити, журити, выпрашивать:
Да ты гдѣ, жена, была, гдѣ погуливала?
И я мужу покорюсь, низѣхонько поклонюся.
Меня мужъ помилуетъ, да семь разъ поцѣ-
луетъ.
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка?
Три дни печь натопила, на три печи жару.
Я Москáлька породила, а мнѣ его жалъ,
жаль;
Москалика-сударика породила мати,
Мово мужа, к...на сына породила свѣнья.
Посѣялъ пшеницу, да некогда жати,
Да некогда жати, стала зимовати.
Лучше зналъ, на что бралъ, дому не хо-
зяйка.

Случайно была пропущена.—Ред.

1499 (25).

Ахъ! вы горы, мои горы, горы Воробьевски!
Ничего вы не порѣдили, породили бѣлъ го-
рючъ камень;
Изъ подъ камушка растѣтъ часть ракушкы
кустъ,
На кустѣ-та сидитъ младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ-та держитъ чернѣ воронѣ;
И онъ битъ-та не бьетъ, грозно спрашиваетъ:
„Ужъ ты гдѣ, воронъ, былъ, гдѣ гуливалъ?“
— Я гулялъ-та, гулялъ во дикой степи,
Я гулялъ-та, гулялъ, вонъ гдѣ кустики,
Я видалъ-та, видалъ диво дивное:
Что лежитъ-та, лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, солдатское;
Ужъ никто-та къ тѣлу не подвѣрнется,
Ужъ никто къ бѣлому не подшатнется;
Только вьются тутъ три ластушки,
Три ластушки, три касатушки:
Перва ластушка вьется—родима матушка,
Друга ластушка вьется, то родна сестра,
Третья ластушка вьется—молода жена.
Гдѣ матъ-та плачетъ, тутъ рѣка прошла;
Гдѣ сестра-то плачетъ, тутъ колодезь бьетъ;
Гдѣ жена-та плачетъ, тутъ роса легка;
Взойдетъ солнушко, роса высохнетъ:
Молода жена гулять пошла,
Гулять пошла, семерыхъ мужьевъ нашла,

1500 (26).

Куды бѣжать, тоску дѣвать?
Въ лѣса ль бѣжать? Лѣса темны,
Лѣса темны, густы кусты,
Кусты густы, мѣста проты!
Пойду, въ саду сорву цвѣтокъ,
Сорву цвѣтокъ, совою вѣнокъ,
Совую вѣнокъ милу дружку,
Милу дружку на головушку:
„Носа вѣнокъ, не складывай,
Терпя горе, не сказывай:
Носа вѣнокъ, долой сложится,
Терпя горе, все расскажется.“
У меня молодой постылый мужъ,
Постыль, постыль, раск...нъ сынъ:
Онъ спать идетъ, все плакучи,
Все плакучи, все рыдаючи;
Ложится не по-людскому,
Не по-людскому, по-дурацкому:
Ко мнѣ спиной, къ краю лицомъ;
Промежду насъ лежитъ змѣя,
Въ ногахъ лежитъ сугробъ снѣгу,
Въ головахъ стоитъ котель жару.

1501 (27).

Ахъ, ты ночь, ночь тёмная моя,
Осенняя, тёмная! съ кѣмъ мнѣ ночку поче-
съ кѣмъ осенью коротать? [вать,
Я одна боюсь, товарища со мной нѣтъ,
Нѣту, нѣту товарища, моего мила дружка,
Моего мила дружка, Иванушка молодца!
Иванушка, соколъ мой, показался разумъ
твой,

Весь обычай дорогой, жаль разстаться мнѣ
съ тобой!

Уйду въ тёмные лѣса, гдѣ травушка зелена,
Гдѣ травушка зелена, муравушка расцвѣла,
Гдѣ мой миленькой гулялъ и пріятно цѣло-
валъ,

Гдѣ пріятно цѣловалъ, разлапушкой назы-
валъ;

„Разлапушка дѣвушка, бѣлая лебѣдушка,
Бѣлая лебѣдушка, сизая голубушка!
Тошнѣхонько безъ тебя, тошнѣхонько, гру-
стнѣхонько!“

На дорожку выхожу, на широку становлюсь,
Я сама себя спрошу: куда бѣгу, тороплюсь?
Куда бѣгу, тороплюсь, никого я не боюсь,
Ни курьера, ни маіора, ни московскіхъ куп-
цовъ,

Одного только боюсь Иванушки молодца!

1502 (28).

Весною была я и бѣла и румяна,
Словно кралечка написанная.
Ужъ не ты ли меня высушилъ,
Пустилъ сухоту по животу,
Разсыпалъ печаль по плечамъ,
Заставилъ гулять по ночамъ,
Приневолили подарочки носить,
Подарочки, сладки прянички,
Орѣшки, одни ядрышки?
Пойду въ полюшко гуляти,
Черну былинку заламывать,
А сѣрыхъ гусей заганивать:
Тигу, гуси! тигу, гуси, гуси сѣрые мои!
Ужъ и вы ль, гуси, наплавались,
А я, на васъ глядя, наплакалася.

1503 (29).

У меня ль мужъ не удала голова,
Не купилъ онъ мнѣ чернова соболя,
А купилъ онъ мнѣ коровушку,
Погубилъ мою головушку:
Перво дѣло-то коровушку подой,
Другое дѣло-то подойничикъ помой,

Третье дѣло-то теленочка напои.
Погоню ли я коровъ на росу,
Попадался мнѣ медвѣдь во лѣсу;
Я медвѣдя испугалася,
Во часты кусты бросалася,
Я за тѣ кусты дубовые,
Я за прутья за кленовые:
„Ты медвѣдюшка, мой батюшка!
Обдери мою коровушку,
Обдери мою коровушку,
Слобоні мою головушку!“

1504 (30).

Какъ по зорькѣ, по вечерней по зорѣ,
По вечерней по зорѣ шель молодчикъ изъ
гостей,

Шель молодчикъ изъ гостей со великихъ
радостей.

Онъ торопится, бѣжить, онъ домой скоро
спѣшить.

Какъ за мѡлодцемъ дѣвчонка, кричить: „Мѡ-
лодецъ, стой,

Кричить, молодецъ, стой, раскрасавчикъ,
любчикъ мой!

Раскрасавчикъ, любчикъ мой, умилился предо
мною!“

Парень дѣвку поджидаетъ, съ ноги на ногу
стѣпаетъ.

Съ ноги на ногу стѣпаетъ, уму-разуму пы-
таетъ:

„Ты скажи, скажи, дѣвчонка, скажи лапушка
моя,

Скажи, лапушка моя, одного ль любишь
меня?“

— Я по истинной по правдѣ обо всѣмъ тебѣ
скажу,

Обо всѣмъ тебѣ скажу: семерыхъ съ тобой
люблю.—

Какъ ударилъ парень дѣвку по бѣлому по
лицу,

Какъ по бѣлому лицу, по румяной щекѣ,
Но румяной по щекѣ, по серебряной серьгѣ;

Какъ сереженька серебряна рассыпалася,
Изъ ея бѣла лица показалась рудича,

Изъ яснѣхъ ея очей протекалъ слезъ ручей.

1505 (31).

Стлала, стлала дѣвица
Постелюшку мягкую,
Ждала, ждала дѣвушка
Полковничка въ гости,
Не дождавшись полковничка
Дожиалася спати.

По утру рано вставала,
Вѣсти услыхала:
Померь, померь полковничекъ
Своей скорой смертю.
Остаются дѣти малы,
Жена молодая,
Остается вороной конь,
Серебряна збруя.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь голову клонить.
У молоденькой дѣвочки
Сердечушко ноетъ,
Ноетъ, ноетъ сердечушко:
Полковничка жалко.
Въ чистомъ полѣ, при раздолѣ
Дороженька стелеть;
Какъ по той ли по дорожкѣ
Мой миленькій ѣдетъ,
Ѣдетъ милый, чернобровый,
Къ двору подъѣзжаетъ,
Къ дворику подъѣзжаетъ,
Съ коня слѣзаетъ;
Во горенку входитъ,
На лавочку сядетъ,
Въ окошечко взглянетъ,
Словечко промолвитъ:
„Ты встрѣчай, мой надежда,
Встрѣчай, душа, радость,
Полковничка въ гости.“

1506 (32).

Возвивался соколъ высокъ,
А бѣлая лебедушка повыше его;
У бѣлой-та лебедушки соколъ спрашивалъ:
„Бѣлая лебедушка, гдѣ ты была?“
— Я была лебедушка на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ плывётъ корабль;
Въ этомъ кораблѣкѣ муравъ челночокъ;
Въ муравомъ челночикѣ вдовушка живётъ;
Сидѣла вдовушка подъ краснымъ окномъ,
Обливалась вдовушка горячими слезами:
Не видать дороженьки на синемъ морѣ.

1507 (33).

Ужъ какъ нынече во прошлымъ году
Уродилось много ягодъ во бору;
Заблудилась красна дѣвка во лѣсу,
Приходила на крутой на бережокъ,
Ставовилася на желтый на песокъ,
Разстилала гарнитуровый штофный платокъ,
Вынимала сладкихъ яблочекъ пятокъ,
На закуску черносливу узелокъ,
На закуску сладкой водки полунштофъ,

Закричала шибкимъ, громкимъ голоскомъ:
„Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой!
Перезви меня на ту сторону домой,
На ту сторону на батюшкину,
На сударыни на матушкину!“
— Красна дѣвка! Нынче дорогъ перевозъ.—
„Добрый молодецъ! что изволишь, что съ меня
берешь?“
— Красна дѣвка, мнѣ не надо ничего.
Красна дѣвка, поди замужъ за меня.—
„Добрый молодецъ! это воля не моя:
Это воля родимаго батюшки мѣво,
Еще воля сударыни матушки моей.“

1508 (34).

Во сырѣмъ-та во борѣ
Брала Маша ягоды.
Бравши ягоды, заблудилася:
„Ты ау, ау, милъ сердечный другъ!
Во близѣ ты ходишь, не аукраешься?“
Какъ за мною-та ходятъ три сторожа:
Первый сторожъ-та—да тестъ батюшка,
Другой сторожъ-та—теща матушка,
Третій сторожъ-та—молода жена;
Ужъ хотятъ-та Машѣ срубить буйну голову.

Пѣсни 1475—1508 записаны въ июль—авг. 1831 г.
П. В. К.—имъ.—Ред.

1509 (1).

На зорѣ было на зѣрюшкѣ,
На восходѣ красна солнушка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца,
Какъ жена мужа потѣрjala.
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во студѣный погребъ бросила,
Желтымъ пескомъ призасѣпала,
Дубовѣй доской захопнула,
Правой рученькой защѣлкнула;
Сама вошла въ новѣ горницу,
Набѣлилась, наумянилась,
Сама сѣла подъ окошечко.
Прилетали къ ней два голубя,
Два голубя да два сокола;
То—его братцы родимые;
Они стали её спрашивать:
„Ты невѣстущка, голубущка!
Ты скажи намъ, гдѣ нашъ братъ родной?“
— Вашъ-ать братъ пошѣлъ коня поить.—
„Не обманывай, невѣстущка!
Его смуръ кафтанъ на жѣрдоchkѣ,
Его конь-ать во конюшенкѣ,
Пуховѣ шляпа на стопочкѣ“.

— Вашъ братъ пошелъ во чисто поле,
За кунцами, за лисицами!—

„Не обманывай, невѣстунка,
Наша бѣлая лебедушка!

Что у тебя это за кровь въ сѣняхъ?“

— Деверья мои любезные!

Я бѣлую рыбицу чистила....

Деверья мои любезные!

Вы вяжите мнѣ бѣлыя руки!

Я брата вашего потеряла:

Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,

Во студѣный погребъ бросила,

Желтымъ пескомъ приусыпала,

Дубовой доской захопнула,

Правой рученькой защелкнула.

1510 (2).

Какъ пошла наша Параня

Съ горы на гору гулять,

Яровое зажинать.

Она первый снопь нажала,

Алой лентой перьвязала,

А другой-та снопь нажала,

Голубую перьвязала,

Она третій снопь нажала,

Оглянулася назадъ:

Стоитъ озеро воды;

Молодецъ коня поилъ,

Къ воротичкамъ подводилъ,

За колечко привязалъ,

Красной дѣвкѣ приказалъ:

„Ты дѣвица красавица,

Сбереги мово коня,

Не зарвалъ бы повода,

Повода шелковые,

Удила серебряныя.“

1511 (3).

Въ чистомъ полѣ при раздольѣ стоялъ высо-
кой терѣмъ;

Какъ при этомъ теремочкѣ два молодца пьютъ;

Знать-то что мою хорошую замужъ отдають!

Со того дворца, со прекраснаго крыльца,

Со прекраснаго крыльца ведутъ дѣвку до
вѣнца:

Женихъ ведетъ за рученьку, дружко за дру-
гую,

Третій стоитъ, сердце болить,—любилъ дѣвку,
да не взялъ.

Доставайся, моя хорошая, инымъ людямъ, да
не мнѣ;

Хоть бы не мнѣ, хоть бы брату моему,

А не брату, хоть сосѣду моему.

Вспомни, вспомни, хорошая, чѣмъ я тебя да-
ровала:
Степѣнечкѣ дарилъ по пряничку, Спажущкѣ
горѣлочку.

1512 (4).

Какъ на улицѣ метелица мететь,
За метелицей мой миленькій идетъ,
Съ собою ворона коня ведётъ,
Семиструнную гитарушку несётъ.
За нимъ красна дѣвушка идетъ,
Кричитъ: „Молодецъ, стой, стой!
Семиструнную гитарочку настрой.“
Добрый молодецъ постоивалъ
Да гитарочку настраивалъ.

1513 (5).

Молодка, молодка молодая,
Разлапушка, свѣтикъ, дорогая!
Ты полно по улицѣ ходити,
Перестань ты чернѣю грязь топтати,
Полно по миломъ тосковати.
— Ужъ какъ мнѣ по миломъ не тужити?
Во вѣки такого не найти:
Хорошъ и пригожъ уродился
Онъ ростомъ-то, ростомъ, красотою,
Своей молодецкой чистотою.
Вечоръ во бесѣдушкѣ сидѣла,
Со милымъ дружкомъ побранилась;
Побранка была съ нимъ небольшая.
Не знаю, какъ съ милымъ помириться?
Людей засылать не годится,
Самой покориться,—будетъ стыдно.
Я дождусь, младенька, поры-время,
Я той поры-время—темной ночи,
Сама ко милому побываю,
Всѣ тайныя рѣчи перебаю:
„Поѣдемъ, дружечикъ, во торжечикъ,
Мы купимъ, дружечикъ, шелкову плетъ.
Ты бей меня, милый, сколько хочешь,
Во всякое мѣсто по десятку.
Побивши, мой милый другъ, пожалуй,
Положи на тисовую кроватку,
Положи на правую на ручку,
Прижми ко ретивому сердечку,
Чтобы мое тѣло не болѣло,
Чтобы мои кости не ломило,
Чтобы мое сердце не щемило.“

1514 (6).

Калина, калина, калинушка моя!
О, что-жъ ты, калинушка, рано разцвѣла?

Въ тоѣ пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись съ разумомъ, въ люди отдала.
Въ чужихъ людяхъ, матушка, жить было
умѣючи,

Умѣючи, матушка, да все разумѣючи.
Въ чужихъ людяхъ, матушка, три заботы на
умѣ:

Первая заботушка—свѣкорь да свекровушка,
Другая заботушка—деверь да золовушка
Третія заботушка—мужня удаля голова:
Нашенька не пахана, бѣла рожь не сѣяна.
Первой-атъ годочикъ млада въ горѣ прожила,
Другой-атъ годочикъ сиротою прослыла,
Въ третій-атъ годочикъ не гульливая была,
Въ четвертый-атъ годочикъ дѣти малые пошли,
Дѣти малые пошли, засушили молоду,
Изушили молоду, сокрушили зелену.

Ср. выше, пѣсню 1484.—Ред.

1515 (7).

Ты лучина-ль, лучинушка, лучина моя!
Что-жъ ты, лучинушка, не ясно горишь?
Что-жъ ты, хозяйушка, не весело сидишь?
Аль у те, хозяйушка, хозяина нѣтъ?

— Ужъ уѣхаль-то хозяинъ въ поле па-
шенку пахать,
Приказалъ сударь-хозяинъ въ поле завтра-
кать нести.—

И я попашу, самъ на солнце погляжу.
Вотъ и солнушко на обѣдѣ, жена ѣсть не
несетъ,

И я выпрягу лошадушку, поѣду домой,
И я вырѣжу лозу на упрямую жену.
Подъѣзжаю ко дворѣ, жена ходитъ по-двору.
Ужъ набѣлена жена, нарумянена.

Я спрошу у своей женѣ, спрошу у барыни
своей:

„И ты гдѣ, жена, была, гдѣ погуливала?“
— Я была, сударь, была я у крестничковъ
твоихъ,

За твое, сударь, здоровье чару выкушала.—
„Ай спасибо же, жена, не забыла про меня.“
— Ужъ какъ мнѣ тебя забыть, я не знаю,
какъ избыть!

1516 (8).

Свѣти-ка, ты, мѣсяцъ, не низко, высоко,
Не низко, высоко, не близко, далеко.
Не близко, далеко, во всё чисто поле!
Во чистымъ полѣ дѣвка просо полетѣ,
Дѣвка просо полетѣ, бѣлы руки колетъ:
Мнѣ жалко дѣвицы, скину рукавицы,

Скину рукавицы, подарю дѣвицѣ:
Пушай дѣвка полетѣ, бѣлыхъ рукъ не колетъ.
Послать бы мнѣ свата за себя посватать!
Попѣ-атъ не вѣнчаешь, онъ за сына чаешь,
А дьяконъ-атъ говоритъ, онъ за сына но-
ровитъ,

Понамарь не служить, самъ дѣвушку любить.
Поѣдемъ-те, братцы, мы въ лѣсъ за охотой,
Наловимъ-те, братцы, разныхъ звѣрковъ
много,

Поймаемъ-те, братцы, попу-та куницу,
Попу-та куницу, дьякону лисицу,
Понамарикъ бѣдному хотъ зайчика сѣраго,
Просвириѣ горюшѣ хотъ зайчьи уши,
Просвириной дочкѣ хотъ зайчьи ножки.

1517 (9).

Я вспашу, вспашу пашенку, я поѣмъ ко-
ноплѣнку!

Уродись, моя конопля, и тонка и высока,
И тонка и высока, и листомъ широка.
Какъ на этой на коноплѣ дорогá птица си-
дѣла,

Дорога птица сидѣла, жалобнѣхонько пѣла;
Она пѣла, распѣвала, свое горе забавляла.
Лучше бы, я зналъ, не женился,
Холостой бы я волочился.

Я поѣду во торжочикъ, куплю себѣ гребе-
шечикъ,

Куплю себѣ гребешечикъ, стану голову че-
Положу свои очѣски на окошко. [сати;
Гдѣ ни взялись вѣтры буйны, понесли мои
очѣски,

Понесли мои очѣски вдоль по матушкѣ по
Волгѣ,

Вдоль по матушкѣ по Волгѣ, по широкой,
по долгой.

Тутъ дѣвушки платье мыли, красавицы ко-
лотили,

Красавицы колотили, мои кудри спохватили.

1517a (9a).

Ой дѣвица у воротъ, у воротъ
Красавица у широкихъ стоить:

„Ты, дѣвица, перейми мово коня,
Красавица, коня вороного,
Сдѣлище ново кованое,
Струмена-то позолоченная.

Ужъ ты переймешь, не переймешь коня,
Попеняю свою радость на тебя.“
— Безъ тебя, мой другъ, постель холодна,
Одѣяличко заиндевлѣло,
Подушечки потонули во слезахъ,
Перинушки пропадаютъ во тоскахъ,

Тебя, мой другъ, ожидаючи,
Свое горе проклинаячи.

1518 (10).

Соловей мой, соловей,
Молоденькій, лёгенькій,
Голосочикъ тоненькій!
Не пой, не пой, соловей,
Громкимъ голосомъ своимъ,
Не давай тоски назолы
Сердечушку моему!
Ужъ и такъ мое сердечко
Надорвалось плакучи,
Я не знаю, по чему.
Знать, по ней-же, знать, по ней,
По сударушкѣ своей!
Ты, сударушка моя,
Одолѣла ты меня,
Одолѣла, уѣзжала
Въ чужи дальни города.
Ужъ мнѣ некого нанять,
По сударушку послать:
Ужъ мнѣ малаго нанять,—
Малъ не смыслить, какъ сказать;
А мнѣ стараго нанять,—
Старъ не дойдесть до неѣ;
А мнѣ ровнюшку послать,—
Ровня самъ охочъ гулять:
Ужъ онъ пойдетъ по неѣ,
Засидится у неѣ,
Заглядится на неѣ,
На ея бѣло лице,
На прекрасну красоту.
Ужъ и, знать, мнѣ молодцу
Подниматься самому
По сударушку свою!

1519 (11).

Всѣ на свѣтѣ перемѣнилось:
Правды нѣтъ ни въ чемъ,
Хорошаго нѣтъ ни въ чемъ.
Ноньче, братцы, здѣсь
На Московскихъ дѣвокъ спѣсь:
Башмачки носятъ глубѣи,
А гребеночки высоки,
Животъ туго подтянуть,
Груды выставятъ впередъ.
Нынче дѣвушки лукавы:
Не влюбляйся въ нихъ никто;
Быть не можетъ того, статься,
Не обмануть онѣ насъ.

1520 (12).

Вспомни, милая, гдѣ мы свыкались!
Мы свыкались во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, при долинушкѣ,
Что подъ бѣлою подъ березою.
Куды я не пойду, всѣ плакать велятъ,
Всѣ плакать велятъ по своему горѣ;
Слова не промолвила, милый радъ отстать.
Во былымъ личикѣ дѣвка перемѣнилася,
Во скорой походочкѣ дѣвка заплетается.
Вспомни, вспомни, милый мой, гдѣ мы свы-
кались,
Свыкались, миленькій, подъ горькой осиною!

1521 (13).

Какъ по Питерской по славной по дорожкѣ
Стояла тутъ ивлинка тонка, бѣла, высокая,
И листиста, и вѣтвиста.
Какъ подъ этой подъ ивлинкой лежитъ ду-
шечка дѣтинка,
Онъ избить больно, израненъ, вострымъ конь-
екомъ истыканъ;
Его дождичкомъ примочило, краснымъ сол-
нышкомъ прижарило.
Что возгворить дѣтинка: „Охъ, ты матушка
елинка!
Отпусти ты свои вѣтви отъ верхушечки до
Прикрой мое тѣло бѣло, [корня,
Тѣло бѣло, молодецко!
Какъ меня Боже помилуетъ,
Государь меня пожалуетъ,
Изукрашу я елинку
Лучше душечки дѣвицы,
Лучше душечки дѣвицы,
Лучше молодой молодежи:
Я на всякій на сучечикъ по лазореву цвѣ-
точку,
Я на саму на верхушку я ленточку голубую“.

1522 (14).

За рѣчкою за быстрою слободка стоитъ,
Во слободкѣ молодѣ вдова живѣтъ.
У вдовушки дочь хорошая ростѣтъ,
Про неѣ слава хорошая идѣтъ:
Лице бѣло, словно бѣленькій снѣжокъ,
Щечки алы, словно аленькій цвѣтокъ,
Брови чѣрны, съ поволокою глаза.
У воротъ дѣвка стояла съ молодцомъ,
Красавица говорила съ молодцомъ:
„Полно, молодецъ, по улицѣ ходить,
Полно, миленькій, пусты рѣчи говорить,
Пусты рѣчи, всѣ наносныя слова!“

1523 (15).

Со той ли сторонушки вѣтры подымались,
Вѣтры подымались, подружки съѣзжались,
Подружки съѣзжались, надъ ней дивовались:
„Подружка, голубушка, что сидишь не весело?
Что сидишь не весело, головку повѣсила?“
— Подружки, голубушки, какъ мнѣ не печалиться?
Какъ мнѣ не печалиться? Рѣдко съ милымъ
вижуся.—

Слышу, въ рошѣ гаркаютъ, поютъ,
Гаркаютъ, поютъ, въ теремъ голосъ подаютъ,
Вотъ и въ гудки, въ рожки, наши милые
дружкѣй.

Дѣвка зарадовалася, къ милому бросалася:
„Охъ, ты миленькій, милый, зачѣмъ ходишь
ко иной?

Похваляешься ты мной, моей русою косою!
Моя русая коса всему городу краса,
Всѣмъ холостымъ сухота, а женатымъ грусть
тоска,

Всѣмъ женатымъ грусть-тоска, а мнѣ дѣвкѣ
честь-хвала!“

1524 (16).

Веселая голова!
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади:
Отцу-матери безчестье,
Роду-племени покорь.
Мнѣ головушкѣ вдалой,
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать матушкѣ родной.
И я матушкѣ скажу
И я эдакъ и вотъ такъ:
Скажу, по саду гуляла.
Скажу, яблочки рвала
Я наливчатая,
Я разсыпчатая.
Я на бѣло блюдо клала,
На серебряный поднось,
Ко милу дружку носила
Во высокій во теремъ.
Милъ подарокъ не пріймаетъ
И отвѣту *) не даетъ,
Словно его дома нѣтъ.
Вотъ я топнула ногой,
Сама съ терема долой:
„Оставайся, прахъ съ тобой!
Не ругайся надо мной,

Надъ дѣвичьей красотой,
Надъ русою надъ косою,
Съ алой лентой, голубой.“
На ступеничку ступила,
Призадумалася,
На другую я ступила,
Образумилася,
Я на третію ступила:
Ворочусь до те назадъ,
Дружку выговорю,
Въ глаза выберю:
„Я за что тебя люблю,
На что мерзкаго дарю?
Я за сѣнетку одѣжу,
Я за частую походку“.

*) Рук. отвѣду—Ред.

1525 (17).

Дорожка, дорожка, торна широка!
На тебѣ, дорожкѣ, жѣлтенки песочки,
На этихъ песочкахъ стоятъ три садочка:
Въ первымъ садочкѣ кукушка кукуетъ,
Въ другимъ садочкѣ дѣвушка горюетъ,
Въ третіемъ садочкѣ мать сына спрашиваетъ:
„Сынъ ли мой, сыночикъ, ясный сокол-
чикъ!“

Ты скажи, сыночикъ, кто въ роду милѣ:
Жена, али тѣща, али мать родная?“
— Жена по привѣту, тѣща по совѣту,
Нѣтъ въ свѣтѣ милѣ матушки родимой!

1526 (18).

Вы заводы-ль мои, вы кирпичные,
Вы кирпичные, горемычные!
Ужъ и кто этотъ заводъ завѣлъ?
Заводилъ этотъ заводъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Иванъ Федорычъ;
Разоряла-то заводъ душа красна дѣвушка,
Красна дѣвушка Палагеюшка.
Разорѣвши заводъ, сама въ лѣсъ пошла,
Сама въ лѣсъ пошла по калинушку,
По калинушку дѣвка, по малинушку.
Не въ лѣсу ли, не въ лѣсу дѣвка заблуди-
лася,

На рябинушку дѣвка заглядѣлася,
На кудрявую дѣвка засмотрѣлася.
Ты рябина ли моя, ты кудрявая,
Ты кудрявая моя, миложавая!
Ты не стой-ка, не стой на крутой горѣ,
На крутой горѣ близко ко быстрой рѣкѣ,
Ко быстрой рѣкѣ, къ Волгѣ матушкѣ.

Какъ придётъ-та, придётъ весна красная,
Весна красная, лѣто теплое,
Обогрѣтъ тебя красно солнышко,
Какъ полѣтъ-то, полѣтъ съ крутыхъ горъ
вода,
Какъ подмоетъ-то всё твои кореньицы.

Пѣсни 1509—1526 записаны П. В. К-имъ въ концѣ юля—началѣ авг. 1832 г. Пѣсни 1509—11, 1514—18, 1520, 1521, 1523, 1525 и 1526 обозначены, какъ „протяжныя“; пѣсни 1512, 1515, 1524—какъ „скомороши“ (пѣсня 1519, кромѣ того, какъ „лакейская“), пѣсня 1513 названа „масляничной“.—*Ред.*

г) Звенигородскій у., д. Воронки.

1527 (1).

Скажи, дѣвка, скажи, красная,
Скажи, лапушка, свѣтиль моя, (2)
Вѣрно любишь ли меня?
— Я любить то не люблю,
Наглядѣться не могу,
Наглядѣться, насмотрѣться
На прекрасную твою (на) красоту.—
На его лицѣ румянецъ
Завсегда играетъ, въ лицѣ кровь.
Прежестокая съ милымъ любовью!
Мука злая, любовь съ милымъ большая,
Не разлучить меня съ нимъ никто:
Ни погода, ни вьюга,
Ни сильныя частыя дожди,
Только займетъ, остановить
Мати полая вода.
Разливались рѣки, озѣра,
Затопляли всё зелёные луга.
Я по берегу пойду,
Легку лодочку найду,
Перевощика найму:
„Перевощикъ молодой!
Перевези меня на ту сторону къ милому домой.“

1528 (2).

Какъ проходятъ дорогіе наши дни,
Наступаютъ слезовыя времена!
Поглядѣть бы мой любезный на меня!
Сколь желанно было его сердце до меня!
Слышу, вижу, миль, досада сама надъ собой;
Никому я про досаду свою не скажу,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ родной,
Я скажу, скажу подруженькѣ тайной:
„Ты подруженька, голубушка, радость моя!
Что за горе вышло, за несчастье на меня!
Осердился мой любезный дружокъ на меня;
Онъ сердить, сердить, не кланяется милый
со мной,
Поклонится, отворотить бѣлое лицо.
Милый ходить по широкому двору,
Онъ заходить во конюшенку нову,

Онъ берётъ, берётъ черкасское сѣдло,
Онъ сѣдлаетъ своєю вѣрою коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора,
Становился противъ краснаго мово окна,
Говорилъ рѣчь: „Прощай лапушка, радость
Я уйду въ чужий дальни города, [моя!
Я уйду, не приѣду къ тебѣ никогда!“

1529 (3).

Никакъ невозможно
Безъ печали жить,
Любить дружка можно,
Нельзя не тужить:
Во вѣки такого
Дружка не нажить!
Вздумаю про милаго,—
Не миль бѣлый свѣтъ.
Не миль бѣлый свѣтъ,
(Уйду въ тѣмный лѣсъ) *)
Бѣжала бѣ я въ лѣсъ!
Въ лѣсу пользы нѣту:
Всѣ листьа летать;
Про то древо знаетъ,
Печально стоитъ,
Всѣмъ птишкамъ извѣстно,
Жалобно поютъ,
А мнѣ красной дѣвицѣ
Назѣлу даютъ.
Охочь, охочь миленькій
По лѣсу гулять,
Гораздъ, гораздъ миленькій
По кустамъ стрѣлять;
Застрѣлили онъ дѣвицу
Изъ (за?) часта куста,
Изъ (за?) частова кустика
Во бѣлую грудь.
„Не гнѣвайся, дѣвица!
Любить, застрѣлили:
Не стой со другимъ;
Не то-то мнѣ тошно,
Что ты съ нимъ стоишь,
А то-то мнѣ тошно,
Про что говоришь“.

*) Вставлено позднѣе въ скобкахъ же.—*Ред.*

1530 (4).

Достовалась я старому молодца:
Не пускаетъ старъ на улицу гулять;
Хошь и пустить естли, во слѣдъ за мной
 слѣдить,

Мои глазыньки не взглянуть на него.
Какъ за рѣченкой слободушка стоять,
Во слободкѣ молодѣ вдова живетъ,
У вдовушки дочь хорошая растетъ,
Лицомъ бѣла, щѣчки—розовый пѣтокъ,
Черны брови иззусили молодца,
Шеголихи разорили до конца.

1531 (5).

Опоздалъ я въ рощицѣ молодчикъ,
Самъ не знаю, куды пройтить;
Скучно въ лѣсѣ ночевать,
Знать, дѣвочку поджидать.
Идѣть дѣвка къ нему во лѣсокъ,
Подаётъ свой тонкій голосокъ,
А онъ ей возрадовался,
Выше лѣсу поднялся,
Выше лѣсу, выше горъ,
Сизокрылымъ голубкомъ.
Тутъ ходили, тутъ гуляли
Московскіе егоря,
Увидали голубка;
Хотятъ голубя убить,
Хотятъ его застрѣлить:
Молодцы вы егоря!
Не стрѣляйте голубка.
Пролетитъ голубъ, утѣшитъ,
Поворкуетъ, взвеселитъ!

1532 (6).

Отъ чего я, красна дѣвка, зло мученьице
терплю?
Зло мученьице терплю, одного дружка люблю:
Судьба съ милымъ разлучаетъ, далеко мной
живетъ.
За морями, за далями, промежъ двухъ горъ
высокихъ,
Промежъ двухъ горъ высокихъ, тамъ су-
дарушка живетъ.
Со восточной со сторонушки миль пріятень
воздухъ поносилъ,
Что такой воздухъ пріятный, размалиновы
духи:
Знать то, знать, моя милая подъ окошкомъ
сидитъ,
Подъ окошечкомъ сидитъ, во стеколушко
глядитъ.

Во стеколушко глядять, таки рѣчи говорить:
„Что нынче за люди, люди неразсудливые,
Старыя старухи чертовки не разгадливыя?
Вѣрно, онѣ сами молоды не бывывали,
Никакой любви не вѣживали,
На широкую на улицу гулять не хаживали.“
Ты скажи, моя милая, вѣрно любишь ли меня?
Коли любишь, такъ скажи, а не любишь,
лучше откажись.
Если любишь ты меня, возьму за мужъ за
себя.
Если ты меня не любишь, убью съ горя
самъ себя,
Свѣта бѣлаго лишуся, въ сырѣ землю тлѣть
пойду.
Пушай про насъ люди скажутъ, что вѣренъ
мальчикъ былъ,
Что вѣренъ мальчикъ былъ, одноѣ тебя лю-
билъ,
Одноѣ тебя любилъ, самъ себя съ горя убилъ!

1533 (7).

Вы, молодички, размолоденьки дружки,
Ваши ласковы, разпривѣтливы сердцу слова!
Безъ огню-то мое сердце изожглось,
Что безъ вѣтру мои мысли разнесло,
Разнесло мысли вдоль по чистымъ полямъ,
Вдоль по чистымъ полямъ, по зеленымъ лу-
гамъ.

Кто бы, кто бы мому горечку помогъ,
Кто бы, кто бы мое сердце сократилъ,
Со пути-ли, со дорожки дружка воротилъ?
Возвратися ты, мой миленькій, назадъ!
Наглядитесь, очи ясныя, въ запасъ,
Не страдало бь мое сердце хоть на часъ.
Сидѣла бь я въ новой горницѣ одна,
Бѣлой грудью я на краснымъ окнѣ,
Глядѣла бы въ чисто поле далеко,
Я роняла горючи слезы изъ глазъ,
Я бранила бь чужѣ дальню сторонѣ:
„Ты злодѣй, ты злодѣй, чужа дальня сторона!
Разлучила меня съ отцемъ съ матерью,
Во вторыхъ-то, съ любезнымъ дружкомъ,
А во третьихъ, со родимой стороною“.

1534 (8) *).

Какъ за рѣченкой слободушка стоять,
Во слободушкѣ молода вдова живеть,
У вдовушки дочь хорошая растетъ,
Лицомъ бѣла, щечки—розовыя цвѣтокъ,
Черныя брови изсушили молодца,
Шеголихи разорили до конца.

*) Ср. выше пѣсню 1530; также?—*Ред.*

1535 (9).

Я вечеръ свою милова
 Унимала ночевать,
 Унимала, увѣряла:
 — Ночуй, милый, у меня!—
 „И я радъ бы ночевать,
 Боюсь до-свѣту проспять“.
 — Не пасайся, мой любезный,
 Я сама рано встаю, 2
 Завтра рано разбужу, 2
 Тебя дальше провожу. —
 До тѣхъ поръ я провожала,
 Гдѣ скончалася любовь,
 Гдѣ скончалася, распрощалася,
 Слезно плакала по немъ,
 Слезно плакала, рыдала;
 Со слезъ рѣчка протекла.
 Течётъ рѣченька Казанка
 Съ бережками наравнѣ; 2.
 По ней легкія волны.
 Возьму волны размахну,
 Паду грудью на водѣ,
 Паду грудью на водѣ,
 Во самую глубину,
 Сама рѣчи говорю:
 „По тебѣ, злодѣй, тону!
 По тебѣ ли, по себѣ-ли,
 По разлукѣ по своей!“
 — Разъ я тѣмъ тебя прогнѣвалъ,
 Вечеръ долго не бывалъ,
 Что я долго не бывалъ?
 На улицѣ прогулялъ,
 Въ хороводѣ проигралъ.

1536 (10).

Уѣзжаетъ мой любезный въ чужіи дальни
 страны:
 „Живи, моя хорошая, живи не печалься!
 Во тоску-то, во кручину, въ тоску не вда-
 вайся.
 Востоскуешься, взгорюешься, ниши ко мнѣ
 письма“.
 — Писать письма не умѣю, писарямъ не
 вѣрю;
 Когда вздумаю-взгадаю, сама побываю,
 Сама къ тебѣ побываю, всё про всё узнаю. —
 Какъ по травкѣ, по муравкѣ ковыль трава
 вѣется,
 У молодца сердечушко трепещется, бѣется,
 Трепещется, бѣется, на часъ не уймется.
 — Про насъ съ тобой, любезный мой, лихи
 люди судять! —

„Пушай судять, пушай рядять, что я тебя
 люблю!
 Люблю тебя хорошую, любить таки буду,
 До тѣхъ поръ я любить стану, когда самъ
 отстану;
 Когда самъ отстану, любить перестану:
 Я безсчастный, безталанный на свѣтѣ ро-
 дился“.
 Въ чистомъ полѣ на раздолѣ выросло
 древо,
 Выросло тутъ древо—берёзынька бѣла,
 Бѣла бѣлая, кудрява, тонка, высокая,
 Тонка, высокая, листомъ широкая;
 Что на той-ли на берёзѣ сидѣлъ сизъ го-
 лубчикъ;
 Онъ не сизенькій голубчикъ,—удалый молод-
 чикъ;
 Передъ молодымъ дѣвочка стоитъ, слезно
 плачетъ,
 Она плачетъ и рыдаетъ, безчестье пріимаетъ;
 Парень дѣвку парень красну плакать уни-
 маетъ:
 „Не плачь, дѣвка, не плачь, красна, не
 плачь, дура глупа!
 Если будешь, дура, плакать, буду больно
 бити,
 Ужъ я буду больно бити, не буду любить;
 Тебѣ, дурѣ, будетъ больно, а мнѣ парню
 стыдно!“
 — Вотъ подруженькамъ голубушкамъ, вамъ
 впередъ наука,
 А намъ съ тобой, любезный мой, вѣчная
 разлука.
 Совыканье было тайно, разставанье явно;
 Совыкались мы съ тобой подъ бѣлой берёзой,
 Разставались мы съ тобою подъ горькой
 осиною.

1537 (11).

Распроклятая дѣвчонка кляла свое сердце:
 „Распроклятое такое, мое сердце злое!
 Сердце злое, ретивое, всё во мнѣ изныло,
 Всё изныло, изорвало по милымъ дружочкѣмъ.
 Я кого вѣрно любила, всё по немъ тужила,
 Всё плакала, горевала, мало ночи спала.
 И я ночи до полночи, два часа ночи пробило,
 Сижу дѣвка, сижу красна, сижу сиротина,
 Погляжу млада въ окошко—на дворѣ день
 бѣлой, зоря,
 Мнѣ молоденькѣ спать пора.
 Я той воли не имѣла, безъ милова спать не
 смѣла.“
 Какъ на горкѣ, на горѣ, на шелковой на
 травѣ

Сидитъ Маша за цвѣтами, обливаѣтся сле-
зами;
Во слезахъ она дружка не узнала, разбе-
стѣй назвала:
„Ты разбестія, каналья, отойди прочь отъ
меня,
Отойди прочь отъ меня, я постылая твоя!“
Опослѣ дружка стало жалко, за ворѣта
выхожу,
За ворѣта выхожу, безъ стыду дружку кричу:
„Воротися, мой милѣй, распростимся мы съ
тобой!“

1538 (11).

Не велятъ Машѣ на улицу ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить,
Молодчика молоденькаго,
Не женатаго, холостенькаго:
Холостой парень—любитель дорогой,
А женатый—разобидчикъ, воръ такой,
Онъ не чувствуетъ любви никакой,
Какова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь—слезами залита;
Съ тобой, миленькій, разлука тяжела:
По разлукѣ сердце ноетъ завсегда.
У Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затѣрты рукава.
Вечѣръ Машеньку побили за тебя,
За тебя ли, удалѣва молодца.
А со тѣхъ побоевъ во постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую выздоравливала,
На пятую во зеленый садъ гулять пошла.
Мимо рощицы, зеленого сада
Лежала тутъ дороженька торна,
Торнѣмъ торна, пробита до песка.
Кто эту дороженьку проторилъ?
Добрый молодецъ ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много зѣлота и сѣребра носилъ,
Безъ расчѣту золотой казной дарилъ,
Безъ обмѣру сладкой водочкой поилъ,
На закуску сладкій приникъ разломилъ!

1539 (12).

Полно, милая, крушиться
Тайнымъ сердцемъ обо мнѣ:
Намъ пора съ тобой открыться!
Скажу, милая, тебѣ:
Не теряй красы своей напрасно,
Не томи пріятный долгій вѣкъ;
Важное времячко проходить,
Протекають дорогіе дни;
Жизнь плачевная приходитъ,

Придутъ горестны часы,
Постычѣтъ судьба несчастье,
Разовьются у Маши волоса,
Расплетѣтся русая коса.
Всѣ селеньице ваше большое,
Всѣ селенье ваше преизошолъ,
Лучше, краше Маши не нашолъ;
Есть и лучше, есть и краше,
Мому сердцу милѣй нѣтъ!
Разкрасавица, моя забава,
Уродилась очень хороша:
Безъ бѣлили лицо бѣлѣть,
Безъ румянъ щѣчки алѣ.
Когда травушка въ полѣ завянетъ,
Въ самый жаркій лѣтній, долгій день,
Красоты въ лицѣ не будетъ,
И важность-нѣжность онадетъ вся,
Чѣрны брови наведу,
Во горенку дружка заведу.

1540 (13).

Безъ поры-то, безо время
Стала трава сохнуть:
Безъ прилуки милъ Ванюша
Въ иную влюбился,
Въ иную влюбился,
Волюшки лишился.
Охъ ты воля, моя воля,
Воля дорогая,
Воля дорогая!
Дѣвка молодая
Дѣвка по саду гуляла,
Крѣсоту теряла,
Крѣсоту теряла,
Въ острожокъ попала;
Стыдно дѣвкѣ, стыдно красной
Въ острогѣ сидѣти,
А еще того тошнѣе,
Въ окошко гладѣти.
Мимо моего окошка
Лежала дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ
Много ходятъ, ѣздятъ:
Господа ѣдутъ, бояра,
Купцы и мѣщане,
Купцы и мѣщане,
Мужики-крестьяне;
Мово милаго Ванюши
Его здѣсь нѣту:
Знать, мой миленькій Ванюша
За рѣкой гуляетъ,
Онъ за рѣченькой гуляетъ,
За быстрой шатаетъ.

Не одинъ миленькій гуляетъ,—
Съ красною дѣвицей,
Съ красною дѣвицей,
Съ кунеческой дочкой.

1541 (14).

Разирелестны твои взоры
Заразили очи:
Съ той поры у молодца
Нѣтъ покою въ тѣмной ночи.
Скажи, лапушка, въ глаза мнѣ,
Кого вѣрно любишь?
— Не умѣю, мой голубчикъ,
Любить, въ глаза лицемѣрить,
Я сама, дѣвушка, въ тебя влюбилась,
Сама волюшки лишилась,
Своей волюшки лишилась,
Въ бѣломъ лицѣ перемѣнилась,
Въ бѣломъ лицѣ перемѣнилась,
Съ дружкой разбранилась,
Пошла домой не простилась:
„Ты прости, моя милая,
Съ черными бровями!“
Ахъ вы брови, мои брови,
Брови мои чѣрныя!
Запропала дѣвушка съ вами,
Съ вами съ чѣрными бровями:
Стыдно дѣвкѣ, стыдно красной
За ворота выйти.
Пойду, выйду за ворота,
Луга и болоты,
Пойду, выйду за новые,
Луга зеленые.

1542 (15).

Молодка, молодка молоденька!
Головка твоя побѣденька!
Не съ кѣмъ тебѣ молодущкѣ ночь спать-ночевать,
Ночь спать-ночевать, осеннюю коротать;
Обуяла грусть-тоска безъ милова безъ дружка,
Тоска-грусть беретъ: далеко милый живетъ,
Далѣко, далѣко, на той сторонѣ,
На той сторонѣ, не близко ко мнѣ.
„Перейди, сударушка, на мою сторонущку!“
— Я бы рада перешла, переходу не нашла;
Переходъ нашла, да жердочка тонка,
Боюсь, обломлюся, боюсь, утоплюся*).—
На той ли на рѣкѣ на Дунаѣ купался боберъ,
Купался, купался, да и не выкупался,
Не выкупался, лишь вымарался,
На горку взомель отряхивался,

Отряхивался, охорашивался.
Охотнички свищутъ, черна бобра ищутъ,
Хотятъ бобра бити, хотятъ застрѣлити,
Хотятъ застрѣлити, съ бобра кожу сняти,
Кунью шубу шить, бобромъ обложить,
Дѣвку полюбить, шубой подарить.
Дѣвица идѣтъ, шубы не берѣтъ:
„Милый ты мой, не стой передо мной,
Люди-то скажутъ, что любишь меня.“

*) Первые 12 строкъ пѣсни зачеркнуты: начинается другая пѣсня? ср. ниже пѣсню 1554а.—
Ред.

1543 (16).

Ой во полѣ, полѣ
Елочка стоитъ,
Молодецъ лежитъ;
Воронъ конь стоитъ,
Земельку сѣчетъ,
Воды достаѣтъ.
Возговориť молодецъ
Ворону коню:
„Вѣрно тебѣ, конюшко,
Воды не достать,
А мнѣ добру молодцу
Отъ земли не встать;
Какъ наѣдетъ армія,
Да все Москалѣ,
На тебя на коника
Сядутъ, поѣдутъ,
А мнѣ добру молодцу
Смерти придадутъ!“

1544 (17).

Безо вѣремечка бѣлы снѣжки выпали,
Безо вѣремечка выпали, сѣредь лѣтечка,
Середь лѣтечка, въ самыя Петровочки,
Во Петровочки, время—снѣкосное;
Ко бѣлѣ свѣту бѣлы снѣжки стаяли,
Со тѣхъ снѣжковъ протекала рѣченька.
Течетъ рѣченька, да рѣченька быстрая,
Быстрая, струистая, круто бережистая.
Нельзя Машенькѣ ходить за рѣченьку за быструю,
Нельзя Машенькѣ любить парня бравого,
Парня бравого, бѣлаго, кудрявого.
Хочетъ Машенька безъ дружка прожить,
Безъ дружка прожить, безъ гуляница,
Безъ гуляница, безъ худой безъ славушки.
За досадушку Ванѣ показалось,
За досадушку за великую:
Какъ ударилъ Машу по бѣлу лицу,
По бѣлу лицу по румяному;

Изъ бѣла лица руда брызнула,
Изъ ясныхъ очей слезы покатилися;
„Не отъ батюшки плачу, не отъ матушки,
Отъ свою дружка отъ Иванушки!“

1545 (18).

Какъ не самъ-то я ко любушкѣ пошолъ,
Я разбѣстю лакея посылалъ,
Чтобъ сама ко мнѣ сударушка пришла,
Въ окошечко бѣлы руки подала,
Цѣловала, миловала меня молодца,
Цѣловавши угаваривала:
„Ты раздущечка, удалый молодецъ,
Что ты, миленькій, не женишься,
На кого дружекъ надѣшься?“
— Я надѣюся на душечку,
На тебя, душа Катюшечка.—
„Не надѣйся, мой любезный, на меня,
Я не вѣрная надѣжничка твоя.“

Пѣсня обозначена какъ „лакейская“.—Ред.

1546 (19).

Во горенкѣ во новѣй
Стоялъ столикъ убранѣй,
Покрѣтъ розовой тафтой;
Ко этому ко столу
Никифоръ свѣтъ подходилъ,
Агаповичъ подходилъ,
Чашку кофью наливалъ,
Аграфенъ подносилъ,
Ивановѣ подносилъ:
„Аграфена, жизнь моя!
Ивановна, лапушка!
Выпей кофей у меня,
Возьму замужъ за себя“.

Пѣсня обозначена: „Свадебная (полулакейская)“.—Ред.

1547 (20).

По сѣнямъ я ходила, по новымъ гуляла,
Ей, ей ехо-хо, ей, ей, ѡхти мнѣ!
Русу косу чесала, алу ленту вплетала,
Ручки въ пазушку клала,
Къ себѣ милаго ждала,
Ей, ей, ехо-хо, ей, ей ѡхти мнѣ!
Моя русая коса всему городу краса,
Всѣмъ холостыимъ сухота,
А женатымъ грусть-тоска,
А малыимъ плаканье, а старымъ оханье!
Ей, ей, ехо-хѣ, ей, ей, ѡхти мнѣ!
Охъ ты миленькой милѣй,

Выхваляешься ты мной, моей русою косой,
Не смѣешься ль надо мной?
Ей, ей, ехо-хо, ей, ей, ѡхти мнѣ!

Пѣсня обозначена, какъ „плясовая“.—Ред.

1548 (21).

Со восточной, со восточной со сторонки
Не студѣнь-то холодѣнь вѣтерокъ поносить;
Всѣ дубровушки во полѣ разшумѣлися.
Ничего-то во шуму, въ рошѣ не слышно,
Во туманѣ никого невидно,
Только видно, слышно одинъ голосочикъ,
Голосочикъ-атъ слышно человѣчий,
Человѣка слышно не простого,
Не простого,—козака Донского,
Моего-то дружка размилова.
Мой-атъ миленькій по рошѣ гуляетъ,
Развеселую свою пѣсню распѣваетъ,
Разлюбезную свою часто вспоминаетъ:
Кабы слышала моя размилая,
Свѣтиль, лапушка моя, дорогая,
Она вышла бы ко мнѣ на ново крылечко,
Промолвила бы со мной ѣдное словечко,
Обрадала бы мое ретивѣ сердечко;
Не такъ-то бы моему сердцу было тошно,
Не такъ-то бы моему животу досадно.

1549 (22).

Я подъ первый подъ случай никому я не
спущалъ,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ, ни брату своему,
Ни князьямъ я, ни боярамъ, ни сильнымъ
богатырямъ.

Со вечера разбойнички собирались наразбой,
Со полѣночи разбойнички разбойничали,
Ко бѣлѣ свѣту разбойнички домой они ка-
тятъ.

Ужъ какъ мой-атъ другъ сердечный напе-
редъ онъ всѣхъ катить,
Напередъ онъ всѣхъ катить, девятирѣхъ
коней съ собой ведетъ,
Девятирѣхъ коней ведетъ, на десятомъ самъ
сидитъ:

„Отпирай, жена, ворота, прймай злата-серебра,
Прймай цвѣтно мое платье, не развѣртывай
его.“

Не стерпѣла, развернула, заливалась слезымъ:
— Охъ! ты воръ, ты воръ, разбойничекъ,
воръ, мой миленькій дружокъ!

И ты съѣлъ, ты погубилъ братца родного
мowo,
Братца родного мowo, еще шурина свою!—

И я вслѣдъ ему кричалъ, черной шляпою
махалъ:
„Воротися шуринокъ, воротися животокъ!“

1550 (23).

Охъ вы гòры, мои гòры, вы высокія,
Вы высокія гòры, Воробьевскія!
Ничего-то вы, горы, не породили,—
Породили вы горы бѣлы горючъ камень.
Изъ подъ камушка растеть часть ракитовъ
кустъ,

На кусту сидитъ младъ сизой орелъ;
Во когтяхъ-то онъ держитъ чѣрна ворона,
Онъ не бьетъ-то его, только спрашиваетъ;
„И ты гдѣ же, воронъ, былъ, гдѣ, сизой, по-
гуливалъ?“

— Ужъ я былъ то, побывалъ во дикой во
степи,

Во дикой-то степи былъ я во Саратовской,
Я видѣлъ-то диво дивное:

Что лежитъ-то тутъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое лежитъ молодецкое.
Какъ никто-то къ тѣлу не подступится.

Прилетали-то къ тѣлу три пташечки:
Первая пташечка—родимая матушка,
Другая пташечка—сестра рѣдная,
Третья пташечка—молодѣ жена.

Мать-то плачетъ, какъ рѣка прошла,
А сестра-то плачетъ, какъ ручьи протекли,
А жена-то плачетъ, какъ роса пала.
Красное солнушко взошло, роса высохла,
Молодая то жена во кабакъ пошла,
Во кабакъ пошла, семерыхъ нашла.

1551 (24).

Ой, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу!

— Не умирай, дитятко,
Не умирай, милое,

Безъ духовнаго попа!
Не привести ли, дитятко,
Не привести ли, милое,

Да духовнаго попа?—
Не надо мнѣ, матушка,
Не надо, сударыня,

Мнѣ духовнаго попа:
Приведи мнѣ, матушка,
Приведи, сударыня,

Я кого вѣрно люблю;
Люблю я, матушка,
Люблю, государыня,
Я Донскова казака.

Козачёкъ милёшенекъ,
Козачёкъ глупёшенекъ,
Козакъ добрый человекъ.

Чесалъ казакъ кудерьки,
Разчесывалъ русыя
Частымъ рыбимъ гребешкомъ.
Разчесамши кудерьки,
Разчесамши русыя,

Пухову шляпу надѣлъ.
Надѣвши онъ шляпочку,
Надѣвши пуховую,
Вдоль по улицѣ прошолъ.

Прошедши онъ улицу,
Прошедши широкую,
Быстра рѣченька бѣжитъ.
По этой по рѣченькѣ,
По этой по быстройей,

Тонка жёрдочка лежитъ;
По этой по жёрдочкѣ,
По этой по тоненькой,
Мой миленькій перьходилъ.

Перьломилась жердочка,
Перьломилась тоненька,
Мой любезный потонулъ.

Свалилася шляпочка,
Свалилася пуховая
Съ удалова молодца;
Поплыла эта шляпочка,
Поплыла пуховая

Вдоль по быстрой по рѣкѣ.
Увидала дѣвица,
Увидала красная,

Изъ высока терема,
Проклинала дѣвица,
Проклинала красная,

Эту быструю рѣку:
Занесло бы рѣченьку,
Занесло бы быструю,
Да желтымъ пескомъ!

Каково же рѣченькѣ,
Каково же быстройей,
Безъ крутыхъ береговъ?
Таково-то дѣвицѣ,
Таково-то красавицѣ
Безъ милова жить безъ дружка!

Пѣсня отмѣчена „протяжной“.—Ред.

1552 (25).

Изъ тѣмнаго изъ лѣсочку,
Изъ ракитова кусточка
Долинка была,
Широка была;

Какъ по той ли по долинкѣ,
Какъ по той ли по широкой
Осока росла,
Зеленá росла.

Какъ по той ли по осóкѣ,
Какъ по той ли по зеленой
Пастушокъ пасетъ,
Стадо стережетъ.
Дѣвица идѣтъ,
Красная идѣтъ,

Въ рукахъ несетъ два вѣночка,
Два вѣночка, два платочка—
Себѣ, да ему,
Дружку своему.

Пастухъ дѣвкѣ взрадовался,
За бѣлы руки хватался,
Началь цѣловать,
Началь миловать:

„Постой, дѣвка, красавица,
Дай со стадомъ поправиться:
Стадо соберу,
Домой погоню.“

Гонить пастухъ, подгоняетъ, молода жена
встрѣчаетъ:

„Жена моя, боярыня, московская сударыня!
Не жди ночевать, я пойду гулять.

Меня дѣвки звали, красавицы подзывали
Къ себѣ ночевать
На новú кровать.“

Вышелъ пастухъ на долинку,
Гдѣ пасетъ свою скотинку;

Тутъ дѣвицы нѣтъ,
Красавицы нѣтъ,

Знать, дѣвица пріуехала,
За часты кусты запала:

Не замай, уснетъ,
Не трогъ, отдохнетъ!

1553 (26).

Охъ, ночь моя, ночка, ночка тѣмная,
Ночка темная, ночь осенняя!

Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя распóбденъкая!

Съ кѣмъ тебѣ, молодка, ночь спать, ночевать?
Съ кѣмъ спать, ночевать, съ кѣмъ ночь коро—
Боюсь молода я ночь спать одна: [татъ?

Лягу спать одна безъ милова безъ дружка,
Безъ милова безъ дружка, обуяла грусть-тоска!

Грусть-тоска горе беретъ—далеко милой жи—
Далѣко, далѣче, на той сторонѣ, [ветъ,

На той сторонѣ, не близко ко мнѣ,
Не близко ко мнѣ, за Москва-рѣкой.

По той ли сторонкѣ идѣтъ мой милой,
Идѣтъ мой милой, машетъ правой рукой,

Ручкой правою, черной шляпою:

„Перейди, сударушка, на мою сторонушку:
На моей сторонкѣ гулянье и гульба,
Гулянье, гульба и приятели-друзья.“

— Я бы рада перешла,—переходу не нашла,
Переходъ нашла,—жердочка тонка,
Жердочка тонка,—рѣчка глубока:
Боюсь, обломлюсь, боюсь, утоплюсь.

1554 (27).

Молодка, молодка молодая!
Разлáпушка, свѣтикъ, дорогая!
Ты полно по улицѣ ходити,
Перестань чернúю грязь топтати,
Ты полно по миломъ тужити.
Ужъ какъ мнѣ по миломъ не тужити?

Во вѣки такого не нажити:
Хорошѣ, пригожѣ милый уродился,
Онъ ростомъ, породствомъ, красотой,
Своей молодецкой похвальбою.

Я вечеръ въ честномъ пиру сидѣла,
Я вечеръ съ милымъ побранилась.

Побранка была съ нимъ небольшая:
Расканальскимъ сыномъ называла,

Чужою женою урекала,
Чужою женою, молодую.

Я не знаю, какъ со милымъ помириться?
Самой покориться—не годится,
Людей посылати—будто стыдно.

Пойду ко милóму со вино́ю,
Со своей повинной головою,
Стану передъ милымъ на колѣнки,
Всплеснуса я бѣлыми руками,
Зальюся горючими слезами:

„Охъ! любчикъ мой, любчикъ, бѣленькій го—
Не слушай ты разуму чужого, [любчикъ,
Разума чужого, все глупóго.

Что люди ни бають, все смучають,
А насъ съ тобой, милый, разлучають!“

1554а (27а) *).

На рѣчкѣ на Клязьмѣ купался бобѣрь,
Купался бобѣрь, купался чернóй;
Купался, купался, не выкупался,
На горку взомель, отряхивался,
Отряхивался, охорашивался.

Охотнички свищутъ, черна бобра ищутъ:

„Гдѣ бы намъ найтигъ, его застрѣлитъ,
Его застрѣлитъ, съ него кожу снять,
Съ него кожу снять, кунью шубу сшить,
Кунью шубу сшить, бобромъ обложить,
Бобромъ обложить, дѣвку полюбить,
Дѣвку полюбить, кунью шубу подарить.

*) Ср. выше, пѣсню 1542.—Ред.

1555 (28).

Здравствуй, милая, хорошая моя,
 Чернобровая, порядочная!
 Вотъ люлі, вотъ люлі!
 Вотъ люлі, люлі, люлі!
 Молода дѣвка, догадливая,
 Ты счастливая, талантливая,
 Ужъ и не кому голубушку мою
 Приголубить мою радость безъ тебя.
 — Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна,
 Одѣяличко заиндевѣло,
 Подушечки потонули во слезахъ,
 Пуховеньки потонули въ горючійхъ,
 Тебя, мой другъ, дожидаячи,
 Я на силу сорыдаючи,
 Свою долю проклинаячи.
 Охъ! ты доля, ты доля моя!
 Несчастлівая на свѣтѣ рождена,
 Въ какова я тирана влюблена!
 И тиранить онъ и мучаетъ меня.

1556 (29).

Ужъ и чей это терѣмъ? побываль бы я въ немъ!
 Чья во теремѣ кроватушка тесовенькая?
 На кроватушкѣ перинушка пуховенькая,
 На перинушкѣ зголовище высокенькое,
 На взголовьѣ одѣяло соболинное лежить;
 На кроватушкѣ дѣвочушка хорошая лежить:
 Хороша, пригожа, взялъ бы замужъ за себя,
 Взялъ бы замужъ за себя, изукрасилъ для себя,
 Изукрасилъ бы сударушку получше всѣхъ,
 Я получше, почище, повѣжливѣе. [рабъ],
 Я найму своей сударушѣ червѣнчатый ко-
 Я гребцовъ, молодцовъ—еще пѣсельничковъ.
 Хорошо гребцы гребутъ, весело пѣсни поютъ,
 Только съ ножки на ножку поскакиваютъ,
 Что сапогъ объ сапогъ поколачиваютъ.
 Ужъ и эти сапоги изъ далѣка везены:
 Изъ матушки изъ Москвы изъ Нѣмецкой слободы,
 Изъ Нѣмецкой слободы, снова три рубли даны.

1557 (30).

Ужъ какъ нынче во прошлымъ году
 Уродилось много ягодъ по бору.
 Забудилась красна дѣвка во лѣсу,
 Выходила на крутенькій бережокъ,
 Разстилала гарнитуровый платокъ,
 Вынимала сладкой водки полужштофъ,

На закуску сладкихъ яблочковъ пятокъ.
 Переманивала перевощица къ себѣ,
 Закричала своимъ громкимъ голосомъ:
 „Перовщикъ, перовщикъ, парень молодой!
 Перѣвези меня на ту сторону домой,
 На ту сторону домой на батюшкину
 А еще на сторону на матушкину.“
 — Красна дѣвица, нынче дорогъ перевозъ.—
 „Добрый молодецъ, что хочешь, съ меня берешь,
 Коль не хватить, кунью шубу заложу.“
 — Красна дѣвица, мнѣ не надо съ тебя ничего,
 Красна дѣвица, поди замужъ за меня.—
 „Добрый молодецъ, это воля не моя,
 Это воля, воля батюшкина
 И родимой моей матушкина.“

1558 (31).

Полно, Машенька, крушиться тайнымъ серд-
 цемъ обо мнѣ:
 Намъ пора съ тобой словомъ открыться.
 Скажу, милая, тебѣ:
 Не теряй своей красы напрасно, не томи
 пріятный долгій вѣкъ;
 Наше времячко проходить, протекають доро-
 гие дни.
 Жизнь плачевная приходитъ, придуть горе-
 стны часы,
 Подсѣчетъ судьба несчастье, разовьются у
 Маши волосы,
 Подсѣчетъ судьба несчастье, расплетѣтся ру-
 сая коса,
 Разовьѣтся да по Машинимъ плечамъ.
 Всѣ селеньице ваше большое, всѣ селенье
 Лучше краше не нашель. [прейзошелъ]:
 Есть и лучше, есть и краше, размиль сердцу
 нѣтъ;
 Разкрасавица моя, забава, уродилась хороша:
 Безъ бѣлилъ лицо бѣленько, безъ румянъ
 щечки алѣ.
 Безъ румянъ щечки алѣ, безъ сурмиль брови
 черны.
 — Черной бровью поведу, во горенку дружка
 заведу.
 Во горенку во нову на кроватку тесову,
 Сама лягу съ тобою на перинку пухову,
 На рученьку, положу, а другою обойму,
 А другою обойму, къ ретиву сердцу прижму.

1559 (32).

Сѣма, Сѣма, Семѣнь, Сѣма, братецъ мой!
 Не ходи, Сѣма, по сѣнямъ, не топай ногой,
 Ты не топай ногой, не качай головой,

Не качай головой: мнѣ не быть за тобой,
Ужъ мнѣ бы ли не быть за Иваномъ Кудря-
шомъ.

У Ивана Кудряша нѣту денегъ ни гроша,
Нѣту денегъ ни гроша, только слава хороша,
Только слава хороша, любить дѣвка Кудряша.

1560 (33).

Молодецъ, молодецъ, душа Астраханецъ!
Полюбилъ онъ дѣвку, полюбилъ онъ красну,
Полюблѣмши красну дѣвку, хотѣлъ да замужъ
её взять.

Онъ взять её, не взялъ, насмѣхаться надъ
ней сталъ.

„Ты не смѣйся, молодецъ, душа Астраханецъ!
Ужъ и я ли молоденька не советѣмъ я сирота:
У меня ли у младеньки есть два брата соколъ,
Есть два брата соколъ, два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, середѣ пути догнать,
Середѣ пути догнать, руки ноги обломать.
Я изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ тесову кровать
смошу.

Я изъ сала твоего свѣчекъ салныхъ налью,
Я изъ мяса изъ твоего пироговъ я напеку.
Я любимыхъ подружекъ къ себѣ въ гости
позову... *)“

„Я на милоемъ сажу, я на милого гляжу,
Я на милого гляжу, милымъ подчиваю.
Вы покушайте, подружки мои, сладкихъ пи-
рожковъ“.

*) Ср. выше пѣсню 1421.—Ред.

1561 (34).

Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ
Вдоль по широкой, по дѣлгой
Поднималася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно красну лодочку:
Красна лодочка краснѣетъ,
Веселочки зеленѣютъ,
На гребцахъ шапки чернѣютъ.
Хорошо лодка изукрашена,
Молодцами изусажена,
Самъ хозяинъ во снарядахъ,
Во китайчатомъ халатѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ,
На картузѣ козырѣчикъ,
Самъ купеческій сыночикъ.
Что выговорить хозяинъ:
„Приворачивай, робята,

Ко Федотову подворью,
Ко Дуняшину здоровью!“

Дуняшинька выходила,
Корѣцъ меду выносила,
Молодчиковъ упойла:
— Не суди, сударь бояринъ!

Въ чемъ я спала, въ томъ и встала,
Въ чемъ сидѣла, въ томъ и вышла,
Въ одной тоненькой сорочкѣ,
Въ гарнитуровомъ платочкѣ,
На босу ножку въ башмачкахъ.

1562 (35).

Возлѣ Дону, возлѣ Дону, близко тихаго Дуная,
Возлѣ тихаго Дуная добрый молодецъ гуляетъ,
Добрый молодецъ гуляетъ, онъ не свищетъ,
не гаркаетъ,

Табунъ коней загоняетъ, вороныхъ залучаетъ
Къ душѣ красной дѣвицѣ:

„Душа красная дѣвица, пособи, коней загнать,
Пособи коней загнать, вороныхъ залучить“.

— Я бы рада пособила, боюсь, боюсь ба-
тюшки,
Боюсь, боюсь батюшки, опасуюсь матушки.

1563 (36).

Ты взойди, взойди, красно солнушко,
Выше лѣсу взойди, выше тѣмнаго,
Выше зеленой взойди дубровушки!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодецъ,
Сиротъ бѣдныхъ, солдатъ бѣглыхъ*.)
Какъ повыше было села Лыскова*),
Противъ самага было Богомолова,
Протекала рѣчка быстрая
По прозванью рѣчка Стерженка.
По той рѣчкѣ, по той Стерженкѣ
Расплывали два судѣнушка;
За суднами гонить лѣгка лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Молодцами изусажена.
На носу сидитъ ясаулъ съ ружьемъ,
На кормѣ стоитъ атаманъ съ багромъ,
Середь лодочки бѣлъ шатеръ стоитъ,
А подъ тѣмъ шатромъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Ясаулова полюбовница,
Атаманова сестра рѣдная.

*) Село *Лысково*, которое упоминается въ этой пѣснѣ, лежитъ въ трехъ верстахъ отъ Волги, на ея нагорномъ берегу, при устьѣ рѣчки *Сундовики*, почти противъ самага города *Макарьева*. Оно замѣчательно, какъ по числу жителей, такъ и по значительнымъ торгамъ, которые оно ведетъ мукою и

тамошнимъ, такъ назыв. *Макарьевскимъ*, полотномъ (См. Щекатова, Георг. Слов. Росс. Имп.). Въ Лысковѣ есть также хорошая пристань.

Рѣчка *Терженка* или *Стерженка*, вѣроятно, испорченное названіе рѣчки *Кирженца*, при устьѣ которой лежитъ Макарьевъ.—*Прим. П. В. К—аго.*

1564 (37).

Взвейся, взвейся, подымайся,
Мой сизенькій голубокъ!
На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Сядь, мой милый голубчикъ,
На высокъ его терѣмъ,
Спроси, сизый голубчикъ,
Вѣрно любить ли меня?
Если миленькій не любить,
Лети въ тѣмные лѣса,
Сядь, мой сизый голубчикъ,
На ракитовый кусточикъ.
Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ;
Разводную себѣ получила
Отъ закона своего.
Всѣ намѣтки эти баламутки
Мамзели изъ иныхъ земель.

1565 (37).

Изъ за лѣсу, лѣсу тѣмного,
Изъ за садику зелѣнаго
Восходила туча грозная,
Со большимъ громомъ, со молніей,
Со частымъ дождѣмъ со сильнымъ.
Уѣзжала дочь отъ матери,
Уѣхала, не спросилася,
Не спросилася, не простилася,
Середь лѣсу становилася,
Середь лѣсу середь тѣмного,
Середь садику зелѣнаго,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодыми рѣчь говорила:
„Соловей ты, мой соловушекъ,
Соловушекъ, вольна пташечка!
Не съ родной ли ты сторонущи?
Ты скажи мому родимому батюшкѣ,
Ты скажи ему низкій поклонъ,
А родимой матушкѣ челобитьице.
Я далѣко я отъ нихъ уѣхала,
Уѣхала, не простилася,
Не простилася, не спросилася.
Посылають меня мѣлоду
На Дунай рѣку по воду
И разутую и раздѣтую.
На мое ли на несчастьице

Налетѣли гуси лебеди,
Возмутили воду свѣжую;
А я стою дожидаюся,
Поколь вода перемутится.
Свѣкоръ батюшка журить, бранить,
Свекровь матушка побить велить.
А золовушка голубушка,
За меня слово молвила:
— Не жури ты, родной батюшка,
Не вели бить, родна матушка:
Мнѣ самой молодой за мужъ идтѣй,
Замужъ идтѣй, въ чужихъ людяхъ быть“.

1566 (39)*).

Ой ты поленько, поляна, поле чистое мое!
На тебѣ ли на полянѣ стоялъ высокой терѣмъ.
Онъ не низокъ, не высокъ, девяносто семь
вѣнцовъ,
Девяносто семь вѣнцовъ, полтораства дерев-
цовъ.
Во теремѣ во высокомъ подъ краснымъ подъ
окномъ,
Подъ краснымъ подъ окномъ красна дѣвица
сидитъ;
Не работу работала, буйну голову чесала,
Буйну голову чесала и русу косу плела;
Въ рукахъ пялишки держала, она шила, вы-
шивала,
Она шила, вышивала, всѣ узоры выбирала,
Клубокъ нитокъ потеряла.
„Какъ за эти меня нити хочеть матушка по-
бити:
Ой, ты матушка, не бей, сударыня, не жури!
Я за эту за вину всю покорность принесу,
Всеѣ тайность объявлю, я кого вѣрно люблю.
Я люблю, люблю такого, извощика молодого.
Извощикекъ молодой, отвези меня домой,
Отвези меня домой, ко матушкѣ ко родной.
У матушки у родной за подводу заплачу!“

1567 (40).

Въ воскресенье я на рыночекъ ходила,
На три денежки куделюшки купила,
На алтынецъ веретенецъ захватила.
Положу эту куделю на недѣлю,
Какъ у доброй у пряхи, на другую.
Въ понедѣльникъ я банюшку топила,
А во вторникъ я въ баню проходила,
И я середу съ угару пролежала,
А въ четвергъ буйну голову часала,

*) На голосъ: „Чѣмъ тебя я огорчила“—*Прим. П. В. К—аго.*

А въ пятницу добрыя жены не пряли,
 А въ субботу на родителей ходила,
 Въ воскресенье на весельѣ прогуляла.
 Въ понедѣльникъ я ранѣшенько вставала,
 Три тонешеньки нитки проводила,
 Три мозоли кровавые натирала.
 Я пошла ли ко милому, показала.
 „Не невольсь, моя лапушка милая,
 Мы дождемся съ тобою, радость, поры
 время,
 Какъ придетъ-то къ намъ съ тобою лѣто
 красно,
 Ужъ какъ выростутъ широкія лопушья;
 Я сошью тебѣ, милая, сарафанчикъ,
 Не ходи, моя милая, возлѣ тыну.
 Ты гулай, моя милая, по лужечку“.
 Какъ поповы-то козы увидали,
 На любезной сарафанчикъ изорвали:
 Оставалася милая вся нагая.

1568 (41).

Какъ у вдовушки-вдовицы,
 У молоденькой Дуняши
 Были три дочери хороши:
 Одна Даша, другѣ Маша,
 Третья душечка Катюша.
 У Катюши другъ Ванюша,
 Ваня миленькій дружечикъ,
 Размалиновый душечикъ.
 Онъ къ ней часто въ гости ходить,
 Онъ по многу денегъ носить:
 Когда рубль, когда полтину, когда си-
 нюю бумажку,
 Когда синюю бумажку, каленкору на
 рубашку,
 На бѣлую грудь цѣпочку,
 На головушку платочикъ,
 Быть какъ розовый цвѣточикъ,
 На рученьку перстенечикъ,
 Бѣлый стразовый глазочикъ.
 На широкий дворъ
 Ванюша заходить,
 Съ ноги на ногу ступаетъ,
 На дворъ Катю выкликаетъ,
 Уму-разуму пытается.
 Онъ ударилъ Катю въ щеку,
 Размахнулся во другую,
 Во другую во любую:
 „Ужъ ты стой, Катя, не надай!
 Говори рѣчи, не хвастай:
 Вечеръ были у тебя гости,
 Были гости дорогіе,
 То фабричные ребята!“

1569 (42).

Не свѣтѣль-то мѣсяцъ вдоль по улицѣ свѣтитъ,
 Зоря бѣлый день въ окошечко взошла:
 Что сама ко мнѣ сударушка въ гости пришла,
 Бѣлы руки въ окошечко подала,
 Всѣ утѣхи, всѣ забавы съ собой принесла.
 — Чернобровый, черноглазый, душа мой,
 Намъ не дали во любви съ тобой пожить;
 Я слышала словечушко про тебя:
 Тебя, миленькій, женить скоро хотятъ,
 Меня дѣвицу замужствомъ грозятъ.
 Не пойду замужъ, не думаю иттить,
 Лучше буду вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть,
 Лучше буду вѣкъ русу косу плести.
 Заплету косу, на улицу пойду.

1570 (43).

Обѣщалъ Ваня жить въ деревнѣ, съ дере-
 онъ работу работать; [венскими мужиками
 Деревенская работа—одна скука и забота:
 Они мало ночи спать,
 Другъ за другомъ торопятся, чтобъ скорѣй
 съ поля убратъся,
 Чтобы туча не зашла, силенъ дождикъ не
 пошолъ.

Посылаетъ Ваню мать
 Яровое въ полѣ жать:
 „Поди, Ванюшка, пожни!“
 Вышелъ Ванюшка на крылечко,
 Положилъ серпикъ на плечко,
 Самъ нерадошенъ пошелъ.
 Жаль Ванюшенька денечикъ,
 Онъ единый снопъ нажалъ,
 Съ сударушкой простоялъ.
 Со этой ли Ваня со скуки
 Опорѣзалъ себѣ руки,
 Ручьемъ кровь полила;
 Сударушка подбѣжала,
 Платкомъ руку увязала,
 Чтобъ кровь не лила.
 Отецъ съ матерью бранятся,
 Всѣ работнички сердятся,
 Что лѣнливо Ваня жнетъ.
 Отецъ съ матерью взглянули
 И руками размахнули,
 Кричатъ: „Ваня, домой!
 Поди, Ванюшка, домой, поди, миленькій, усни.“
 Бѣжалъ Ваня, торопился,
 За дубовый столъ садился;
 Онъ началъ перо чинить,
 Очинилъ Ваня перо крѣпко,
 Онъ сталъ письмо писать.
 Пишетъ Ванюшка въ Московское царство

1571 (44).

*) Рук. Оставаться.—*Ред.*

Ты берёза моя, берёзынька!
Ты кудрявая моя, моложавая!
На горѣ ты стоишь, на всей крѣсоть.
На тебѣ-ли березынькѣ
Всѣ листьѣ бумаженныя.
Подъ тобой-ли берёзынькой
Травка шелковая.
Что косилъ эту траву добрый молодецъ,
Что гребла эту траву красная дѣвица,
Красна дѣвица, дочь купческа.

Во городѣ городѣ,
 Въ Ярославлѣ городу,
 Во гостинымъ ряду
 Тутъ стоятъ конторы главы,
 Распоставлены поставы
 На три части по нѣмецки,
 Стоятъ молодцы турецки,
 Стоять они у стола,
 Писать учать мастера.
 Подмастерья съ мастерами
 Тонки платья составляли,
 Полотенца вытыкали,
 Полотенца одномѣрны,
 Челночки съ бердѣчкомъ мѣрны,
 Поцѣпочки золотія.
 Фабричные молодые
 Заиграли во игру
 Во серебряную,
 Утѣшали, утѣшали,
 Красну дѣвку въ терему:
 „Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
 Не плачь, дѣвка молода!
 Въ косѣ лента голуба,
 Завязочки париковы
 Подаренья пареньковъ“.
 Парень дѣвушку любилъ,
 Этой ленточкой дарилъ.
 Семнадцати дѣвка лѣтъ
 Полюбила парня въ вѣкъ,
 Полюбила, поняла,
 Что такого молодца
 Что нигдѣ такого нѣтъ,
 Ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ,
 Ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ,
 Нѣтъ ни въ Астрахани.
 Очутился, проявился
 Въ Ярославлѣ городѣ,
 Во нѣмецкой слободѣ.
 Какъ у вдовушки-вдовы,
 У солдатской у жены,

Дѣвѣ дочери хороши:
 Одна была побѣлѣй,
 Она всѣмъ намъ помилѣй;
 А другая чернوبرова,
 Завсегда плясать готова;
 Плясучѣ дѣвка упала,
 Парню на руки попала.
 Я сама дѣвка не дура,
 Петербургская натура,
 Я во Питерѣ жила,
 Три натуры нажила;
 Ужъ первая натура:
 Я купила соколѣ;
 А другая-то натура:
 Полюбила молодца;
 Ужъ и третья-то натура:
 Разорила до конца.
 Разорился бѣдный:
 Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный!
 Разорился окаанный:
 Купилъ перстень оловянный!
 Разорился мой любезный:
 Купилъ перстень ей желѣзный!
 Разорился удалой:
 Купилъ перстень золотой!
 Разорился до конца:
 Купилъ дѣвкѣ два кольца!
 Разорилъ парень весь домочикъ:
 Купилъ дѣвушкѣ платочикъ!

1574 (47).

Вспомни, моя любезная, мою прежнюю любовь!
 Какъ мы съ тобой, моя любезная, погуливали,
 Ночи тѣмныя, осеннія просиживали,
 Тайныя рѣчи, моя любезная, говаривали:
 Тебѣ, мой другъ, не жениться, а мнѣ замужъ-
 ать нейти.
 Женись, женись, мой любезный, за тебя замужъ пойду.
 Въ чистомъ полѣ при раздолѣ новый вы-
 сокъ теремъ стоитъ,
 Во теремѣ во высокомъ дѣвушки пѣсенки
 поютъ;
 Знать, что мою хорошую сговариваютъ,
 Сговариваютъ, собираютъ, замужъ отдаютъ.
 Середь дворца стоитъ крыльцо раскрашено
 хорошо;
 Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу расхоро-
 шую мою:
 Женихъ ведетъ за рученьку, дружкѣ за другу,
 Третій стоитъ, сердце болить: любилъ да не
 взялъ,
 Поилъ, кормилъ хорошую, всё прочилъ себѣ,

Доставалась, моя хорошая, иному—не мнѣ,
 Иному не мнѣ, не товарищу мому,—
 Доставалась моя хорошая лиходѣю моему.
 „Постой, моя хорошая, поговоримъ мы съ
 тобой!“
 — Я бы рада съ тобой говорити, женихъ
 не велить.—
 „Хорошая пригожая, хочъ платочекъ урони!“
 — Я бы рада уронила, платка въ рукахъ
 нѣтъ.—
 „Хорошая, пригожая, съ руки перстень
 урони!“
 — Я бы рада перстень уронила, въ пыли
 запылишь.—
 „Постой, моя хорошая, простимся со мной.“
 — Я бы рада съ тобой простилась, кони не
 стоятъ,
 Извозчики малѣшныи не смогутъ сдержать,
 Лакеюшки съ похмельюшка головка болить.—

1575 (48).

Я ласточкой прилетала, я касаточкой уви-
 валась,
 Я давно, давно со милымъ не видалась.
 Я увидѣлася, возрадовалась,
 Я на шенюшку къ милу дружкѣ бросалась,
 Я изъ горницы въ горницу ходила,
 Я изъ шкапчика графинчикъ вынимала,
 Я стаканъ водки наливала,
 Я милу-то дружкѣ подносила:
 „Ой, ты пей, моя надежа, не спивайся,
 На меня, на красну дѣвку, не надѣйся:
 Ужъ я дѣвушка сговорѣна.
 Сговорилъ меня батюшка родимый
 За того ли человѣка за старова.
 Ужъ и мнѣ ли, красной дѣвкѣ, не хотѣлось,
 Мнѣ хотѣлось, красной дѣвкѣ, за милова,
 Я съ которымъ въ дѣвушкахъ водилась,
 Золотымъ витымъ колѣчушкомъ дарила.
 Какъ за это меня матушка бранила:
 — Охъ, ты к...а, б...ъ, негодяйка!
 Ты куда съ руки колечушко дѣвала?—
 Ужъ я, матушка, виновата:
 Въ зеленомъ саду, матушка, гуляла,
 Я бѣлѣ, бѣлѣ капустушку полола,
 Золото колечко обронила;
 Нелюбимая подружка находила,
 Свою прежнюю любовничку дарила.“

1576 (49).

Танюшка, Татьянушка, подружка моя!
 Почему же, Татьянушка, по мысли пришла,
 По моему по разуму молодецкому?

Таня по двору ходила, голову чесала,
Буйну голову чесала и косу плела,
Пукетову, алу ленту на плеча клала,
А другую голубую въ косу вплетала,
А третіей разноцвѣтной подпоясывалась.
Иванушка Татьянушку выспрашиваетъ:
„Скажи, скажи, другъ Танюша, кто ленту
кушилъ?“

— Пукетову, алу ленту батюшка кушилъ,
А другую, голубую, милый подарилъ,
А третію разноцвѣтну сама нажила.—
Иванушка Татьянушку зоветъ во лѣсокъ:
„Пойдемъ, пойдемъ, другъ Танюша, со мной
въ тѣмный лѣсъ,

Заломаетъ черѣмушку молоденькую,
Мы посадимъ черѣмушку у себя въ саду,
У себя въ садѣ, саду, за горницею,
За горницей, за свѣтлицей подъ краснымъ
окномъ“.

— Черѣмушку молоденьку нельзя заломать:
Не выбравши красну дѣвку, нельзя замужъ
взять.—

„Я выберу, я высмотрю, возьму за себя“.
За рѣчкою за быстрою цымбалики бьютъ,
Знать, что мою хорошую къ вѣнчанью ведутъ,
Сговариваютъ, собираютъ, замужъ отдаютъ,
Поилъ, кормилъ хорошую, всё прочилъ себѣ,
Досталася хорошая къ иному, да не мнѣ,
Иному милѣму, злодѣю моему.

„Хорошая, пригожая, простися со мной!“
— Я рада бы простилась, женихъ не ве-
литъ.—

Женихъ ведѣтъ за рученьку, дружко за другу,
Третій стоитъ, сердце горитъ: и любилъ, да
не взялъ.

„Хорошая, пригожая, хоть коней останови!“
— Извоичекъ молоденькій не можетъ сдер-
жать.—

„Хорошая пригожая, хоть съ руки перстень
урони!“

— Я бы рада сронила, пылью запылѣть.—
„Хорошая, пригожая, платочкомъ хоть
махни!“

— Я рада *) бы махнула, платка въ рукахъ
нѣтъ.

1577 (50).

Безсчастная дѣвушка я на свѣтѣ рождена;
Несчастливая Дуняша всѣ любви изшла,
Всѣ любви изшла, себѣ дружка не нашла!
Полюблю я, дѣвушка, я такого молодца,
Я такого, удалова, фабричнаго, бѣлаго,
Фабричнаго, бѣлаго, Ванюшу кудряваго,

Ванюшу кудряваго, бѣлаго, румянаго.
Ты фабричный, бравый мой, что ты сдѣлалъ
надо мной?

Что ты сдѣлалъ надо мной, надъ моею го-
ловой?

Воръ измучилъ, изтерзалъ, чужу сторону
спозналъ,

На чужой дальней сторонкѣ онъ иную по-
любилъ,

Меня горькую, несчастную на вѣки позабылъ!
Онъ оставилъ воръ, разбойникъ, вѣкъ во дѣ-
вушкахъ сидѣть,

Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть, худу славушку
терпѣть.

Никто горькую, несчастную, меня замужъ
не берѣтъ:

Что ни старый то, ни малый, ни ровнюшка
горькой пьяница.

1578 (51).

Вы лѣса ль, мои лѣсочки, лѣса мои тѣмные!
Вы кусты ль, мои кусточки, кустики раки-
товы!

Ужъ что же вы, кусточки, да всѣ призало-
маны?

У молодцевъ у фабричныхъ глаза всѣ за-
плаканы.

Какъ на встрѣчу имъ фабричнымъ главные
хозяева,

Главные хозяева Грача Скарноухова:
„Вы не плачьте-ка, молодчики, молодцы фаб-
ричные!

Я поставлю вамъ, робятушки, двѣ свѣтлицы
Станы самолѣтныя, основы суровыя, [новыя,
Нанесу я вамъ, робятушки, цѣнушку вы-
сокую,

Цѣнушку высокую, салфетки по рублику.“

1579 (52).

Какъ у Дунюшки, у Дуняшеньки
Что болить-то у ней бѣйна головушка,
Что щемить-то, болить ретивѣе сердце;

Не по багושкѣ болить, не по матушкѣ,
Что болить-щемить по милѣмъ дружкѣ,

По милѣмъ дружкѣ, по Иванушкѣ.
Ужъ я палася, перепалася,

Я давнымъ-давно съ милымъ не видалася.
Я увидѣлася,—возрадовалася,

Я на шеюшку къ дружкѣ бросалася:
„Здравствуй, миленькій, мой сердечный
другъ!

Что почувуй-то, почувуй хоть ты ночь у меня.“
— Я боюсь-то, боюсь, что проспишь у тебя.—

„Ты не бось-ка, не бось, мой сердечный другъ!“

*) Рук.—бѣда (?)—Ред.

Поутру-то я встану ранѣмъ-ранѣшенько,
Я умоюся бѣлымъ-бѣлѣшенько,
Наряжуся я хорошохонокъ,
Подойду я къ дружкѣ потихохонокъ,
Разбужу я тебя полегохонокъ,
Провожу я тебя далекохонокъ.“

1580 (53).

Любила я молодчика получше себя,
Пришло разставанье, не взмиллся бѣлый
свѣтъ!

Куды я ни пойду, съ горя ноженьки нейдутъ,
Куда ни поѣду, съ горя глаза не глядятъ.
И я темнымъ лѣсомъ шла, всѣ кусточки
изошла,

Всѣ кусточки изошла, нигдѣ дружка не нашла.
Бѣлая берѣзышка приклонилась ко землѣ,
Всѣ птички, соловушки солетались на нее,
Горькія кукушечки куковали во борѣ,
Калина съ малиною ранѣмъ-рано разлѣла;
Въ тоѣ пору матушка меня горьку родила,
Не собравшись съ разумомъ, въ чужі люди
отдала.

Въ чужихъ людяхъ, матушка, надо жить
умѣючи,

Надо жить умѣючи, надо разумѣючи,
Въ чужихъ людяхъ, матушка, много заботы
привилѣи:

Первая заботушка—свекоръ да свекровушка,
Другая заботушка—деверь да золовушка,
Третья то заботушка—мужъ-атъ горька пья-
ница,

Четверта заботушка—малы дѣтушки пойдутъ,
Пятая заботушка—пашенька непахана,
Пашенька не пахана, бѣла рожь не сѣяна.
Косы въ руки не беретъ и оброку не дастъ.
Не была у матушки ровно три я годика,
Начетвертый годикъ я стосковалась молодѣ.
Полечу я къ матушкѣ вольной пташечкой
млада,

Сяду я у матушки во зелѣнномъ саду,
Во зелѣнномъ саду на яблонку садовѣ,
Запою я въ садикѣ жалобнымъ жалобно,
Слезамъ у матушки зеленъ садикъ потоплю,
Причѣтами у матушки свой животикъ на-
по сѣничкамъ матушка похаживала, [дорву.
Невѣстусекъ, ластушекъ побуживала:
„Вставайте, невѣстусики, голубки мои!

Что у насъ за пташечка во зелѣнномъ саду,
Во зелѣнномъ саду жалобно очень поѣтъ?“
Большой-атъ братецъ: „Пойду, ружье за-
ряжу“.

А середній братецъ-то: „Пойду, пташечку
застрѣлю“.

А третій братецъ-то: „Пойду, пташку по-
гляжу:

Не наша-ли родная съ чужой дальней сто-
роны?

Не наша-ли горькая съ чужой дальней сто-
роны?

Если наша родная, полети къ намъ во те-
рѣмъ,

А не наша родная, полети изъ саду вонъ!“.

1581 (54).

Ночною темнотою

Укрывались небеса,

Всѣмъ людямъ для покою

Ужъ замкнулися глаза.

Лишь я дѣвушка заснула,

Стучится дружокъ подъ окномъ.

Я съ гнѣвомъ, съ гордостью вскричала:

„Ужъ кто смѣетъ стучать?“

— Я мальчишка, мальчикъ, отвѣчаю.

Я мальчишка чуть дышу:

Въ тѣмномъ лѣсѣ заблудился,

Перезабъ я, съ холоду дрожу.—

Я при этимъ горечкѣ, несчастѣ

Въ нову горницу пушу,

Я на новую кроватьку

Съ собой спать я положу;

Я своими теплыми руками

Я холодныя его ручки жму,

Чѣрну шляпу со кудрями

Къ ретиву сердцу прижму.

Вверху пѣсни помѣта: „Ломоносовъ?“—Это, дѣй-
ствительно, передѣлка перевода „Изъ Анакреона“
М. В. Ломоносова (см. С. А. Венгерова, Русская
поэзія, I (1893), стр. 133).—*Ред.*

1582 (55).

Подъ-лугу я дѣвица гуляла,

Подъ-лугу я красная гуляла.

Подъ-лугу я, подъ-лугу я,

По-лугу, по-лугу, по-лугу я!

Ягоды дѣвица собирала,

Ягоды красная собирала,

Ягоды, ягоды я,

Ягоды, ягоды, ягоды я!

Страху дѣвка набралася,

Страху красна набралася,

Страху я, страху я,

Страху я, страху я, страху я!

Ольху дѣвица ломала,

Ольху красная ломала,

Ольху я, ольху я,

Ольху я, ольху я, ольху я!

Сверху дѣвица сломила,
 Сверху красная сломила,
 Сверху я, сверху я,
 Сверху я, сверху я, сверху я!
 Къ рѣчкѣ дѣвка подходила,
 Къ рѣчкѣ красна подходила,
 Къ рѣчкѣ я, къ рѣчкѣ я,
 Къ рѣчкѣ я, къ рѣчкѣ я, къ рѣчкѣ я!
 Свѣжую рыбушку ловила,
 Свѣжую красная ловила,
 Рыбу я, рыбу я,
 Рыбу я, рыбу я, рыбу я!
 Печку жарко затопила,
 Печку красна затопила,
 Печку я, печку я,
 Печку я, печку я, печку я!
 Дружка въ гости заманила,
 Дружка красна заманила,
 Дружка я, дружка я,
 Дружка я, дружка я, дружка я!
 Свѣжей рыбушкой кормила,
 Свѣжей красной кормила,
 Рыбой я, рыбой я,
 Рыбой я, рыбой я, рыбой я!
 Косточкою подавила,
 Косткой я, косткой подавила,
 Косткой я, косткой я,
 Косткой, косткой, косткой я!

1583 (56).

У воротъ дѣвка стоитъ,
 Бѣло личико горить,
 Калина моя! малина моя! и т. д.
 Бѣло личико горить:
 На что миленькій сердить? (2).
 Стлатъ постелю не велить,
 Во зеленый садъ манить:
 „Пойдемъ, Катинька, въ садочикъ,
 Сорвемъ аленькій цвѣточикъ,
 Мы завяжемъ въ узелочикъ, (2).
 Мы помѣшкаемъ часочикъ,
 Поглядимъ алый цвѣтокъ:
 Ужъ какъ вянетъ ли, не вянетъ ли
 Мой аленькій цвѣтокъ?
 Ужъ какъ тужитъ ли, не тужитъ ли
 Мой миленькій дружокъ?“
 Ужъ какъ цвѣтикъ-аť завялъ,
 Меня миленькій забылъ,
 Что забылъ то миленькій
 На чужой сторонущѣ.
 Въ Гороховой улицѣ
 Сидятъ дѣвки умяницы.

1584 (57).

Какъ на горкѣ, на горѣ, на прикрастѣ на
 такой,
 На прикрастѣ на такой стоитъ фабрика новѣ;
 Въ этой фабрикѣ робята холостые, неженаты.
 Собиралися робята съ тоѣ фабрики гулять,
 Становилися на виду близко къ зеленому саду,
 Ко зеленому саду, ко вдовиному двору.
 У вдовушки у вдовы, у солдатской у жены,
 У солдатской у жены были дѣти хороші:
 Была дочка Катюшенька, былъ Васильюшка
 сынокъ,
 Былъ Васильюшка сынокъ, онъ фабричный
 мастерокъ;
 Всяки штуки вытыкаетъ, и наборы наби-
 раетъ,
 Онъ наборы набираетъ, при компаньицѣ бы-
 ваетъ,
 При компаньи при такой, при бесѣдѣ при
 большой,
 При компаньицѣ бываетъ, самъ во скрипочку
 играетъ.
 Заиграю во скрипичу про душѣ красну дѣ-
 вицу,
 Про школьную, манерную, про Катюшу до-
 рогую.
 Говорила Катѣ мать, уговаривала и братъ:
 „Полно, Катинька, уймися, съ фабричными
 не водися:
 Съ фабричными поводиться, худой славушки
 добиться.“
 —Хоть худой славы добьюсь, съ фабричными
 повоюю:
 Фабричные молодцы разгуляться къ намъ
 пришли,
 Разгуляться, разыгаться, распотѣшиться.—

1585 (58).

Отдаетъ меня молодѣшеньку
 Батюшка въ чужі люди:
 Прибесѣдала родимая матушка,
 Приговорщикъ былъ братецъ-батюшка:
 „Отдадимъ сестру въ чужі люди,
 Во чужі люди, во незнаемые.
 Во чужихъ людяхъ надо жить умѣючи,
 Жить умѣючи, разумѣючи.
 Мы во торгъ-аť поѣдемъ, побывать заѣдемъ,
 Изъ торго-то поѣдемъ, почевать заѣдемъ.
 Я спрошу-то у дочки-матушки:
 „Каково же тебѣ жить въ чужихъ людяхъ?“
 — Ты поди-ка, родимая матушка, въ зеленый
 Ты спроси-ка гуся-лебедя, [лугъ,
 Не забѣуть ли его скѣры ноженъки,

Не коетъ ли мое ретивѣ сердце?—
„Родимая дочка-матушка!
Носи платьѣ цвѣтно, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай.“

Родимая матушка,
Понося-то платьѣ—сложится,
Потерпя-то горе—скажется.

1586 (59).

Всѣ домой! всѣ домой!
А я младѣ не хочу!
Съ кѣмъ гуляю, не скажу,
Кого люблю, не бъявлю.
Напишу я грамотку
По бѣлому бархату,
Отошлю я грамотку,
Къ родимому батюшкѣ:
„Родимый мой батюшка,
Изволь грамотку принять,
Изволь ее прочитать.
Не пустишь ли погулять?“
— Гуляй, гуляй, моя дочь,
Не во всеѣ темну ночь,
Не прогуливай полночь!
Всѣ домой! Всѣ домой (и проч.)
Ко родимой матушкѣ: (и проч.)
„Не пустишь-ли погулять?“

1587 (60).

Ужъ какъ люди въ людяхъ-то живутъ,
На людей люди угаживаютъ,
На свекровушекъ снаравливаютъ;
А моя ли кривошлыкая свекровь
Посылаетъ и туды меня, сюды
И туды меня, и сюды, и Богъ знаетъ, куды:
Посылаетъ часто въ погребъ за питьемъ;
Въ погребу стоитъ кроватушка,
На кроватушкѣ перинушка,
На перинушкѣ дѣтинушка.
Я немножко тамъ замѣшкала,ся,
Зелена вина натрескалася.
Я иду, иду, пошатываюсь,
А моя-ли кривошлыкая свекровь
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Чеботомъ сѣни проламливаетъ:
„Ужъ надай, Боже, до вечера дожить,
Ужъ надай, Боже, скорѣй сыну прійдти.
На любезную невѣстущку нахвѣстала бы:
Охъ, сынъ ты мой, сынъ,
Ты во Новъ городъ сходи,
Шелковую плетъ купи,

Молодѣ жену учи“.

— Охъ, ты, мать моя, матушка,
Государыня-боярыня моя!
Не диковина во Новъ городъ сходить,—
Не въ убытокъ шелковую плетъ купить,
На безчестье молодѣ жену учить.
Было-бы съ кѣмъ мнѣ, матушка,
Было-бы съ кѣмъ, государыня моя,
Было-бы съ кѣмъ мнѣ вѣкъ-ать жить.—

1588 (61).

Охъ, ты Ванюшка, Ванюша!
Что жъ ты, Ванюшка, не весель?
Буйну голову повѣсилъ?
Черной пляной принакрылся,
Родной матушкѣ взмолился:
„Охъ, ты мать моя родима
Зачѣмъ на горе родила,
Молодѣтнаго женила?“
Жена мужа не взлюбила,
Со кроватушки спихнула,
Ручку съ ножкой извихнула.
Стала ноженъка болѣти,
Стала милая тужити:
„Не тужи, моя милая:
Заживетъ нога больная“.
Мнѣ сегодняшій день скука,
Со любезнымъ разлука:
Разлучаетъ насъ неволя,
Чужѣ дальняя сторонка,
Петербурекая дорожка.
Я по этой по дорожкѣ
Много разъ по ней ѣзжала,
Много писемъ я писала,
Много плакала, рыдала,
Я по почтѣ отсылала,
Мои письма не доходятъ,
Слуги вѣрны не доносятъ:
Слуги вѣрны все злодѣи,
Разлучить съ милымъ хотѣли.
Разъ тогда меня разлучать,
Когда въ гробъ меня положить,
Гробовой доской захлопнуть.
Заростай моя могила,
Ты травую муравую,
Еще алыми цвѣтами.
Охъ, вы вѣтры, вѣтерочки,
Полудѣнцы-вѣтры студены!
Полно, вѣтры, бушевати,
Синѣ море колыхати,
Бѣлу рыбицу пугати:
Испугаешь—не поймаешь,
А упустишь—не воротишь.

1589 (62).

Лучина-ль, лучинушка берёзовая!
 Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
 Не ясно горишь, отсвѣчиваешь?
 Али ты, лучинушка, въ печи не была?
 — Была я въ печи вчерашней ночи,
 Вчерашней ночи въ углу на печи;
 Лютая свекровушка сердита была,
 Меня ли лучинушку водой подлила.—
 Подружки, голубушки, ложитесь спать,
 Ложитесь спать: вамъ нѣкого ждать;
 А мнѣ молодешенькѣ всеё ночь не спать,
 Всеё ночь не спать, кровать убирать,
 Кровать убирать, мила дружка ждать...
 Не дожdamши милаго, ложилася спать.
 Первый сонъ заснула—нѣту никого;
 Другой сонъ заснула—не бывалъ никто;
 Третій сонъ заснула—заря бѣлый день.
 По зорькѣ по бѣленькой милый идѣтъ;
 Куня на нѣмъ шубочка пошумливаетъ,
 Козловы сапожки поскрипываютъ.
 Пуховою шляпочкой помахиваетъ.
 Что жъ ты, добрый молодецъ, давно не
 бывалъ?

1590 (63).

У барыни было три дочери,
 Приндѣ, сундѣ, три дочери!
 Двѣ дочери милыя, третья постылая.
 Принды, сунды, постылыя (и т. д.)
 Отдала она дочь милую за барина,
 А другую отдала дочь милую за боярина;
 Третью отдала дочь постылую за татарина.
 Пишетъ дочь милая къ матери грамотку:
 „Потужи, погорюй, моя матушка,
 Объ моемъ горѣ несчастіи:
 У моего ли у барина всеё ночь огни горятъ,
 Всеё ночь огни горятъ, свѣчи сальныя:
 Куетъ прутья мѣдныя на мое ль тѣло бѣлое,
 На мое-ль тѣло бѣлое, на мое тѣло нѣжное.“
 Пишетъ дочь милая къ матери грамотку:
 „Потужи, моя матушка, объ моемъ горѣ
 несчастіи:
 У мого ли у боярина всеё ночь огни горятъ,
 Всеё ночь огни горятъ, свѣчи сальныя:
 Куютъ прутья желѣзныя на моё ль тѣло
 бѣлое,
 На моё ль тѣло бѣлое, на моё ль тѣло нѣжное.“
 Пишетъ дочка постылая къ матери грамоту:
 „Не тужи, моя матушка, о моемъ горѣ не-
 счастіи:

Шьютъ платья цвѣтными на мое ль тѣло
 бѣлое,
 На мое ль тѣло бѣлое, на мое ль тѣло нѣжное.“

1591 (64).

По рошѣ, по рошѣ мой милый гулялъ,
 Берёзникъ, берёзникъ, берёзникъ ломалъ,
 Метёлки, метёлки, метёлки вязалъ,
 Въ телѣжку, въ телѣжку, въ телѣжку бросалъ,
 Бурѣнку, бурѣнку, бурѣнку впрягалъ,
 „По мѣтлы! по мѣтлы! по мѣтлы!“ кричалъ.
 Случилось ѣхать Мѣшанской второй;
 Увидѣлъ онъ дѣвку, на окошкѣ сидитъ,
 Н'окошкѣ сидитъ, цвѣточкомъ шалитъ:
 „Метельникъ, метельникъ, метельникъ!“ кри-
 читъ,
 Ты подь-ка, бездѣльникъ, ты подь-ка сюда!“
 Метельникъ соскочилъ, метлой подарилъ,
 Метлою, метлою, метлой подарилъ.
 Недовольна стала подаркомъ его,
 Метѣлочки продалъ, да шаль ей купилъ,
 Телѣженку продалъ, капоть ей купилъ,
 Буренку-то продалъ, салонъ ей купилъ,
 Салонъ ей, салонъ ей, салонъ ей купилъ.

1592 (65).

Не летай, сизый голубчикъ,
 На моё красное окно!
 Не воркуй, сизой голубчикъ,
 Жалобнымъ жалобно!
 Ужъ и такъ мнѣ красной дѣвкѣ
 Растощнымъ тошнѣхонько:
 Не пускаетъ отецъ-мать
 На улицу погулять,
 Въ хороводы поиграть.
 Я умѣю-разумѣю
 Съ молодцами говорить.
 Разтерзаю грусть-тоску,
 Во зелёный садъ пойду,
 Себѣ милаго найду,
 За праву ручьку возьму,
 Въ высокъ теремъ поведу;
 Постелюшку постелю,
 Взголовнице положу,
 Въ головушкѣ поищу.
 Стала дѣвица искать
 Сталъ молодчикъ засыпать;
 Очутился, проявился:
 Нѣтъ ни коня, ни сѣдла,
 Нѣтъ ни дѣвчья шатра!
 Привяжи, милый, коня
 Ко дубовому столбу.
 Ко серёбряну къ кольцу.

1593 (66).

Кому счастье, кому два,
 А мнѣ нѣтъ ни одного!
 Дуютъ вѣтры со горъ
 На купечески дворы.
 Со купеческа двора
 Шла дѣвица хороша,
 За собой вела коня;
 Конь копытомъ землю бьетъ,
 Грусть-тоска дѣвку беретъ:
 Никто съ милымъ не разлучить,
 Ни погода, ни вьюга,
 Ни сильны часты дожди;
 Развѣ насъ*) съ миленькимъ разлучить
 Одна поляя вода:
 Разольются рѣки, озерá,
 Потопляли зелѣные луга;
 По бережку похожу,
 Легку лодочку куплю,
 Перевозщица найму:
 „Перевозщикъ молодой,
 Перъези меня домой,
 На ту сторону домой,
 Да къ матушкѣ родной!“
 — Душа, красная дѣвица,
 Нынче дорогъ перевозъ! —
 „Перевозщикъ молодой,
 Что ты хочешь, то бери!“
 — Мнѣ не надо ничего:
 Душа красна дѣвица,
 Поди замужъ за меня! —
 „Добрый молодецъ, душа!
 Эта воля не моя,
 Эта воля не моя,
 Еще батюшки,
 Еще батюшки,
 Еще матушкина!

1594 (67).

Акулинушка душа
 Всеё ночь не спала,
 Всеё ночь не спала,
 Дружка милаго ждала.
 Ужъ какъ погода немного,
 Помѣшкавши часокъ,
 Акулининъ мужъ — на дворъ:
 „Акулинушка душа,
 Отпирай ворота,
 Принимай соколá,
 Пушай ворона коня!“
 Акулинушка бѣжить,

*) Вписано позднѣе. — Ред.

Не стучить, не гремить,
 На ней платице шумить;
 Воротечки отнерлá,
 Ворона коня взяла,
 Во конюшню отвела.
 Онъ во спаленку взошелъ.
 Кушакъ съ шляпою нашелъ:
 „Акулина, это что?“
 — А тебѣ, сударь, на что?
 Вечоръ кушцы пиво пили,
 Кушакъ съ шляпою забыли. —
 Акулина хороша,
 Григорьевна хороша:
 Вечоръ по торгу ходила,
 Ворона коня купила,
 Акулина хороша,
 Григорьевна хороша.
 „Акулина, это что?“
 — А тебѣ, сударь, на что?

1595 (68).

Соловей мой, соловей!
 Не летай поздно одинъ!
 Парень дѣвку полюбилъ,
 Колѣчушко подарилъ.
 Колѣчушко, сердечушко,
 Мой золотый перстенецъ!
 Далеко милый живеть.
 Во матушкѣ во Москвѣ
 Во Троицкой улицѣ*)
 Собиралися робята
 На одну улицу гулять,
 Къ цѣловальничку въ кабакъ:
 „Цѣловальничекъ Андрей,
 Наливай рюмку полнѣй,
 Нашихъ денегъ не жалѣй!
 Во карманѣ гроша два,
 Размѣняю да отдамъ! —

1596 (69).

У барина
 Была барыня гожа́,
 У крестьянина
 Получше его:
 „Крестьянинъ мой!
 Помѣняемся женой!“
 — Бояринъ мой,
 Не мѣняюся женой. —
 „Твоя жена
 Не годится никуда;
 Мою жену

*) Поютъ также: Во Нѣмецкой улицѣ. — П. В. К.

Часто въ гости зовутъ,
 Мою жену
 Во колясочкѣ везутъ,
 Меня, мужа,
 На веревочкѣ ведутъ.
 Меня, мужа,
 По женѣ честятъ:
 Моей женѣ
 Сладка меду подаютъ,
 А мнѣ, мужу,
 Быть болотная вода.

1597 (70).

Косилъ Ваня чужѣ траву,
 Своя стоитъ, вянетъ;
 Любилъ Ваня чужѣ жѣнку.
 Своя стоитъ, плачетъ.
 Что кому за дѣло,
 Что я съ милымъ сѣла?
 И я сѣла, посидѣла,
 Пѣсенку запѣла
 Про рошу зелѣну.
 Во садикѣ калинушка
 Стелется, плетѣтся,
 У мѡлодца сердечушко
 Трепещется, бьется.

1598 (71).

Малолѣтняя дѣвчонка
 Научилася страдать.
 Не страдай, к...а дѣвчонка,
 Ещѣ въ лѣтахъ молода!
 Въ эвтихъ лѣтахъ будешь вѣдать
 Всѣ любовныя слова.
 Какъ по первой по порошокъ
 Милъ на санкахъ разѣзжалъ,
 Милъ на санкахъ разѣзжалъ,
 Ко мнѣ въ гости заѣзжалъ.

1599 (72).

У ворѡтъ, у ворѡтъ
 Росла травка шелковѣ; (3) *)
 По той травкѣ галка шла,
 За галушкой соколѣикъ:
 „Постой, галка, не лети!“
 — А ты соколъ не держи,
 Пусти галку на волю,
 На казѣнну работу.—
 „Я тогда еѣ пушу,
 Когда крылья, перья сущилю,
 По всему свѣту размечу.“

*) И далѣе повторяется по три раза послѣднее слово.—П. В. К-ий.

1600 (73).

Подъ окошечкомъ дѣвѡчка
 Призадумавшись сидѣть.
 Она плачетъ и рыдаетъ,
 Сама рѣчи говорить:
 „Чего мое сердце ожидаетъ,
 Знать, того мнѣ вѣкъ не видать.
 Вянетъ, вянетъ въ полѣ травка,
 Долго дожличекъ нейдѣтъ,
 Ноетъ, ноетъ мое сердце,
 Долго миленькѣй нейдѣтъ.
 Много видѣла прохожихъ,
 Лишь одинъ не проходилъ;
 Кой мому сердцу милъ.
 Разбессовѣсны мѡщины,
 Вы не всѣ ли таковы?
 Вы въ глаза-то вы насъ льстите,
 А на сердце ничего!
 Мы-то васъ вѣрно любимъ,
 У насъ вѣкъ по вѣку ударъ.“

1601 (74).

И я вымою коренья бѣло на-бѣло,
 И я высушу коренья сухо на-сухо,
 Искрошу коренья мелко на-мелко;
 Я изъ этого коренья пива-мѣду наварю,
 Я свѡво дружка Ванюшу къ себѣ въ гости
 позову;
 Положу дружка Ванюшу на тесѡвую кровать,
 Поднесу дружку Ванюшѣ, стаканъ мѣду под-
 несу,
 Я спрошу дружка Ванюшу, что на сердечкѣ
 лежитъ?
 — У меня-ли на сердечкѣ камушекъ лежитъ.
 Наперѣдъ-та понесите саблю вострую,
 А за саблей понесите чѣрну шляпу пуховъ,
 А за шляпой подведите мѡво ворона коня.—

Пѣсня отмѣчена „протяжной“—Ред.

1602 (75).

Сидѣла-то Дунюшка поздно вечеромъ одна,
 Горѣла у Дунюшки воску яраго свѣча,
 Ждала къ себѣ Дунюшка въ гости милаго
 дружка;
 Не дождавшись, Дунюшка ложилася спать
 одна,
 Ложилася спать одна на тесѡвую кровать.
 Пришелъ ко мнѣ миленькѣй во самую во
 полночь,
 Стучить, гремитъ миленькѣй въ косячѣто
 окно:

„Спишь ли, не спишь, Дунюшка, или такъ
больше лежишь?“
— Сплю я, не сплю, Ванюшка, больше такъ
съ горя лежу.—

Пѣсни 1527—1602 записаны самимъ П. В. К-имъ
въ іюль (7-го, 11, 17, 20, 23, 24 и 31), августъ (1,
4, 5, 7, 9—11, 16, 17, 20, 26 и 27), сентябрь (1—
4 и 13) и октябрь (4-го и 31-го) 1833 г.—*Ред.*

д) Верейскій уѣздъ, г. Верей.

1603.

Не спалось-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, ночку,
не дремалось,
Ужъ и много-то мнѣ во снѣ видѣлось:
Ужъ какъ будто бы подымались вѣтры, вѣте-
рочки,
Со палатъ верьхи поносило,
Въ терему двери растворялись,
На столахъ яствы расплескались;
За столомъ сидитъ злой, лихой татаринъ,
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвица,
Русская полонянка;
Передъ нимъ-то стоячи,
Сама слезно плачетъ;
Ужъ какъ злой, лихой татаринъ
Дѣвушку плакать унимаетъ,
Бѣлымъ платкомъ слезы

Онъ ей утираетъ:
„Ты не плачь, не плачь, красная дѣвица,
Русская полонянка!
Я сошью-то, сошью тебѣ кунью шубочку
Съ дорогими соболями;
Я солью, солью золотъ перстень
Съ дорогимъ алмазомъ.“
Ему дѣвушка отвѣчала:
— Ты не шей, не шей кунью шубочку,
Съ дорогими соболями,
Ты не лей, не лей золотъ перстень
Съ дорогимъ алмазомъ;
Ты пусти, пусти дѣвушку на волюшку,
На свою прежнюю сторонушку!—
Онъ дѣвушкѣ отвѣчаетъ,
А на волю ее не пушаетъ.

Доставлена М. С. Мухановымъ.

е) Верейскій уѣздъ, д. Клинь.

1604 (1).

Дѣвка по лужечку гуляла,
Зло коренье копала,
Вырыла злы коренья,
По на Дунай рѣку пошла,
Вымыла злы коренья.
— Сухо на сухо сушу;
Иссушомши-жъ злы коренья,
Въ меду, въ сахарѣ сварю,
Дружка въ гости позову;
Позову я дружка въ гости,
Въ на кроватьку посажу,
Стаканъ меду поднесу.
Поднесу я стаканъ мѣду,
У любезнаго спрошу:
„Скажи, скажи, любезной,
Что на сердцѣ на твоємъ?“
— На моемъ ли на сердечкѣ,
Словно камушекъ лежитъ.
Хочу я, дружокъ, скоро умереть,
Я когда я, другъ, скончаюся,
Чтобы мое тѣло схоронить.
Схороните мое тѣло при трехъ

При большихъ дорогъ;
На всякой дорожункѣ положите
Что три примѣтушки мои:
А первую примѣту—
Мою шляпу со перомъ*)
Портунею съ тисакомъ,
Третью примѣту—кавалеріе мое.—

*) Далѣе зачеркнуто: „мой киверъ съ теса-
комъ“.

1605 (2).

Въ Никуличенькѣ-то князь Голицынъ
По лужкамъ гуляить;
Іѣнъ гуляить-то князь Голицынъ—
Что про все размышляить,
Размышляить-то князь Голицынъ
Гдѣ въ Москву проѣхать?
„Табѣ ѣхать-то, князь Голицынъ,
Лѣсомъ-то, князю, ѣхать“.
— Лѣсомъ-то мнѣ тѣсно.—
„А болотомъ-то князю ѣхать“.
— Болотами грязно

Мнѣ ѣхать—что князь Голицынъ.—
 „Дорожкой князю ѣхать“.
 — Дороженькою—пыльно.
 Мнѣ Москвою-то ѣхать славной слободно,
 Улицей Емскою,
 Глухимъ переулкомъ.—
 Подъязжайтъ-то князь Голицынъ
 Ко церкви, ко собору,
 Скидавайтъ-то князь Голицынъ
 Шапочку соболью,
 Богу помолитцы,
 Царю поклонитцы:
 „Ужъ ты, батюшка государь царь,
 Чѣмъ ты меня пожалуешь?“
 — Я тебя пожалую, князь Голицынъ,
 Мелкими селами,
 Голыми полями,
 Ишчо я тебя малымъ Ярославцемъ,
 Ишчо я тебя пожалую:
 Во полѣ хоромы,
 Не крыты, не мпоны,
 Свѣтомъ обложоны.—

1606. (3).

Была Танюшка злато честное,
 Уродилася безсчастная;
 Не знаю, какъ быть,
 По несчастью жить:
 Во несчастьѣ Танѣ жить,
 Печаль тоску отложить;
 Не стану тужить,
 По пустомъ тужить не стану,
 Скоро плакать перестану;
 Все это пустое—
 Наносное слово;
 Не боюсь пустыхъ словъ,
 Да шлю милому пословъ,
 Чтобы милъ пришелъ
 Ко мнѣ побувать.
 Идетъ милой ко двору,
 Поклонъ милому воздавши,
 Цѣловалася, обнимала,
 Сѣла на траву
 Подъ яблонь въ саду;
 Подъ яблонью сидѣли,
 Таки рѣчи говорили,
 Забавныя слова.
 Не боялась пустыхъ словъ;
 Пошлю ко милому пословъ,
 Что бы милъ пришелъ,
 Ко мнѣ побувать.
 Идетъ милой ко двору
 Огородомъ вечеру;
 Поклонъ Донюшкѣ воздавши,

Цѣловалася, обнимала,
 Сѣла она на траву
 Подъ яблонь во саду;
 Подъ яблонью сѣла на траву,
 Подъ яблонью сидѣла,
 Таки рѣчи говорила,
 Забавныя слова
 Сама про себя:
 Я сама себя згубила,—
 Дружку тайнось объявила,
 Кого жъ любила,
 На вѣки да тебя.
 Я солдата полюбила,
 Солдата отбрѣсила,
 Подъячаго любить стала,
 Подъ видомъ „люблю“
 Всяво изсущу.
 Я мово дружку бросила,
 Молодчика полюбила.
 Парень молодой
 Въ любви жить со мной,
 Я за то яво любила—
 Въ человальничкѣ было,
 Я ко нему ходила,
 Научилася вино пить,
 Подъстегвой (?) стала слыть.
 Я и самъ тово дошелъ,
 Какъ Тани стало до стыда,
 Что люди смѣютцы въ глаза,
 Во глаза говорятъ.
 Отецъ больно Таню билъ,
 Уму-разуму училъ,
 Да не научилъ;
 Пошлю б... со двора,
 Я учить болѣ не стану;
 Отдалъ бы яе замужъ,
 Да нѣтъ жаниховъ.
 Кабъ присватался женихъ—
 Изъ Романова старикъ,
 Девеносто лѣтъ,
 Хошъ любишь, хошъ нѣтъ.
 Она говорить:
 „Побой много приму,
 Съ бороною не люблю.
 Либо утоплюсь,
 Либо удавлюсь,
 Побой много приму,
 Съ бороною не люблю“.
 — Мыслевъ такихъ нѣту—
 Съ бороною любишь.—
 То слышалъ прежній дружокъ милой
 Отдаютъ Таню силой,
 Скорѣе прибижать.
 Хоть на малой часъ,
 Говорилъ Тани рѣчи Ваня:

Какъ пошли мы вмѣстѣ въ баню,
Проспали всю ночь до бѣлаго дня.

1607 (4).

По Питерской, Владимирской дорожки
Что шли, прошли казаки молодые,
За казаками идутъ матушки родныя.
„Вы не плачьте, наши матушки родныя;
Во по пути слезахъ дороженьки не видно“.
Съ возрыданьица словечка не промолвють,
Какъ возговорятъ казаки молодые:
„Вы не плачьте, наши матушки родныя,
Внезмачить же вамъ сырой земли слезами
Внезаполнить имя моря—горючами“.
Какъ не ясненъ соколъ съ тепла гнѣзда сля-
таеть,
Какъ молодой казакъ съ фатерушки съѣз-
жаеть,
Какъ ни отецъ ни мать провожаетъ,
Что провожаетъ, уважаетъ красна дѣвушка.
Красна дѣвка, красна дѣвка, сиротина!
Сиротина, сиротина—зоуть Катерина.
Катерина, Катерина—Матярина
Во всѣ рѣчи говорила:
„И не дай, Боже, казакамъ воротицы,
По старьемъ фатерамъ становицы,
Со милою повадицы!“

1608 (5).

Разбещастинькой король,
Король безталанникой
На свитѣ родился,
Ионъ на конинькемъ король

Разъѣжаить,
Ничаго жъ то король ни знаить;
И толька знаеть то король
Про свою армеюшку—
Пошла подь француза.
Что пришли-то, пришли
Къ королю газетушки,
Да не радошныя,
За черною печатью.
Роспечатаь-то король
Свой газетушки,
Самъ слезно заплакаль.
„Мнѣ не жалъ-то, не жалъ,
Королю, армеюшки,
Жалко-то мнѣ
Одного сенатора;
А и что-то мнѣ жалко
Своево племянничка,
Своево роднова“.
Что повѣсилъ-то король
Свою буйную головушку.
Къ на направую сторонушку,
Пригупилъ-то король
Свой очи ясныя:
„Ужъ ты, дѣвица моя,
Раскрасавица моя,
Подай же ты мнѣ листь бумажки,
Перо со черниломъ;
Напишу я во Прусскую землю....“*)

Пѣсни 1604—1608 съ помѣтой: „Кавелинъ“. За-
писаны были фонетически.

*) Конца пѣсни нѣтъ.—Ред.

ж) г. Дмитровъ.

1609.

Полянъка, Полянъка, дѣвчоночка моя!
Гдѣ же ты, Поляночка, погуливала?
Не видать, не слышать и не чутъ про неѣ.
Заразъ дѣвчина проявилась на дворѣ,
Не одна пришла—со милымъ дружкоймъ,
Похахалася съ дружкоймъ, похахалася съ ми-
лѣвки зрять, всѣ красавицы глядятъ: [лымъ.
„Не дивуйтесь, дѣвицы, что сама на дворъ
пришла,
Со милымъ дружкоймъ похахалася, съ милымъ.
Ахъ лучше, сестрицы, запойте козачка,
Того ли—казачка и забавничка“.
Казачекъ, казачекъ, казакъ миленькій дру-
жокъ.

Тебя скачимъ, тебя пляшимъ, тебя веселимъ.
Ой, дай Боже намъ по чужимъ мужьямъ,
По чужимъ мужьямъ, по хорошимъ молодцамъ,
Зашуркать, забуркать за хорошихъ молодцовъ,
За хорошихъ удалцовъ, чернобровыхъ уда-
льцовъ,
Чернобровыхъ, черноглазыхъ, русокудре-
ватыхъ.
Ай поздно на дворѣ, пора, милый, со двора!
Прощай, милая каханка, прости сердце мое!

1610.

По улицѣ, улицѣ,
По травушкѣ, травушкѣ,
По лазоревымъ по цвѣтикамъ.

Красна дѣвка въ танецъ пошла;
 Во томъ танцѣ танцовала,
 Танцовавши приѣстала,
 Приѣставши придремала,
 Придремавши приснула
 У молодца на колѣняхъ,
 У роднова подъ гуслями.
 Молодецъ въ гусли играетъ,
 Красавицу забавляетъ:
 „Встань, дѣвушка, встань, лапушка,
 Встань, бѣлая голубушка.
 Вотъ твой идетъ твой батюшка“.
 — Я батюшки не боюсь,
 Родимова не страшуся:

Мой батюшка не чужой,
 Родимой мой, не лихой;
 Побьетъ, побьетъ, пожуритъ
 И опять помируетъ.—
 Красная дѣвица слезно плачетъ,
 Слезно плачетъ, возрыдаетъ,
 Свово дружка вспоминаетъ,
 Свово дружка Иванушку:
 — Иванушка, мой, батюшка,
 Сергѣюшка сердючушко,
 Петрушинька, мой душенька,
 Семенушка зазнобушка,
 Алешинька хорошинькой,
 Васильюшка соколокъ.

з) Серпуховскій у., с. Солнушково.

1611.

Ты—куколка,
 Я—куколка,
 Ты—маленька,
 Я—маленька,
 Что ко мнѣ долго не была?
 Боялась типуна!
 Типунъ тебѣ не судья,
 Судья тебѣ владыко;
 Владыкины дѣти
 Хотѣли летѣти
 Ко царю на болото;

Что царь дѣлаетъ?
 Стару ногу пишетъ,
 Стара нога подломилась,
 Царь покатылся;
 Жена у него Марья,
 По сѣнямъ ходила
 Сына породила
 Какъ имя? Царя Константина.
 Бубеноры бубенъ, отдай свою дочку
 За нашего князя.
 Три шатра шито,
 Бумагой крыто,
 Гвоздями убито!